

Уральское отделение Российской академии наук

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

№ 4 ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2013

Научно-популярный журнал
Основан в 2008 году
Выходит 4 раза в год
ISSN 1998-2097

Главный редактор

академик РАН *В.П. Матвеевко*

Редакционная коллегия

академик РАН *В.Н. Анциферов*
канд. экон. наук *А.Г. Андреев*
д-р техн. наук *А.А. Барях*
д-р истор. наук *А.М. Белавин*
чл.-корр. РАН *В.А. Демаков*
чл.-корр. РАН *И.Б. Ивишина*
д-р техн. наук *А.А. Иноземцев*
д-р техн. наук *В.В. Маланин*

д-р техн. наук *В.Ю. Петров*
д-р экон. наук *А.Н. Пыткин*
д-р физ.-мат. наук *Ю.Л. Райхер*
д-р физ.-мат. наук *А.А. Роговой*
д-р техн. наук *В.Н. Стрельников*
чл.-корр. РАН *М.И. Соколовский*
д-р физ.-мат. наук *А.А. Ташкинов*

Ответственный секретарь

канд. техн. наук *В.П. Приходченко*

Адрес редакции журнала:

614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А

тел.: (342) 212-43-75

e-mail: vestnik@permsc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 4/2013

ИЗ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

Корчагин П.А.

Пермь. «Что в имени...» 4

Павлов П.Ю.

Древнейшее прошлое Пермского края: палеолит 22

Вайман Д.И.

Праздники и обряды Пятидесятницы (Pfungsten) в календарной
обрядности немцев Урала 33

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Назукина М.В., Подвинцев О.Б.

Российская Федерация как система и иерархия идентичностей 45

Иванова Н.К.

Английские аббревиатуры-неологизмы:
особенности образования и написания 52

Блинов Р.Ю.

О некоторых тенденциях в английском правописании 61

TERRA LINGUA Ψ 67

ИНСТИТУТЫ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Загребин А.Е.

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН:
время анализа..... 85

На обложке – картина Л. Малышевой «Зимнее кружево»

ИЗ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ

ПЕРМЬ. «ЧТО В ИМЕНЕ...»

П.А. Корчагин,
Пермский отдел археологии,
истории и этнографии при ПНЦ
УрО РАН

Топоним «Пермь» существует уже девять веков. Этот уникальный топоним имеет форму не только множественного числа, но и уменьшительно-ласкательную. Имя «Пермь» изначально не являлось этнонимом (поскольку не может быть самоназванием народа выражение «задняя земля»), а служило для обозначения отдельных территориальных групп коми. Однако по прошествии веков некоторые коми включили это слово в свое самоназвание: «коми-пермяки» в Пермском крае и «пермяки» (летские коми) в Прилузском районе Коми Республики. Исчезновение с карты или из административного обихода топонима «Пермь», даже просто сужение территориальных рамок региона с таким названием, всегда совпадало с экономическим упадком и административным уничтожением края.

Ключевые слова: Пермь, Колопермь, Пермь Великая, Пермская губерния, Пермская область, Пермский край, Коми-Пермяцкий автономный округ.

*«...слово «Пермь» не коми и не русское...
судьба слова «Пермь» полностью зависела
от хода истории...».*

А.С. Кривошекова-Гантман

В 2013 г. Перми исполнилось 290 лет, но это свое имя город носит всего лишь 232 года. Исторически сложилось, что населенный пункт, возникший в 1723 г. в качестве поселка Егошихинского медеплавильного завода, только в 1781 г. получил название «Пермь». Так уж совпало, что в 2013 г. также исполняется 900 лет со времени первого упоминания этого имени в письменных источниках. И, очевидно, есть смысл рассмотреть историю не столько города или края, сколько историю имени «Пермь». Сначала вкратце о

значении слова. Вкратце, поскольку эта тема необъятна, в ней еще отнюдь не все ясно, и для анализа потребно отдельное и развернутое исследование.

Собственно, вопрос о Перми интересовал исследователей еще с XVIII в. В 1730 г. Ф.И. Страленберг, очевидно, первым из исследователей отождествил Пермь и легендарную страну скандинавских саг Биармию: «Вторая пристань была в *Биармии или в Великой Перми* (здесь и далее жирный курсив – мой – П.К.) при городе Чердыне» [18, с. 17], «В

Европе суть *Великая Пермиа, которую древность Биармаланд называет*, и прежде превеликую часть земли в себе заключала...» [18, с. 38]. И хотя Ф.И. Страленберг нигде в книге не анализирует собственно топоним, из его текста следует, что для него «Пермь» и «Биармия» суть одно и то же на разных языках. За ним мысль о скандинавском происхождении интересующего нас топонима повторили В.Н. Татищев [63, с. 283], М.В. Ломоносов [28, с. 32–33] и М.Д. Чулков [68, с. 95]. В начале XIX в. Н.М. Карамзин в своей «Истории...» писал: «Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии» [20, с. 42].

Но вскоре исследователи от этой романтической идеи отказались. В 1821 г. советник Пермской казенной палаты, а позднее известный историк русского флота В.Н. Берх весьма трезво писал: «Все почти Историки наши, сочинители Географических словарей, и Чулков, в плодovitом описании своем о Российской Коммерции, утверждают единогласно, или лучше сказать, повторяют без всякого изыскания, что нынешняя Пермь есть Биармия древних...»

...Первые Историки всех народов почерпали свое родословие из самой глубокой древности, или, как почтенный Историк наш Василий Никитич Татищев говорит: боялись быть почтены незаконнорожденными, ежели не выведут происхождения своего из *второй книги Моисея*. Уклонясь таковыми выводами от истинных пределов своей истории должны они были отнести происшествия позднейших веков к тем же ранним временам...

Ежели ли бы жители великой Пермии были народ действительно просвещенный, имевший торги с Персиянами, поданными Великому Могола и проч., то знаменитый Стефан, Епископ Пермский, проповедывая здесь веру Христианскую в XIV веке, нашел бы хотя малые остатки

предполагаемая их просвещения. Но мы видим, что он встречал повсюду народ дикий и необразованный.

В житии сего Епископа находятся между прочим разговоры его с разными Жрецами, которые, превознося Богов своих, говорили ему: «Они дают нам ловлю, помогают «убивать медведей и прочих свирепых зверей; за то мы им и приносим в жертву «соболей, куниц, бобров и проч. Следовательно народ сей занимался ловлею зверей и был очень далек от всякого просвещения» [4, с. 60, 67].

Г.С. Лыткин в примечании к своей работе 1889 г. описал две основные этимологии, появившиеся во второй половине XIX в.: «Слово «Пермь» сильно занимало акад. Шегрена. После тщательных розысканий, он пришел к заключению, что это слово 1) или финское Perämaa – das hintere Land, задняя сторона, 2) или же зырянское Perjema – das weggenommene, entnommene, geerbte Land, отнятая, взятая, унаследованная земля («Gesammelte Schriften, I, 295, 296»). П.И. Савваитов, пользовавшийся трудами акад. Шегрена, говорит: «Слово räätma край, окраина, по значению тождественно с sytjä. Следовательно, Зырянин и Пермь означают крайнего, пограничного жителя, украинца (в Трудах 1-го археологического съезда в Москве статья его под заглавием «О зырянских дерев. календарях»). Такое странное заключение получилось от того, что акад. Шегрен (за ним и г. Савваитов) не принял в соображение, что сложные зырянские слова, например, кер-ку, пар-ку, пар-му, нужно разлагать и читать: кер-а+ку, пар-а+ку, пар-а+му, откуда он легко получать бы: кер-к-а, пар-к-а, пар-м-а. Он также не принял в соображение то, что Пермь, Перемень есть измененное парма, как Югра есть измененное Jögra. Слово парма значить: высокая земля, поросшая лесом, тут кедровым» [29, с. 18].

Как это ни странно, но восторжествовала и даже попала в учебную литературу вторая точка зрения. Е.Е. Замысловский в

1887 г. отмечал: «К северо-востоку от Черемисов простирались жилища пл[емени] Пермь (от слова «Парма» – высокая гора). Народ этот имел очень древнюю культуру, промышленял горным делом и вел торговлю с Болгарами, Скандинавами (которые называли Пермскую землю Биармию и, вероятно, Славянами. Биармия простиралась от берегов Сев. Двины на восток, может быть, до самого Уральского хребта, и в состав ее входила нынешняя Пермская губерния» [17, 30]. При всей красоте и оригинальности данной гипотезы принять ее невозможно. Составитель авторитетнейшего «Этимологического словаря русского языка» Макс Фасмер отмечал, что выведение *пермь* из *парма* затруднительно фонетически [66, с. 242–243].

Но в середине XX в. произошел возврат к наиболее удовлетворительной этимологизации, автором которой считают Д.В. Бубриха, выведившего *Пермь* из вепсского *Perämaa*, буквально – «задняя земля», в смысле «Заволочье» [5, с. 30]. В самом деле, в Вепско-русском словаре читаем: «**pera** зад, корма», «**ma** I земля, страна, II цвет, масть; III материя» [67, с. 34, 42]. Эту точку зрения разделяла и выдающийся коми-пермяцкий языковед А.С. Кривошекова-Гантман: «слово «Пермь» не коми и не русское. Его исток в языке летописной веси» [25, с. 177].

Хотя иногда в отдельных работах происходил возврат к гипотезам начала XIX в. Так, А.А. Попов в работе 1938 г. полагал, что границы легендарной *Биармии* и *Перми* совпадали. Поэтому источником топонимов «Пермь», «Перемь» и «Биармия» он считал язык коми. По его мнению, топоним «Биармия», происходил от сложения слов *би* «огонь», *ур* «белка», *му* «земля»; то есть, *биурму* (Биармия) – «страна огненной белки» [34, с. 6–10].

Одновременно с Д.В. Бубрихом географ Н.И. Шишкин выдвинул еще одно, на наш взгляд, фантастическое, толкование слова «Пермь». По его мнению, «*пермь*» – скрещенный термин, состоя-

щий из названий двух древних племен – *пер* и *емь*. Начальное *пер* – тотем одного из племен бассейна Печоры, обожествлявшего лес, возвышенность. Племя *пер* двигалось на запад и юг и там скрещивалось с другими племенами, в частности западнофинским племенем *емь*. Получилось новое племя *перемь* (*пер+емь*). Позднее это название было перенесено и на камских коми [70, с. 18].

А.С. Кривошекова-Гантман, подытоживая предпринятый ею обзор этимологий топонима «Пермь», писала еще об одном варианте истолкования этого слова: «Из гипотез, выдвинутых этнографами, заслуживает внимания предположение старшего научного сотрудника Коми филиала АН СССР Л.С. Грибовой. Она сближает слово «*пермь*» с именем героя коми-пермяцкого эпоса Перы-богатыря. Сопоставляя *Пера* с некоторыми словами религиозного содержания коми языка, например *перна* («крест на шее»), обозначениями различных духов в финно-угорских языках (удмуртское *перу* – «злой дух», мордовское *перу* – «дух ветров» и т.д.), Л.С. Грибова пришла к выводу, что *Пера* у предков пермяков также был богом. Отсюда *перна* – не просто «крест на шее», а «место Перы». Она допускает, что камские коми назывались пермяками потому, что им покровительствовал в древности всесильный Пера» [26, с. 81].

В 1889 г. А.А. Дмитриев в начале своего исследования истории Перми Великой писал: «Дело в том, что исторические источники допускают значительную неопределенность и сбивчивость в употреблении слова «Пермь» то без всяких определений, то с прибавлением «Великая», «Малая», «Старая». Трудно подвести итог всему, что было высказано в разное время многими учеными относительно этих слов. В одном, думается, мы не ошибемся, если скажем, что вопрос этот в науке все еще не получил окончательного и вполне удовлетворительного разрешения; все еще слишком много места отво-

дится в данном случае догадкам и личным предположениям, более или менее смелым, решительным» [13, с. 5–6]. Как видим, более чем за столетие ситуация с толкованием имени «Пермь» принципиально не изменилась. Поэтому, вовсе не претендуя на окончательное решение «пермского вопроса», попытаемся всего лишь проанализировать многообразие исторических форм слова «Пермь».

Итак, первое письменное упоминание слова «Пермь» в недатированной части Лаврентьевской летописи относится к 1113 г. – к моменту появления второй (по А.А. Шахматову) редакции «Повести временных лет» [69, с. 10]. Сначала Пермь перечисляется среди народов, «сидящих» в Афетовой части: «Русь, Чудь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Морьдва, Заволочьская Чудь, **Пермь**, Печера, Ямь, Угра, Литва, Земгола, Корсь, Летьгола, Любь», а затем в списке народов, «иже дань дают Руси: Чюдь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Морьдва, **Пермь**, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Нерома, Либь» [44, с. 3, 10].

Возможные сомнения в том, что пермские земли столь рано были подчинены и обложены данью, развенчиваются летописными источниками. По свидетельству Новгородской четвертой летописи, уже через 74 года, в 1187 г.: «избъени быша даньники **Перемьские** и Югорьские, а друзии за Волоком, и паде головъ о сте кметей» [46, с. 17]. Погибло около сотни вооруженных новгородцев, отправившихся за данью на Северный Урал. Эта информация, с одной стороны, подтверждает факт даннической зависимости Перми, а с другой стороны – подчеркивает неоднородность отношений Новгорода со своими «волостями».

Первая летописная Пермь, под которой обычно понимают **Пермь Вычегодскую** (Старую) располагалась на р. Вычегде, правом притоке р. Северная Двина, на юге современной Республики Коми. В грамоте Великого Новгорода и тверского князя

Ярослава Ярославича 1264 г. Пермь помещается рядом с Югрой и Печерой. В этом же документе, кроме уже известной нам Перми, упоминается еще одна – *Колопермь*: «А се волости новгородьские: Бежиче, Городец, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, **Колопермь**, Тре, **Перемь**, Югра, Печера...» [9, с. 9]. Правда, на некоторое время она пропадает из грамот, Колопермь не упоминается в грамоте 1266 г., в одном из вариантов грамоты 1304–1305 гг. (с условиями договора с князем Михаилом Ярославичем). Но в другой грамоте этих же годов появляется снова: «А се волости новгородьския: Бежице, Городьць, Мелеча, Шипино, Егна, Вольгда, Заволочие, **Голопърмь**, Търе, **Пърмь**, Печера, Югра...» [9, с. 17]. Но после этого исчезает из источников навсегда.

На западе от г. Оленегорска Мурманской области находится оз. *Колозеро*, из которого рекой *Колой* на север можно пройти до г. Мурманска и Североморска, а на востоке – оз. **Пермусозеро**, из которого на юг через оз. *Круглое* и губу *Куреньга* можно попасть в оз. *Большая Имандра*, а из него по р. *Ниве* проследовать до г. Кандалакша. Этот чрезвычайно удобный водно-волоковой путь напрямую из Белого моря в Баренцево имел важнейшее (если не сказать стратегическое) значение для новгородцев. Так что, весьма вероятно, что загадочная Колопермь, упоминаемая в договорных грамотах 1264 и 1304–1305 гг., приурочена именно к этому региону [23, с. 129].

Вскоре в источниках появляется и еще одна Пермь, не исключено, самая популярная у позднейших исследователей. Топоним «Пермь Великая» впервые упоминается в 1324 г., когда московский князь Юрий Данилович совершил свою последнюю поездку в Орду: «поиде... в Орду, а шел **на Пермь Великую** и поиде по Каме реке» [49, с. 197]. Но Москве Пермь Великая была известна, видимо, и раньше. Отнюдь не случайно великий князь московский Иван Калита еще в 1322 г. «приде из

орды, и взверже гнев на Новгород, прося у них серебра *Закамьского*» [45, с. 76]. А возможно, знакомство произошло еще раньше. Верховья Камы русским были известны, по крайней мере, с 1220 г., когда по свидетельству Воскресенской летописи: «Князь великий Юрьи Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожнныя Българы, и съ нимъ посла плъкы своя, а воеводство приказа Еремею Глебовичю; а Ярославъ посла своя полкы изъ Переяславля, а Василкови Костянтиновичю повеле Юрьи послати своя полкы; онъ же изъ Ростова полкъ посла, а другой со Устюга *на връхъ Камы...*» [47, с. 126].

С этого времени появилась необходимость различать эти две разные Перми. И с тех пор в Вычегодско-Вымской летописи мы встречаем определения, уточняющие местонахождение конкретной *Перми*: «Лета 6887 [1379 г.] иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде *в землю Пермскую на Вычегду* на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан у пермян на Пыресе и на Виляде и крести их святей вере» [7, с. 258]. А «Лета 7063 [1555 г.] повеле князь великий Иван Васильевич на *Перми Вычегдоцкие* волостелем не быти, а волостелины доходы пооброчить деньгами. А в волостех учинити судеек, целовальников, сотеников, пятидесяцких и десятских по излюбю и им управа чинити и волостные доходы взимати» [7, с. 265]. Или же: «Лета 7119 [1611 г.] повелением князя Дмитрея Пожарского да Прокопья Ляпунова присланы с *вычегдоцкие пермские мест* на Ярославль ратные люди 50 человек, а в *Великие Перми* пятьдесят-ж» [7, с. 269]. Позднее Пермь Вычегодскую стали называть еще и Старой. В Книге Большого Чертежа, созданной в 1627 г., название «Пермь Старая» четырежды встречается как название г. Усть-Выма на р. Вычегде, «а по реке по Вычегде сверху с правый стороны город *Старая Пермь*, от усть Вычегды 140 верст»

[21, с. 163, 164, 168, 181]. И в изданной Н. Новиковым «Древней российской идиорографии» читаем: «А от тех рек притекла под град под *Турей*, а из под *Турейско* града текла сто верст, и пала в реку *Вычегду* с вышняя страны под градом под *старую Пермью*» [15, с. 212].

В «Кратком списке Двинских волостей, принадлежавших великому князю московскому, с указанием управлявших ими московских кормленщиков и обид, причиненных новгородцами» (так называемый «третий список Двинских земель»), датированном 25 марта 1471 г., упоминаются волости «на Пинеже Кегрола, || да Чакола, да *Пермские*, да Мезень, да Вага, || да Пинежка, да Немьюга, да Пилыи горы», которые «отдали новгородци великому князю Василью» [3, с. 31] Темному, но в трудные для него времена феодальной войны вновь присвоили. Осенью – в начале зимы того же года Московское правительство вынудило Новгород дать отказную вечевую грамоту на Пинегу и Мезень о сложении с тамошних волостей присяги в верности Новгороду: «...от всег(о) Великог(о) Новагорода, с веча... на Пинегу, и на Кегролу, и на Чакалу, и на *Пермские*, и на Мезень, и на Пилии горы, и на Нем(ь)югу, и на Пинежку, и на Выю, и на Суру на Поганюю к старостам и ко всем христианом. Что тые земли на Пинеже, Кегролу, и Чаколу, и *Пермские*, и Мезень, и Пилыи горы, и Немьюгу, и Пинешку, и Выю, и Суру Поганюю поимали за себе наши брат(ь)и наугородци, и вас к целованию привели на новгородское имя, ино то земли господы нашей великих князеи великог(о) кн(я)за Ивана Василиевич(а) всеа Руси и с(ы)на его великог(о) кн(я)за Ивана Иванович(а) всеа Руси» [3, с. 34].

В этих документах речь идет о Пермских волостях на р. Пинеге, топонимы, отмечающие их местонахождение, ныне не сохранились, но в «Переписной книге города Кевроли с уездом переписи поручика Якова Гавриловича Селиверстова»

1709 г. еще упоминается *д. Пермская* [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 25. Л. 10 об., 55 об.].

Кроме того, из источников известны также Лузская Пермца и Вилегодская Пермца. Первое прямое упоминание о них, очевидно, содержится в Жалованной грамоте Перми 1485 г.: «А что пермяки *Луские Пермцы и Вилегоцкие*, до них сысоленом и ужговцом дела нет, но тому тое пермяки присуду устюжский» [14, с. 246]. Но эти регионы оформились раньше, поскольку еще в 1450 г. великому князю Василию Темному в борьбе с князем Дмитрием Шемякой «пособлял» отряд пермского сотника Емельки Лузькова [50, с. 88–89; 7, с. 261]. А в составе Московского государства эти территории оказались, судя по всему, в 1364 г., после того как «князь великий Дмитрий Иванович взверже гнев на князе на ростовсково Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и *пермские месты устюжские*» [7, с. 257]. По мнению И.В. Власовой: «В XIV–XVI вв. топонимы Лузская и Вилегоцкая Пермца еще сохранялись, правда, сама Вилегоцкая Пермца (пермяки) «рассосалась» в XVII в.» [52, с. 119]. Это было ускорено тем фактом, что в 1379 г. «иеромонах Стефан по прозванию Храп благословением епискупа Герасима иде *в землю Пермскую на Вычегду* на проповедь слова божия среди нечестивые племени пермян. Того лета начал Стефан *у пермян на Пыросе и на Виляде* и крести их святей вере» [7, с. 257].

Обе Пермцы упоминаются в Вычегодско-Вымской летописи под 1590 г. по поводу их переподчинения от Великого Устюга Соли Вычегодской: «Лета 7098 отписал князь великий Феодор Иванович Вычегоцкие Соли от земли Устюжские и повеле ведатися тому Усолью присуды порознь, а *Луские Пермцы и Вилегоцкое Пермцы* к Усолью-ж отписал» [7, с. 267]. По «Книге Большому Чертежу» можно предположить, что Лузская Пермца к этому времени уже перестала быть этниче-

ским регионом, превратившись в Лузскую четверть: «А по реке по Лузе городки Устюжские же» [21, с. 168].

А подвижническая деятельность Стефана Пермского тем временем принесла свои плоды. Пермь Вычегодская стала христианской, и в 1383 г. «приде Стефан до митрополита до Москвы для новокрещения пермяки епискупа просити. Пимен митрополит с князем с Дмитрием сразсудив, поставил его Стефана епискупом пермскую землю». В 1386 г. «Стефан поклонился владыке и боярам новгородским... не разорити впредь *Пермскую землю и епархия Вычегодской земли беречи*» [7, с. 259–260]. В середине XV в. усилиями пермских епископов Герасима, Питирима и Ионы границы епархии распространились в Верхнее Прикамье. В 1451 г., очевидно, епископ Питиримом в Усть-Выме были крещены представители коми родовой знати, которых вознаградили княжескими титулами [24, с. 190–197] и определили «за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити *пермской землей Вычегоцкою*, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на *Великая Пермь на Чердыню*» [7, с. 261]. «Лета 6963 [1455 г.] приездил владыко Питерим *в Великую Пермь на Чердыню* крестити ко святей вере чердынцев», правда, кончилось это печально: «Тово лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Великую Пермь воевали, Питерима идуще с Перми поимали и убили в месте зовемый Кафедраил на реке Помосе» [7, с. 261–262]. Но уже «Лета 6970 [1462 г.] поставлен бысть в епискупы Пермские земли владыко Иона. Того же лета владыко Иона добавне крести *Великую Пермь*, постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести» [7, с. 262]. Поход князя Ф. Пестрого 1472 г., который исследователи до недавнего времени считали карательной акцией, на самом деле явился еще одним своеобразным «добавным» крещением, в ходе которого московскими отрядами были разорены коми святилища «городки»

Чердынь, Покча, Урос и Искор [22].

О сроках присоединения Перми к Русскому государству историки до сих пор дискутируют, называя разные даты: 1451, 1472 и 1505 годы. Но, наверное, стоит обратить внимание на мнение основных участников событий той эпохи. Василий Темный в докончании (договоре) с новым королем польским и великим князем литовским Казимиром IV, заключенном 31 августа 1449 г., включает упоминание о Перми в свой титул: «По божьей воли и по нашей любви, божьей милостью се яз, князь великий Василей Васильвичь московьский, и новгородский, и ростовьский, и *пермьский*, и иных...» [16, с. 160]. Таким образом, великий князь Московский без оглядки на Новгород уже считал себя владельцем пермских земель, хотя позднее в духовной грамоте, строгом юридическом документе, пермские земли все же не указал. Новгород до последней возможности будет пытаться хотя бы формально удержать их за собой. Так, в новгородской копии Коростыньского договора, заключенного после Шелонской битвы 27 июля 1471 г. великим князем московским Иваном III и делегацией новгородцев во главе с владыкой Феофаном, перечисляются в сравнении с XIII в. практически без изменений: «А се вы волости новугородские: Торжок, Бежичи, Городец Палець, Шипина, Мелечя, Егна, Заволочие, Тирг, *Пермь*, Печера, Югра» [9, с. 47]. Однако в московской грамоте о новгородских волостях ничего не говорится... Иван III в собственной духовной 1504 г. передавал «сыну же своему Василью ... да Югру и Печеру со всем, да *Пермь Великую* со всем...» [16, с. 356].

Никоновская летопись сообщает, что в феврале 1492 г. «повелением великого князя Ивана Васильевича пресвященный митрополит Зосима и архиепископ Генадей Великого Новгорода и Пскова придали из митрополии и из архиепископии из Новгородьския, церкви свои на Вологде в городе и на посаде епископу Пермскому Филофею в *Пермскую епископию*» [48,

с. 232]. Центром создаваемой таким образом *Великопермской и Вологодской епархии* оставался г. Усть-Вымь. На Соборе 1589 г. вместе с учреждением в России патриаршества было умножено число епархий и некоторые из них возведены на высшие степени: Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая епархии были объявлены митрополиями, а Суздальская, Рязанская, Тверская, Вологодская и Смоленская – архиепископиями. С этого момента местом служения нового архиепископа стала Вологда, а составные части названия епархии поменялись местами, она стала *Вологодской и Великопермской*.

В октябре 1657 г. в Москве был созван Собор, на котором решались вопросы об открытии новых епархий, тогда, кроме прочих, решено было открыть *Вятскую и Великопермскую епархию*. Коломенская епархия была упразднена и присоединена к Патриаршей области, на востоке которой образовалась новая епархия, в которую вошли вятские и прикамские земли. Второй член названия – «Великопермская» – был избран потому, что в состав Вятской епархии территории Перми Вычегодской изначально не переходили. В первой половине XVIII в. пермские земли составляли в Вятской епархии особую *Пермскую десятину*, в которой числились «заказы»: Кайгородский, Зюздинский, Косинский, Чердынский, Усольский, Пыскорский, Зырянский, Чусовский, Сылвенский, Кунгурский, Верхомулинский, Сергинский, Майкорский, Кудымкорский, Кривецкий, Обвинского поречья Рождественский.

Царь Федор Алексеевич 27 ноября 1681 г. на Освященном Соборе предложил увеличить число архиерейских кафедр в России, в том числе учредить две кафедры в подчинении Вятского архиерея: «У Соли-Камской... А во удовольствие дати ему Преображенской и Вознесенской монастыри... На Кунгуре. А во удовольствие дати ему Тахтаровскую и Воздвиженскую пустыни» [54, с. 393].

Однако Собор с предложениями царя не согласился и учреждение отдельной епархии в Прикамье было отложено.

За границами России Пермь была известна как *Permia*, *Permia Magna* *Пермия*, а все географические сведения о крае были весьма неточны. У Сигизмунда Герберштейна, описывающего Россию первой трети XVI в., читаем: «Великая и обширная область *Пермия* отстоит от Москвы прямо к Северо-Востоку на двести пятьдесят (или, как утверждают некоторые, на триста) миль. В ней есть город того же имени, стоящий на реке *Вышере* (*Vischoga*), которая в десяти милях ниже изливается в Каму. По причинам частых болот и рек, сухим путем туда можно добраться только зимою, летом же этот путь совершить легче на судах через Вологду, Устюг и реку Вычегду (*Vitzechda*), которая в двенадцати милях от Устюга вливается в Двину. Тем, кто отправляется из Пермии в Устюг, надо плыть вверх по Вышере; проплыв по нескольким рекам и перетаскивая иногда в другие реки суда по земле, они достигают, наконец, Устюга, находящегося в трехстах милях расстояния от Перми. В этой области хлеб употребляется весьма редко; ежегодную дань Государю они выплачивают лошадьми и мехами. Они имеют особый язык и точно также особые письмена, которые впервые изобрел епископ Стефан, укрепивший жителей, колеблющихся в вере Христовой (ибо раньше они были очень слабы в вере и содрали кожу с одного епископа, покушавшегося на то же)...» [8, с. 134–135]. Как видим, С. Герберштейн весьма смутно представлял географию и историю Северного Урала, раз спутал местоположение Перми Великой и Перми Вычегодской, а известие о насильственной смерти епископа Питирима перенес более чем на полвека в древность.

Эдмунд Богун в своем «Географическом словаре...» 1688 г. кратко, но в целом точно описал местоположение Перми Великой: «*Пермь Великая* (*Permaweliki*),

Permia Magna, город в провинции *Пермской* в *России*, между *Двиной* (*Dwina*) на западе и *Обью* (*Obb*) на востоке, располагается на реке *Каме* (*Kama*)» [71]. Но даже спустя полвека Томас Сальмон в книге «Современная история или современное состояние всех народов», вышедшей в 1744 г., знаниями пермской географии не блещет: «5. Провинция *Пермия* (*Permia*) граничит с *Зырянами* (*Sytianes*) на севере, и с *Вологдой* на юге; восточная граница, кажется, река *Иртыш* (*Irtysh*), которая впадает в *Обь* (*Oby*); главный город *Пермь Великая* (*Permia Weliki*). Эта страна населена не намного лучше, чем в прошлом, и люди, как говорят, заняты, главным образом, охотой» [72, с. 603].

Топонимы «Пермь Вычегодская» (Старая) и «Пермь Великая» стали утрачивать реальную соотнесенность с конкретными российскими административно-территориальными образованиями уже на грани XVI–XVII веков, когда на Урале складывается деление на уезды. Так, считается, что Пермь Великую составили Чердынский, Соликамский и Кайгородский уезды, а Пермь Вычегодская оказалась разделена между Яренским и Усть-Сысольским уездом. Окончательно интересующие нас топонимы перешли в разряд исторических в ходе административных реформ XVIII в. Именным указом Петра I от 18 декабря 1708 г. «Об учреждении Губерний и о росписании к ним городов» было велено «для всенародной пользы учинить 8 Губерний, и к ним росписать города» [35, с. 438]. Города «Поморские: Кунгур, Пермь Великая, (запятая в источнике – П.К.) Чердынь, Солькамская, Кай городок» вошли в состав восьмой Сибирской губернии.

В ходе следующей – провинциальной – реформы указом от 29 мая реформы 1719 г. «Об устройстве Губерний и определении в оныя Правителей» Сибирская губерния была разделена на 3 провинции. В Первую (буквально отмеченную цифрой «1», потом ставшей Вятской) провинцию вошли Вятка с пригородами

(6511 дв.), Кай городок (1195 дв.), Кунгур (3202 дв.), во Вторую (Соликамскую) – Соль Камская (12005 дв.) и «*Пермь Великая и* (союз «и» в источнике – П.К.) *Чердынь*» (1421 дв.) [36, с. 708]. Похоже, что это был последний законодательный документ, в котором фигурировал топоним «Пермь Великая», хотя бы и в приложении к городу.

В некоторых справочниках про Соликамскую провинцию сообщается, что в «1737 г. [В тексте опечатка, надо – 1727 г.] эта провинция вместе с Вятской перешла под названием Пермской провинции из Сибирской губернии в состав Казанской (П.С.З. 5.065)» [10, с. 216]. Однако это утверждение ошибочно. В указе от 29 апреля 1727 г. «О приписке Сибирской Губернии Провинций Вятской и Соликамской, к Казанской Губернии, Великолуцкой, Белозерской, Тверской Провинций к Новгородской Губернии, Ярославской Провинции к Московской Губернии» говорится: «Сибирской Губернии Вятскую и Соликамскую, для способности приписать к Казанской Губернии и ведать оныя Провинции Губернатору Казанскому» [37, с. 182]. Таким образом, само слово «Пермь» минимум на два десятилетия исчезло из официального оборота, но не из речевого обихода...

Ф.-И. Страленберг в своих «Записках...», опубликованных в 1730 г., именовал Соликамскую провинцию «Пермской». Переводом торгового дела из Архангельска в Петербург он объяснял тот факт, что «купеческие и торговые люди Сибирской, *Пермской*, Вятской, Ярославской и других провинций, которые прежде купечество свое по способности у Архангелского города производили, в конце раззорились» [18, с. 127]. А повествуя о неправдах сибирского губернатора Гагарина, писал: «И когда он з губернии своей долженствовал набирать рекрутов, тогда о

пограничных российских провинции, яко *Пермской*, Вятской и Печерской имал вдвое, другия ж города внутри Сибирской области обходил, но денги за то брать не останавливал» [18, с. 143].

В «Географической таблице регионов, провинций и памятных мест...», изданной на латыни Орденом Иезуитов в 1737 г. Соликамская провинция названа Пермской, несмотря на то, что столичным городом (*Caput*) назван Соликамск: «*Provinc. PERMSKI & PERMIA. / Solikanskoy Solkanskoya, V & Caput Provinciae & Sedes Præsedi. Saline hinc celeberrimæ, unde Sal usque Astrachanum deferrur. ad Fl. Viserka. / 75 73 / 60 24. Kaigorod Kaigoroda, V. ad Fl. Kam / 82 5 / 59 57. Orel Orella, oppid. ad Fl. eiusdem nomines / 85 0 / 69 57. Staraia Permia, oppid. ad Fl. Moloscheck / Stroginot Stroginotum, oppid. ad Flum. Viseru. Tserdin Tserdinum, opp. ad Fl. Viserka / 82 14 / 61 0*» [73, с. 174].

Кроме Соликамска, Чердыни и владений Строгановых к «*Provinc. PERMSKI*» ошибочно отнесены Кай-городок (Вятской провинции) и *Старая Пермь** (Устюжской провинции).

В отечественном учебнике 1710 г. «География или краткое земного круга описание» в специальной таблице, где указаны координаты основных городов мира с точностью до минуты, Перми не особенно повезло, ее координаты указаны только с точностью до градуса: «*Пермь* или *соль камская* долгота 82 широта 63» [33, с. 15]. Но для нас важно, что топоним «*Пермь*» в этот период был тесно увязан с Северным Прикамьем.

В существовании древнего топонима оказались заинтересованы самые влиятельные силы империи, в самом буквальном смысле этого слова. Полный титул Екатерины II звучал следующим образом: «... Императрица и Самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая

* Населенного пункта с таким названием не было, да и автор «Таблиц...» почему-то поместил эту область на р. Молог, правый приток р. Березовой, что на Немском волоке из Колвы в Вычегду, у современной границы Республики Коми и Пермского края.

Княгиня Смоленская, *Княгиня* Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, *Пермская*, Вятская, Болгарская и иных, Государыня и Великая Княгиня Новгорода Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондидская и всея Северныя страны Повелительница и Государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных наследная Государыня и Обладательница». В титуле Пермь была, а на карте подтверждения такому титулованию не находилось. И положение было исправлено при первом удобном случае, которым оказалась губернская реформа, начатая 7 ноября 1775 г. принятием «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи».

Комиссия под руководством казанского генерал-губернатора князя П.С. Мещерского сочла удобным для преобразования в главный город будущей губернии поселок Егошихинского медеплавильного завода, и вот уже 7 мая 1780 г. Правительствующему Сенату был дан именной указ «О предназначаемом устройстве Пермского Наместничества»: «Предполагая в будущем 1781 году устроить *Пермское Наместничество* по образу, в Учреждениях Наших от 7 Ноября 1775 года преднаписанному, повелеваем Нашему Генерал-Поручику Евгению Кашкину, определяемому в должность Генерал-Губернатора Пермского, объехать места, назначиваемыя к составлению сего Наместничества, по данному от Нас примерному росписанию удобность разделения его на *две Области, Пермскую и Екатеринбургскую*, и оных на уезды» [39, с. 936–937].

Вышедший через полгода Именной указ Екатерины II от 26 ноября 1780 г. «О назначении места для учреждения Губернского города Пермского Наместничества и о наименовании онаго Пермью» гласил: «*Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способ-*

ность места сего для учреждения в нем губернского города, Мы повелели действительному тайному советнику и генерал-прокурору князю Вяземскому согласиться с владельцами того завода об уступке онаго в казну. Коя весьма немалый на нем долг имеет. И как от некоторых в том заводе участников объявлено уже полное на то согласие, то мы чрез сие предписываем вам *город губернский для Пермскаго наместничества назначить в сем месте, наименовав оный Пермь*; и вследствие того основать уже все строения, кои на первое время и особливо при случае открытия управления по учреждениям Нашим, нужны будут для помещения присутственных мест» [38, с. 1014–1015; ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 6. Л. 1].

А 27 января 1781 г. вышел указ Екатерины II «Об учреждении *Пермского Наместничества изъ двух Областей Пермской и Екатеринбургской*, с разделением оных на уезды»: «Всемилоостивейше повелеваем Нашему Генерал-Поручику, правящему должность Генерал-Губернатора *Пермского и Тобольского* Кашкину, по изданным от Нас в 7-й день Ноября 1775 года учреждениям для управления Губерний Империи Нашей, в будущем Октябре сего года равномерно исполнить и в *Пермской Губернии*, составя сие новое Наместничество, в разсуждении пространства его, из *двух Областей или Провинций, то есть, Пермской и Екатеринбургской* в числе 16 уездов, из коих к первой принадлежать будут: *Пермской*, Кунгурской, Соликамской, Чердынской, Обнинской, Аханской, Осинской и Красноуфимской; а к Екатеринбургской уезды: Екатеринбургской, Челябинской, Шадринской, Далматовской, Камышловской, Ирбитской, Верхотурской и Алапаевской» [38, с. 21].

Сенатский указ от 19 ноября 1781 г. «Об открытии Пермского наместничества» зафиксировал сам факт его открытия, произошедшего 18 октября того же года: «Правительствующий Сенат слушали ра-

порт Г. Генерал-Поручика, правящего должность *Генерал-Губернатора Пермского и Тобольского* и Кавалера Кашкина, что по силе Именного Ея Величества указа сего года Генваря от 27 числа, последовало сего ж года Октября в 18 день открытие в Губернском городе Правления, Палат: Казенной, Уголовной, Гражданской, Приказу Общественного Призрения, Совестьному Суду, Губернскому Магистрату, Верхней Расправе и Уездному суду; а для учреждения повеленных Судебных Правительств, в городе Екатеринбурге и в прочих уездных городах имеют быть отправлены чрез несколько суток, Г. Правитель Губернии и другие Члены Палат, с потребными на то наставлениями.

Приказали: об окрытии *Пермского Наместничества* дать знать указами всем Присутственным местам, Губернским и Наместническим Правлениям с тем, чтоб подчиненные им места уведомили от себя» [39, с. 307].

Пермское и Тобольское наместничество просуществовало не слишком долго. Именным указом Павла I от 12 декабря 1796 г. «О новом разделении Государства на Губернии» наместничества были ликвидированы. «Повелеваем отныне впредь состоять нижеписанным Губерниям: Московской, С. Петербургской, Новгородской, Тверской, Псковской, Смоленской, Тульской, Калужской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Архангельской, Вятской, Казанской, *Пермской*, Тобольской, Иркутской, Оренбургской, что до сего была Уфимская, Симбирской, Пензенской, Астраханской, Воронежской, тамбовской, Рязанской, Курской, Орловской, Слободско-Украинской, вместо бывшей Харьковской, и Новороссийской вместо Екатеринославской; да на особых по правам и привилегиям их основаниях Малороссийской, Лифляндской, Эстляндской, Выборгской, Курляндской, Литовской, Минской, Белорусской, Волынской, Подольской и Киевской...» [40, с. 229].

Историк В.Н. Берх, служивший в Пер-

ми в начале XIX в., хорошо знал все детали административного деления края: «Здесь скажу я нисколько слов о *Пермской Губернии* вообще... Ныне состоит Пермская Губерния из 12 городов и трех заштатных, в 1797 году уничтоженных. *Пермь*, Чердынь, Соликамск, Осса, Оханск, Кунгур, Красноуфимск и заштатной Обва находятся в Европе, или по сю сторону Уральского хребта. Екатеринбург, Ирбить, Верхотурье, Шадринск, Камышлов и заштатные Алапаевск и Долматов в Азии, или по ту сторону Уральского хребта» [4, с. 79–80].

25 октября 1804 г. пермский губернатор К.Ф. Модерах был назначен генерал-губернатором специально под него созданного *Пермского и Вятского наместничества* [РГИА. Ф. 1349. Оп. 4-1809. Д. 44. Л.2 об]. И поскольку существование этого генерал-губернаторства было связано исключительно с личностью наместника, то после выхода Карла Федоровича в отставку наместничество 22 марта 1811 г. снова было разделено на две губернии [12, с. 216].

На грани XVIII–XIX веков название главного города губернии пытались писать без мягкого знака и склонять по мужскому роду. Так в «Деле об отводе земельных участков для строительства жилых домов и питейных заведений в городе Перми» находится несколько «Росписей, отведенных по плану нового расположения *города Перма* обывательских домов разного звания людям...» [ГАПК. Ф. 316. Оп. 1 Д. 53]. А в Российском государственном историческом архиве хранится «План губернского *города Перма*», датированный 1802 г. [РГИА. Ф. 1293. Оп. 167. Пермская губ. Д. 5]. Однако такое произношение и написание не прижилось. Если в общероссийском чиновном «Месяцеслове...» за 1796 г. пермские чиновники перечислены после двоеточия «*В ПЕРМЕ*» [31, с. 272], то согласно «Месяцеслова...» за 1802 г. они служили уже «*В ПЕРМИ*» [32, с. 408]. Устоялось

название и на планиграфических документах: губернским землемером А.Д. Даниловым был создан «План Губернского города *Перми*. Сочинен 1808 Года» [РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 239. Л. 2].

Не исключено, что твердое произношение согласной в середине слова было усвоено приехавшими в Пермское наместничество чиновниками от коми крестьян, которые по-своему произносили название губернского города, как Пила и Сысойко из повести Ф.М. Решетникова:

«Все бурлаки смотрели на город и дивились.

– Эко баско! Ай, да, *Перма*-матушка! Вот так городок! Гли, церквей-то што, домов белых...

– Ну, таперь доплыли в *Перму*. Отдохнем. Супротив *Перми* да Елабуги уже не будет таких городов...

– Этот, бают, губерня, потому, бают, все набольшие живут, страшные такие... Всем городам правят и Чусова тоже на *Перму* молится...» [51, с. 77, 78].

Пермская губерния в момент учреждения в церковном отношении находилась в составе Вятской и Великопермской епархий. Но уже 16 декабря 1799 г. по указу Императора Павла I «О приведении Епархиальных границ сообразно границам Губерний и об учреждении новых Епархий» [41, с. 813, 815, 821] учреждена была самостоятельная Пермская епархия, при этом епископы ее получили наименование *Пермских и Екатеринбургских*.

25 декабря 1833 г. с формулировкой «для усиления способов к возвышению благоустройства Пермской Епархии» был высочайше утвержден доклад Синода «Об учреждении в Пермской Епархии Викариатства» [42, с. 798], а через полвека – 29 января 1885 г., в специально выбранный для подписания день святителей Пермских Герасима, Питирима и Ионы был высочайше утвержден доклад Синода «Об учреждении Екатеринбургской епархии»: «По обширности Пермской Епархии и по значительной в ней численности право-

славного населения... неизбежно встречаются большие неудобства в управлении Зауральской частью Пермской епархии... за отчислением города Верхотурска во вновь учреждаемую епархию, титул Пермского Архиерея, именуящегося ныне Пермским и Верхотурским, изменить и именовать его Епископом *Пермским и Соликамским*» [43, с. 35].

Пермская губерния просуществовала практически без изменений до начала XX в. На это время в ней насчитывалось 12 уездов, 489 волостей, 15 городов, 12 516 сельских поселений и заводских поселков. Впервые вопрос о выделении из состава Пермской губернии особой Екатеринбургской был поднят в 1903–1905 гг. в докладных записках пермского губернатора А.П. Наумова в Министерство внутренних дел [ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 107], но этот процесс был приостановлен первой русской революцией и последовавшими грозными событиями, а затем пошел несколько иным путем.

Вскоре после Октябрьской революции, 27 января (9 февраля) 1918 г., Совет Народных Комиссаров Российской Советской Республики принял Декрет «Об определении границ губернских, уездных и пр.». Согласно этому документу все вопросы изменения границ губерний, уездов и волостей отдавались в ведение местных Советов: «Области, губернии, уезды и волости могут также разделяться на части, образуя новые административные, экономические единицы» [11, с. 426–427]. Этот документ послужил основанием для административно-территориальных преобразований на Урале. 9 апреля 1918 г. Резолюцией I объединенного Пермского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов «О разделении Пермской губернии на два округа» было санкционировано «окончательное разделение губернии на два округа – *Пермский и Екатеринбургский*...» [19, с. 3].

Постановлением ВЦИК от 23 декабря

1918 г. «Об областных объединениях» было предложено образовать три области: Уральскую, Западную и Северную, которые должны были представлять собой своеобразные добровольные союзы губерний:

«1. Впредь до коренного пересмотра административного деления Советской Республики сохраняются уездные, губернские и областные центры...

2. Центральный Исполнительный Комитет утверждает областные объединения на Урале, на Западе и на Севере.

3. В состав этих объединений входят: Уральско-Областного Объединения – губернии: **Пермская**, Вятская, Уфимская и Оренбургская; Западно-Областного Объединения – губернии: Смоленская, Могилевская, Витебская, Минская и Гродненская; Северного Областного Объединения – губернии: Петроградская, Олонецкая, Псковская, Новгородская, Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская и Череповецкая.

Примечание. Губернские Съезды Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов могут постановлять о своем выходе из областного объединения и представлять свои постановления на утверждение Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» [56, с. 1430].

Вскоре после освобождения Урала от войск Колчака Постановлением НКВД РСФСР Пермская губерния была разделена на две самостоятельные губернии: Пермскую и Екатеринбургскую, о чем было официально объявлено 15 июля 1919 г. [1, с. 38], но население Перми узнало об этом только в августе [65, с. 202]. В 1920 г. в Пермской губернии было 6 уездов, которые включали большое число волостей: Кунгурский – 36, Осинский – 39, Оханский – 47, Пермский – 63, Усольский – 57, Чердынский – 29 волостей [ГАПК. Ф.р-19. Оп. 1. Д. 477. Л. 1].

После завершения Гражданской войны власти сочли, что пришло время для проведения кардинальной административной

реформы. Страна должна была быть разделена на очень крупные **области**, представляющие собой значимые экономические регионы, которые делились на **округа** (по размерам с большой уезд или малую губернию), в свою очередь делившиеся на районы (в 2–4 раза больше прежней волости). И первой (в известном смысле – экспериментальной) областью должна была стать Уральская. Постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 г. «О введении в действие Положения об Уральской области» предусматривалось «Образовать из губерний: Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской Уральскую область с центром в городе Екатеринбурге» [57, с. 1027].

В первой главе «Положения...» говорилось: «1. Уральская область в административно-экономическом отношении разделяется на 15 округов: Верхкамский, **Пермский**, Сарапульский, Кунгурский, Верхотурский, Туринский, Тюменский, Екатеринбургский, Шадринский, Курганский, Челябинский, Троицкий, Златоустовский, Тобольский и Ишимский» [58, с. 1028]. По данным на 1 января 1926 г., **Пермский округ** включал в себя 19 районов: Верхгородский, Добрянский, Ильинский, Карагайский, Красно-Верещагинский, Култаевский, Ленинский, Лысьвенский, Мотовилихинский, Нердвинский, Нытвинский, Оханский, Очерский, Сергинский, Сивинский, Сосновский, Чермозский, Чусовской и Юговской [64, с. 131]. Однако уже 15 августа 1930 г. **Пермский округ** Уральской области на основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 23 июля 1930 г. «О ликвидации округов» [55, с. 400] был упразднен, и Пермь стала районным центром. Из 16 округов Уральской области был сохранен только Коми-Пермяцкий округ как национальная административно-хозяйственная единица.

Еще 26 февраля 1925 г. Президиум ВЦИК принял постановление о создании из районов с коми-пермяцким населением Пермского округа со специальными со-

кращенными штатами и с оставлением этого округа в пределах Уральской области. Учредительный съезд Советов округа 3–5 апреля 1925 г. решил назвать округ **Коми-Пермяцким** [27, с. 156–160]. Это был первый в стране национальный округ, своеобразный эксперимент, форма реализации национальной политики Советского государства. Официально новая форма автономии была узаконена лишь Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения народностей Севера».

Проблемы управляемости огромной Уральской области, строительство крупных предприятий не только в Свердловске, но и в окружных городах, привело к тому, что Постановлением президиума ВЦИК от 17 января 1934 г. Уральская область была разделена на Обь-Иртышскую (9 районов), Свердловскую (63) и Челябинскую (60 районов) области [58, с. 35].

Президиум ВЦИК 25 января 1935 г. «О новой сети района Свердловской области и входящего в эту область Коми-Пермяцкого округа» постановил: «Утвердить новую районную сеть Свердловской области и Коми-Пермяцкого округа в следующем виде:

1. Районы, подчиненные непосредственно Свердловскому областному исполнительному комитету: 1) Ачитский, 2) Березовский, 3) Еланский, 4) Карагайский, 5) Махневский, 6) Очерский, 7) Суксунский, 8) Уинский, 9) Усинский, 10) Частинский, 11) Черновский, 12) Алапаевский, 13) Артинский, 14) Асбестовский, 15) Бардымский, 16) Больше-Сосновский, 17) Верещагинский, 18) Верхотурский, 19) Верхне-Городковский, 20) Ворошиловский, 21) Гаринский, 22) Добрянский, 23) Егоршинский, 24) Еловский, 25) Ивдельский, 26) Ирбитский, 27) Исовский, 28) Кабаковский, 29) Калатинский, 30) Кизеловский, 31) Кишертский, 32) Краснополянский, 33) Красноуфимский, 34) Куединский, 35) Кунгурский, 36) Кушвинский, 37) Лысь-

венский, 38) Манчажский, 39) Молотовский, 40) Ново-Лялинский, 41) Нижне-Салдинский, 42) Нижне-Сергинский, 43) Нытвенский, 44) Ныробский, 45) Ординский, 46) Осинский, 47) Оханский, 48) Первоуральский, 49) **Пермский**, 50) **Пермско-Ильинский**, 51) **Пермско-Сергинский**, 52) Полевской, 53) Режевской, 54) Сивинский, 55) Слободо-Туринский, 56) Сухоложский, 57) Тагильский, 58) Таборинский, 59) Туринский, 60) Фокинский, 61) Чердынский, 62) Чермозский, 63) Чернушинский, 64) Чусовой, 65) Шалинский, 66) Щучье-Озерский.

2. Районы, входящие в **Коми-Пермяцкий округ**: 67) Гаинский, 68) Косинский, 69) Кочевский, 70) Кудымкарский, 71) Юрлинский, 72) Юсьвинский» [59, с. 50].

«Административное пленение» Перми продолжалось еще до 3 октября 1938 г., пока не вышел Указ Верховного Совета СССР «О разделе Свердловской области РСФСР на Пермскую и Свердловскую области»:

«1. Утвердить представление Президиума Верховного Совета РСФСР о разделении Свердловской области на **Пермскую область с центром в городе Перми** и Свердловскую область с центром в городе Свердловске.

2. Выделить из Свердловской области в состав **Пермской области** города: **Пермь**, Лысьва, Кизел, Чусовой; районы: Бардымский, Березовский, Больше-Сосновский, Верещагинский, Верхне-Городковский, Верхне-Муллинский, Ворошиловский, Добрянский, Еловский, Карагайский, Кишертский, Краснокамский, Куединский, Кунгурский, Ныробский, Нытвенский, Ординский, Осинский, Оханский, Очерский, **Пермско-Ильинский**, **Пермско-Сергинский**, Сивинский, Соликамский, Суксунский, Уинский, Усинский, Фокинский, Частинский, Чердынский, Чермозский, Черновский, Чернушенский, Щучье-Озерский и **Коми-Пермяцкий национальный округ**» [60, с. 39]. Территория Пермской области в целом

соответствовала шести приуральским уездам дореволюционной Пермской губернии, включала в себя: 1 национальный округ, 40 районов, 797 сельсоветов, 12 городов, 24 рабочих поселка [2, с. 82–84].

Однако «Пермской» область называлась совсем недолго. «9 марта весь советский народ отмечал славный юбилей – 50-летие со дня рождения выдающегося большевика, ближайшего соратника Ленина и Сталина, председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народного комиссара по иностранным делам Вячеслава Михайловича Молотова» [30, с. 24]. Поэтому в этот день трудящиеся Перми со страниц пермской газеты «Звезда» обратились с ходатайством в ЦК ВКП(б) и Президиум ВС СССР о *переименовании г. Перми в г. Молотов и Пермской области в Молотовскую область*. Решение № 293 Пермского облисполкома и обкома ВКП(б) о поддержании просьбы трудящихся г. Перми и области [ГАПК. Ф.р-564. Оп. 2. Д. 44. Л. 30] было принято сверхбыстро – 8 марта 1940 г., т.е. за день до высказанного общенародного пожелания. Верховный Совет СССР был настолько же оперативен, и уже с 8 марта 1940 г. Пермь юридически именовалась Молотовым, а область, соответственно, Молотовской [60, с. 40]. Исторические названия городу и краю были возвращены лишь 2 октября 1957 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании Молотовской области в Пермскую область и города Молотова в город Пермь» [6, с. 79].

Это был второй период, когда имя Перми исчезало с карты страны. Но подобное могло случиться и раньше. 24 мая 1927 г. заведующий Пермским архивным бюро Н.М. Чернавский в письме в газету «Звезда» предлагал переименовать Пермь в «Окуловск», «или, по режиму экономии, просто в «Окул», чтобы таким образом «запечатлеть в памяти города имя Степана Окулова, – этого героя гражданской войны, взявшего Пермь 1 июля 1919 г., с ка-

кового исторического дня наш город перешел окончательно под суверенитет Советской власти и судьбы свои стал устраивать по путям коммунизма» [ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 4. Д. 236. Л. 13]. Это предложение не было поддержано, но интересно, не за него ли выпускника Казанской духовной академии, кандидата богословия Н.М. Чернавского, занимавшегося до революции историей Оренбургской епархии, понизили в должности, а 1 февраля 1928 г. и вовсе уволили по сокращению штатов?

В 1977 г. в соответствии со ст. 88 Конституции СССР *Коми-Пермяцкий национальный округ* был преобразован в *Коми-Пермяцкий автономный округ*. На основании Конституции РФ 1993 г. *Коми-Пермяцкий автономный округ* стал самостоятельным субъектом Российской Федерации, но, поскольку для полного выхода из состава Пермской области был необходим специальный федеральный закон (такой закон был принят лишь однажды в отношении Чукотского АО), продолжая территориально находиться в составе Пермской области, также являющейся субъектом РФ, и находясь с областью в договорных отношениях.

В соответствии с Указом Президента России В.В. Путина № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» от 13 мая 2000 г. Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ были отнесены к Приволжскому федеральному округу: «Приволжский федеральный округ: Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Татарстан (Татарстан), Удмуртская Республика, Чувашская Республика – Чуваш республики, Кировская область, Нижегородская область, Оренбургская область, Пензенская область, *Пермская область*, Самарская область, Саратовская область, Ульяновская область, *Коми-Пермяцкий автономный округ*» [61, с. 2112].

7 декабря 2003 г. состоялся референдум, на котором жители Пермской области

и Коми-Пермяцкого автономного округа поддержали объединение в единый субъект Российской Федерации. С 1 декабря 2005 г. они прекратили свое существование, образовав новый субъект Российской Федерации – *Пермский край*, что было закреплено Федеральным конституционным законом от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» [62, с. 1110], а наименования Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа исключены из ч. 1 ст. 65 Конституции РФ.

* * *

Топоним «*Пермь*» существует уже девять веков. В той или иной форме он наличествовал на карте России, и в огромном регионе проживания финских народов, и в общественном сознании россиян. Этот уникальный топоним имеет не только форму множественного числа (поскольку Пермей было две – Вычегодская и Великая), но и уменьшительно-ласкательную форму – «Пермца» (таковых было тоже две: Лузская и Вилегодская). Имя «Пермь» изначально не являлось этнони-

мом (поскольку не может быть самоназванием народа выражение «задняя земля»), а служило для обозначения отдельных территориальных групп коми. Однако по прошествии веков некоторые коми включили это слово в свое самоназвание (например, «коми-пермяки» в Пермском крае и «пермяки» (летские коми) в Прилузском районе Коми Республики).

Существительное «Пермь» всегда тесно сопрягалось с географическими условиями, историческими реалиями и политическими событиями на Урале и Русском Севере. Так уж случилось, что исчезновение с карты или из административного обихода топонима «Пермь», даже просто сужение территориальных рамок региона с таким названием, всегда совпадало с экономическим упадком и административным уничтожением, которое также вело к экономическому упадку. Нет уже на карте Перми Вычегодской, ушла в прошлое Пермь Великая, осталась лишь молодая по историческим меркам Пермь на Каме. И в год 900-летия первого письменного употребления так и тянет перефразировать известное выражение: «Первые две Перми исчезли, третья стоит, а четвертой не бывать».

Библиографический список

1. Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориальных делений СССР за период с 1917 года по 1924 год. – Л., 1924.
2. Административно-территориальное деление союзных республик СССР на 1 октября 1938 года. – М., 1939.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 3. – М., 1964.
4. Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. – СПб., 1821.
5. Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. – Петрозаводск, 1947.
6. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1957. № 2.
7. Вычегодско-Вымская летопись // Историко-филологический сборник. – Вып. 4. – Сыктывкар, 1958.
8. Герберштейн С. Записки о Московитских делах. – СПб., 1908.
9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – М.; Л., 1949.
10. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. – М., 2003.
11. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957.
12. Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года. – Пермь, 1889.
13. Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 1. – Пермь, 1889.
14. Документы по истории коми // Историко-филологический сборник. Вып. 4. – Сыктывкар, 1958.
15. Древняя российская гидрография, содержащая описание Московского государства рек, протоков, озер, кладязей, и какие по ним города и урочища, и на каком оные расстояниях. – СПб., 1773.
16. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.-Л., 1950.
17. Замысловский Е.Е. Объяснения к учебному атласу по Русской истории. – СПб., 1887.

18. Записки капитана Филиппа Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Ч. 1. – М.; Л.; 1985.
19. Известия Пермского губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. – 1918, 11 апр., № 64.
20. *Карамзин Н.М.* История государства российского. 2-е изд. – СПб., 1818.
21. Книга Большому Чертежу / Под ред. *К.Н. Сербиной*. – М.; Л., 1950.
22. *Корчагин П.А.* Крещение как основной метод включения Западного Урала в состав Московского государства // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. – Челябинск, 2009. – С. 155–158.
23. *Корчагин П.А., Лобанова А.С.* Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2012. – Вып. 1(18).
24. *Корчагин П.А., Шабурова Е.В.* Этапы крещения и христианизации Перми Великой XV – начала XVIII в.: археологический и искусствоведческий аспекты // Всерос. науч. конф. «Пермские финны: археологические культуры и этносы. Пермские финны и угры Урала в эпоху железа». – Пермь, 2009. – С. 190–197.
25. *Кривошекова-Гантман А.С.* Краткий топонимический словарь // *Кривошекова-Гантман А.С.* Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006.
26. *Кривошекова-Гантман А.С.* Топоним «Пермь» и этнонимы «пермяк», «зырянин» // *Кривошекова-Гантман А.С.* Собр. соч. в 2 т. Т. 2. Ономастика. – Пермь, 2006.
27. *Куренкова С.В.* Из истории вопроса: образование Коми-Пермяцкого автономного округа – первого национального округа в России. (К 80-летию образования СССР) // Государственная национальная политика в XX–XXI веках: региональный аспект: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2002 г. – Пермь, 2003. – С. 156–160.
28. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.
29. *Лыткин Г.С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. – СПб., 1889.
30. Любимый друг Красной Армии. К пятидесятилетию товарища В.М. Молотова // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 3.
31. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1796. – СПб., 1796.
32. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от рождества Христова 1802. – СПб., 1802.
33. *Морозов А.* География или краткое земного круга описание. – М., 1710.
34. *Попов А.А.* Проблемы истории народа коми в связи с его фольклором // Фольклор народа коми. – Архангельск, 1938.
35. ПСЗ. Т. 4. СПб., 1830.
36. ПСЗ. Т. 5. СПб., 1830.
37. ПСЗ. Т. 7. СПб., 1830.
38. ПСЗ I. Т. 20. СПб., 1830.
39. ПСЗ I. Т. 21. СПб., 1830.
40. ПСЗ I. Т. 24. СПб., 1830.
41. ПСЗ I. Т. 25. СПб., 1830.
42. ПСЗ II. Т. 8. СПб., 1834.
43. ПСЗ III. Т. 5. СПб., 1887.
44. ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1897.
45. ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841.
46. ПСРЛ. Т. 4. СПб., 1848.
47. ПСРЛ. Т. 7. СПб., 1856.
48. ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901.
49. ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949.
50. ПСРЛ. Т. 37. Л., 1972.
51. *Решетников Ф.М.* Подлиповцы // Современник. – 1864. – № 5.
52. Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. – М., 2001.
53. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. – М., 1956.
54. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 4. – М., 1826.
55. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. – 1930. – № 37.
56. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942.
57. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1923. – № 103–104.

58. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1934. – № 5.
59. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1935. – № 4.
60. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. – М., 1956.
61. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2.
62. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 13.
63. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. – М., 1962.
64. Территориальное и административное деление Союза ССР на 1-е января 1926 года. – М., 1926.
65. *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. – Пермь, 1998.
66. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. – М., 1971.
67. *Хамалайнен М.М., Андреев Ф.А.* Вепско-русский словарь. – Л., 1936.
68. *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции. – СПб., 1781. Кн. 1.
69. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. – М., 2001.
70. *Шишкин Н.И.* Коми-пермяки. – Пермь, 1947.
71. *Vohum E.* A geographical dictionary, representing the present and ancient names of all the countries, provinces, remarkable cities, universities, ports, towns, mountains, seas, streights, fountains, and rivers of the whole world. – London, 1688.
72. *Salmon T.* Modern History: or, the Present State of All Nations. Vol. 1. London, 1744.
73. *Scherer H.P.* Tabellæ geographicæ hoc est Regionum, provinciarum locorumque memorabilium in orbe terrarum succincta dispositio et ordo politico-geographicus. Pars VI. 1737.

PERM. «WHAT'S IN YOUR NAME...»

P.A. Korchagin

The toponym Perm has existed for nine centuries. This unique toponym has a plural form, but also a diminutive-hypocoristic form. Initially the name Perm wasn't an ethnonim (as the expression "the back earth" can't be a people's self-name), and served for identification of separate territorial groups of the Komi. However after centuries some Komi people included this word in their self-name: «Komi-Permyaks» in Perm Krai and «Permyaks» (Letka's Komi) in the Priluzsky region of the Komi Republic. Disappearance of the toponym «Perm» from the map or from administrative use, and even simple narrowing of territorial framework of the region with such a name, has always coincided with economic decline and administrative abjection of the territory.

Keywords: Perm, Koloperm, Perm the Great, Perm province, Perm area, Perm Krai, Komi-Permyak Autonomous Area.

Сведения об авторе

Корчагин Павел Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский отдел археологии, истории и этнографии при ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина 13А; e-mail: pakorchagin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 27.09.2013 г.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ: ПАЛЕОЛИТ

П.Ю. Павлов,
Коми научный центр УрО РАН

В научно-популярной форме изложена история заселения бассейна Верхней Камы в эпоху палеолита. В среднем (около 80 тыс. лет назад) и раннем верхнем палеолите (36–28 тыс. лет назад) исходной областью заселения служили южные и центральные районы Восточно-Европейской равнины. В позднем палеолите (19–12,5 тыс. лет назад) на территории Пермского края появляется постоянное население, формируется локальная уральская позднепалеолитическая культура, генетически связанная с верхнепалеолитическими индустриями юга Западной Сибири. Хронологическое распределение палеолитических стоянок в бассейне Верхней Камы обнаруживает явную взаимосвязь с изменениями природно-климатической среды этого северного региона. Верхнее Прикамье заселялось в периоды относительно благоприятных природно-климатических условий потеплений среднего и позднего плейстоцена первобытными коллективами, система жизнеобеспечения или адаптивный тип которых был основан на охоте на крупных стадных копытных и характеризовался высокой мобильностью населения.

Ключевые слова: палеолит, первоначальное заселение, Пермский край, Урал.

Исследования палеолита на территории Пермского края, начатые более полувека назад, убедительно показали огромный научный потенциал этого обширного региона для изучения палеолитической истории Евразии. Количество выявленных здесь палеолитических местонахождений исчисляется несколькими десятками. Особенно богат памятниками эпохи палеолита бассейн Верхней Камы (рис. 1). По количеству уже выявленных палеолитических местонахождений он в настоящее время входит в число самых богатых регионов Восточной Европы.

Расположенные на территории Пермского края Памятники эпохи палеолита являются одними из самых северных в Европе. Они, как правило, отличаются хорошей сохранностью культурного слоя, что позволяет реконструировать образ жизни и хозяйственную деятельность древнего человека. Данные, полученные при исследованиях палеолитических стоянок бассейна Верхней Камы, во многом имеют ключевое значение для реконструкции древнейших этапов заселения всего севера Евразии и обсуждения проблем первоначальной адаптации челове-

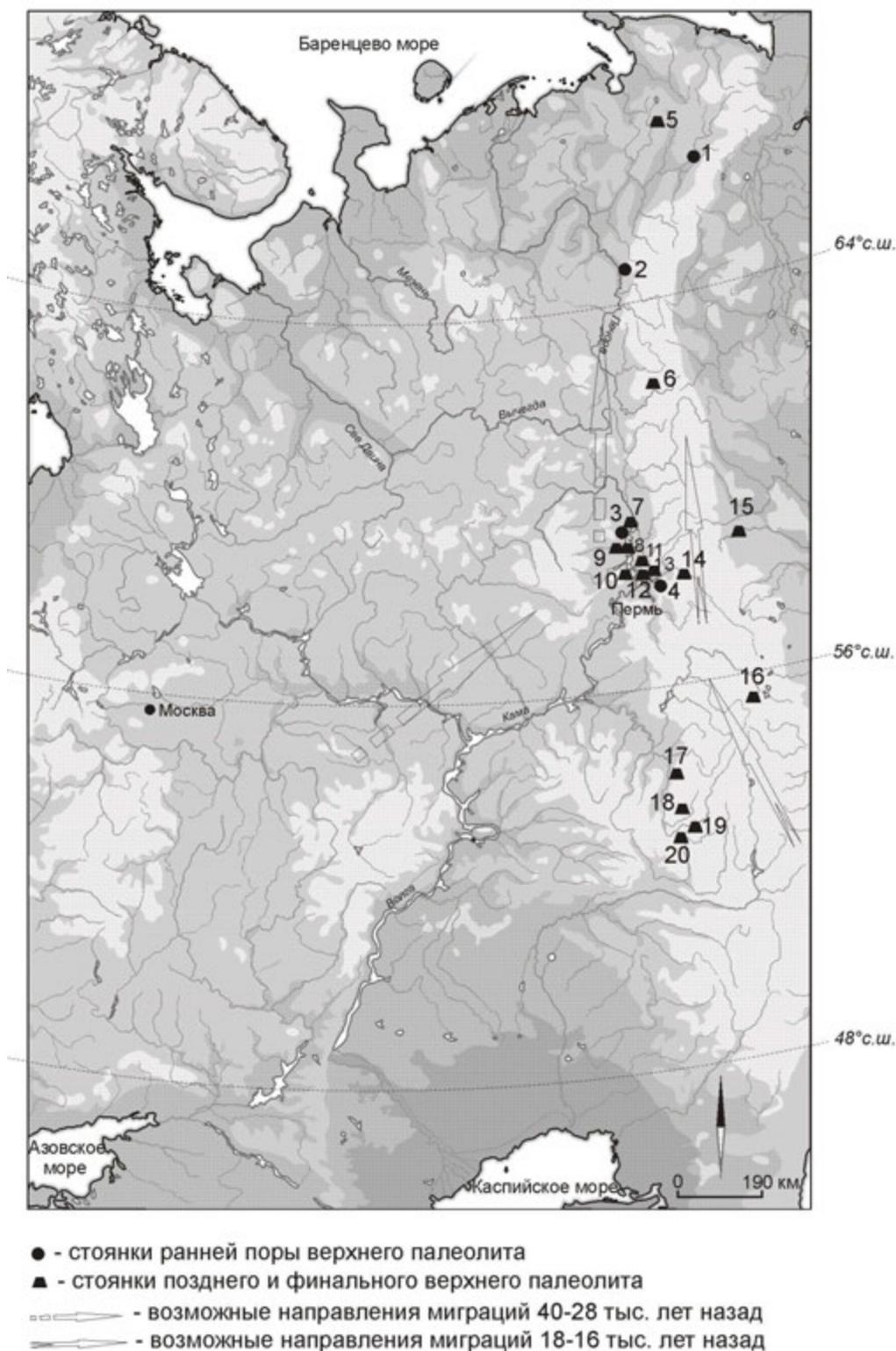

Рис. 1. Карта палеолитических памятников Урала: 1 – Мамонтова Курья; 2 – Бызовая; 3 – Гарчи I; 4 – Заозерье; 5 – Пымва-Шор I; 6 – Медвежья пещера; 7 – Усть-Пожва; 8 – Горка; 9 – Широфаново II; 10 – Ганичата II; 11 – грот Столбовой; 12 – стоянка Талицкого; 13 – Горная Талица; 14 – грот Большой Глухой; 15 – Гари; 16 – грот Бобылек; 17 – Игнатъевская пещера; 18 – Кульюрттамак; 19 – Капова пещера; 20 – Байсланташ

чества к природно-климатическим условиям циркумполярной зоны материка. Свидетельством их большого значения для мировой науки является тот факт, что раскопки палеолитических стоянок на территории Пермского края являлись основной исследовательской задачей ряда международных научных проектов, а в полевых исследованиях палеолитических стоянок Верхней Камы участвовали ученые из Норвегии, Нидерландов, Франции, Бельгии, Канады. Результаты этих исследований опубликованы в ведущих российских и международных научных журналах.

В статье в научно-популярной форме изложен краткий очерк истории заселения человеком бассейна Верхней Камы.

Первые доказательства неожиданно раннего заселения человеком бассейна Верхней Камы были получены М.В. Талицким в самом конце 30-х гг. XX века. Открытие им в 1938 году Островской (впоследствии имени Талицкого) верхнепалеолитической стоянки и в 1939 году мустьерского местонахождения у Пещерного Лога на р. Чусовой показало, что эта территория в палеолитическое время была освоена человеком. Раскопки стоянки Талицкого, проведенные М.П. Грязновым и О.Н. Бадером, дали богатые материалы, долгое время служившие «визитной карточкой» палеолита Урала. В ходе исследований этого памятника впервые были получены данные об образе жизни и хозяйстве палеолитического населения севера Евразии.

После создания в 1956 г. Камского водохранилища появились благоприятные возможности для поисков новых палеолитических стоянок на Верхней Каме. Первые археологические разведки на берегах Камского водохранилища, проведенные В.П. Денисовым в 1965 г., привели к открытию новых палеолитических местонахождений в низовьях р. Чусовой. Эти пионерные работы доказали большую перспективность поисков палеолитических стоянок по берегам водохранилищ, где в результате волновой абразии разру-

шению подвергаются речные террасы плейстоценового возраста. В последующие годы, в ходе почти ежегодных систематических разведок, В.П. Денисовым, А.Ф. Мельничуком, С.Н. Коренюком, Ю.Ю. Цыгановым, Э.Ю. Макаровым и автором на Камском и Воткинском водохранилищах было найдено около 30 новых палеолитических местонахождений. Особенно большой вклад в поиски новых палеолитических памятников на Верхней Каме внес научный сотрудник Коми-Пермяцкого отдела общественных наук Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) Э.Ю. Макаров.

Этапным в истории полевых исследований палеолита региона стали стационарные исследования местонахождений на Камском водохранилище, которые почти сразу привели к открытию стратифицированных стоянок с хорошо сохранившимися культурными слоями. Это, прежде всего, стоянки Горная Талица, Гарчи I и Заозерье.

На современном уровне наших знаний можно наметить основные этапы развития палеолитической культуры на территории Пермского края.

Человек впервые проник в бассейн Верхней Камы в раннем палеолите, во второй половине среднего плейстоцена – не позднее, чем 250 тыс. лет назад. К этому времени достоверно относится единственный надежно датированный памятник – Ельники II на р. Сылве (см. рис. 1).

В бассейне Верхней Камы известен ряд других местонахождений с галечным инвентарем, которые могут относиться к раннему палеолиту, – Ганичата I, Слудка, Тупица, Борисово, Тарасово.

Второй этап колонизации региона связан с мустьерской эпохой. Памятники этого периода на севере Уральского региона известны в настоящее время только в бассейне Верхней Камы (см. рис. 1). Это стоянка Гарчи I (нижний слой) и местонахождение Пещерный Лог. Стратифицированные находки среднего палеолита на стоянке Гарчи I, вероятно, имеют

возраст около 80 тыс. лет назад. Для каменной индустрии этого памятника характерно преобладание двусторонних плосковыпуклых изделий – угловатых, конвергентных и диагональных скребел с ретушью Кина, остроконечников, бифасиальных ножей с площадкой (Kielmesser), листовидных бифасов. Аналогичные характеристики имеет небольшой, но выразительный комплекс известного местонахождения Пещерный Лог. Техничко-типологические особенности каменного инвентаря среднепалеолитических памятников Верхней Камы указывают на их принадлежность к кругу индустрий Kielmessergruppen (восточный микок) Центральной и Восточной Европы.

На территории Восточной Европы памятники Kielmessergruppen распространены в Крыму, на юге, западе и в центре Восточно-Европейской равнины, на Северном Кавказе и в нижнем Поволжье. К востоку от Урала стоянки, относящиеся к индустриям Kielmessergruppen, не найдены.

Таким образом, более вероятно, что в среднем палеолите человек проникал в бассейн Верхней Камы из южных или центральных областей Восточно-Европейской равнины.

Одним из важнейших достижений последнего десятилетия в археологии европейской части России является открытие памятников ранней поры верхнего палеолита (35–28 тыс. лет назад) в бассейне Верхней Камы – стоянок Заозерье и Гарчи I. Это открытие имеет фундаментальное значения для понимания истории становления современного человечества, его способности адаптироваться и успешно выживать в различных природно-климатических зонах уже на самых ранних стадиях заселения Евразии.

К числу древнейших памятников раннего верхнего палеолита Восточной Европы относится стоянка Заозерье (см. рис. 1). Она расположена в нижнем течении р. Чусовой (58° с.ш.) вблизи дер. Заозерье Чусовского района. Возраст культурного слоя стоянки установлен по серии радиоуглеродных датировок и со-

ставляет 35–33 тыс. лет назад.

В ходе полевых исследований памятника было изучено несколько скоплений культурных остатков с кострищами, скоплениями расколотых костей животных, каменными и костяными орудиями и отходами их производства, украшениями.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 2300 предметов, из них 90 изделий с вторичной обработкой. Техника первичного расщепления характеризуется призматическими нуклеусами. Орудийный инвентарь стоянки состоит из двух различных технико-морфологических групп изделий – пластинчатой и бифасиальной (рис. 2–3). Пластинчатая группа представлена пластинами с краевой ретушью, остриями и резцами. Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой «ориньякской» чешуйчатой ретушью. Резцы представлены боковыми с ретушированной площадкой и угловыми. Среди острий выделяются двуконечные на крупных массивных пластинах и острия с дугообразно ретушированным или затупленным краем, близкие к типу Шательперрон. К бифасиальной группе относятся скребла и ножи, в том числе схожие со среднепалеолитическими формами этих орудий. Характерной особенностью техники изготовления большинства бифасов является применение мустьерской плосковыпуклой ретуши.

Костяные и роговые изделия немногочисленны и представлены острием, шилом и заготовкой наконечника копья.

Украшения представлены двумя овальными перламутровыми подвесками и бусами (рис. 4). Подвески изготовлены из стенок раковины пресноводного моллюска *Unio*. Одна подвеска имеет два просверленных отверстия, расположенных рядом практически по центру изделия. Сверление коническое одностороннее. Вторая подвеска представлена крупным фрагментом с сохранившимся отверстием. В коллекции имеется и заготовка подобной подвески без отверстий. Среди украшений есть бусы с одним сверленным отверстием, изготовленные из ископае-

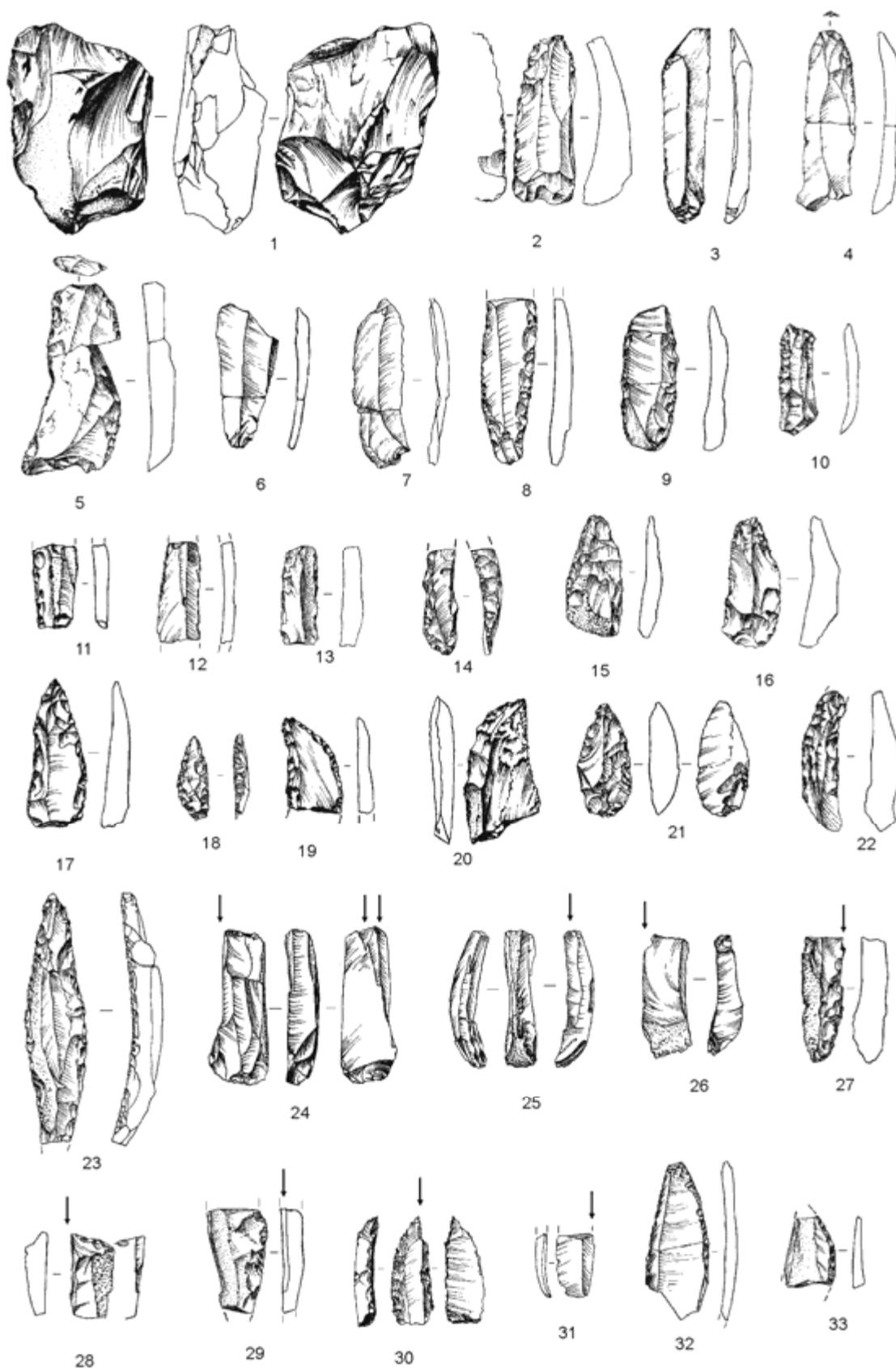

Рис. 2. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь: 1 – преформа нуклеуса; 2–15, 32 – пластины с ретушью; 16–23, 33 – остря; 24–31 – резцы

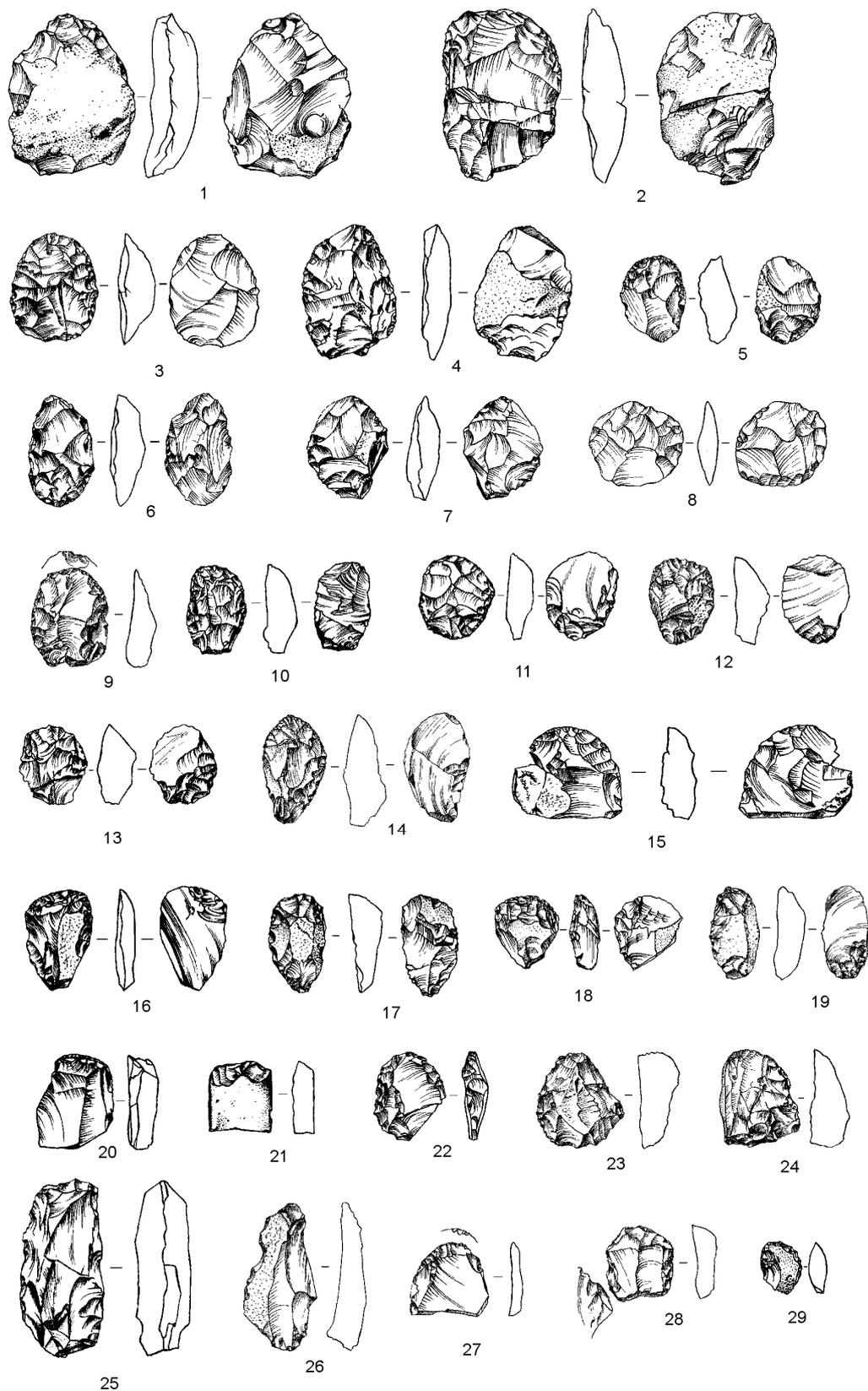

Рис. 3. Стоянка Заозерье. Каменный инвентарь: 1 – заготовка плосковыпуклого бифаса; 2–4, 25 – скребла; 5 – бифас-скребок; 6 – нож Kietmesser; 7–8 – овальные бифасы; 9 – скребло-унифас; 10–19 – скребки с вентральной ретушью; 20–24, 27–29 – скребки; 26 – изделие с выемкой

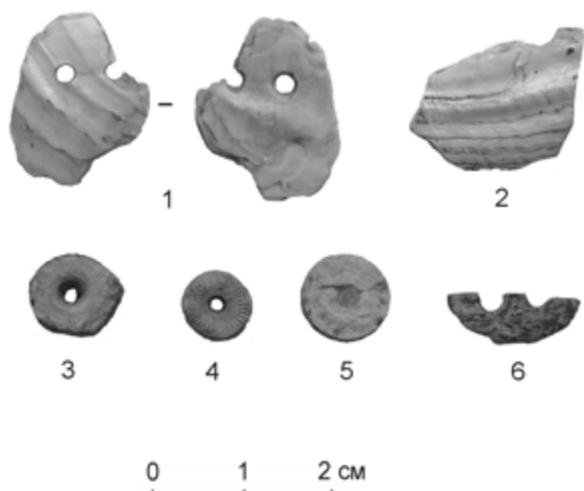

Рис. 4. Стоянка Заозерье. Украшения: 1–2 – подвески из раковин *Unio*; 3–4 – бусины из ископаемых криноидей; 5 – заготовка бусины; 6 – фрагмент украшения из кости

мых морских лилий и их заготовки. В коллекции имеется фрагмент тонкой костяной пластинки с двумя прорезанными отверстиями.

Полные аналогии комплексу каменного инвентаря памятника за пределами региона автору неизвестны. В то же время нельзя не отметить, что сочетание пластин и орудий на них, «ориньякских» форм орудий и изделий с двусторонней обработкой, характерное для каменного инвентаря стоянки, считается типичным показателем для поздних этапов развития так называемых переходных индустрий Центральной Европы, имеющих местные мустьерские корни.

Результаты исследований культурного слоя на стоянке Заозерье показывают, что люди жили на пойме или низкой надпойменной террасе р. Чусовой, покрытой растительностью бореального или северобореального типа. Водораздельные пространства в окрестностях стоянки представляли открытые лесостепные ландшафты. Реконструируются умеренно-холодные климатические условия. Основные виды деятельности – разделка принесенных на стоянку с места добычи наиболее мясных частей туш лошади (задние и передние конечности), приготовление и потребление пищи, изготовление костяных орудий, шитье шкур пушных животных и,

возможно, изготовление украшений.

Второй памятник ранней поры верхнего палеолита в бассейне Верхней Камы – это стоянка Гарчи I. Памятник расположен на Верхней Каме (59° с.ш.) в Юсьвенском районе Коми-Пермяцкого автономного округа (см. рис. 1). Возраст стоянки около 29 000 лет. В ходе раскопок памятника исследованы два скопления культурных остатков, расположенными на расстоянии около 100 м. Второе скопление сохранилось практически полностью. В плане оно имеет овальную форму с двумя кострищами восьмеркообразной формы расположенными по центральной оси скопления.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 8 000 предметов, в том числе 150 орудий.

Техника первичного расщепления характеризуется плоскими нуклеусами параллельного скалывания, единично представлены торцовые ядрища.

Ведущая форма заготовки – отщеп, пластины в коллекции практически отсутствуют. Основная категория орудий – скребки. Среди них изделия высокой формы, кареноидные, подтреугольные с вентральной подтеской и округлые с ретушью по периметру заготовки. Немного уступают им в численности двусторонне-обработанные треугольные наконечники с вогнутым и прямым основанием (стрелецкого и сунгирского типов) (рис. 5). Скребла многочисленны и изготовлены, как правило, на массивных удлиненных сколах. Найдены также острия, плитки кремня с двусторонней ретушью по одному из краев, поперечные и боковые резцы.

Орудийный набор памятника содержит все основные типы, характерные для стоянок костенковско-стрелецкой культуры, распространенной в центральной части Восточноевропейской равнины.

Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу находок, памятник представляет неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку. Интересно отметить, что под обнажениями III террасы Камы в ближайших (до 300 м)

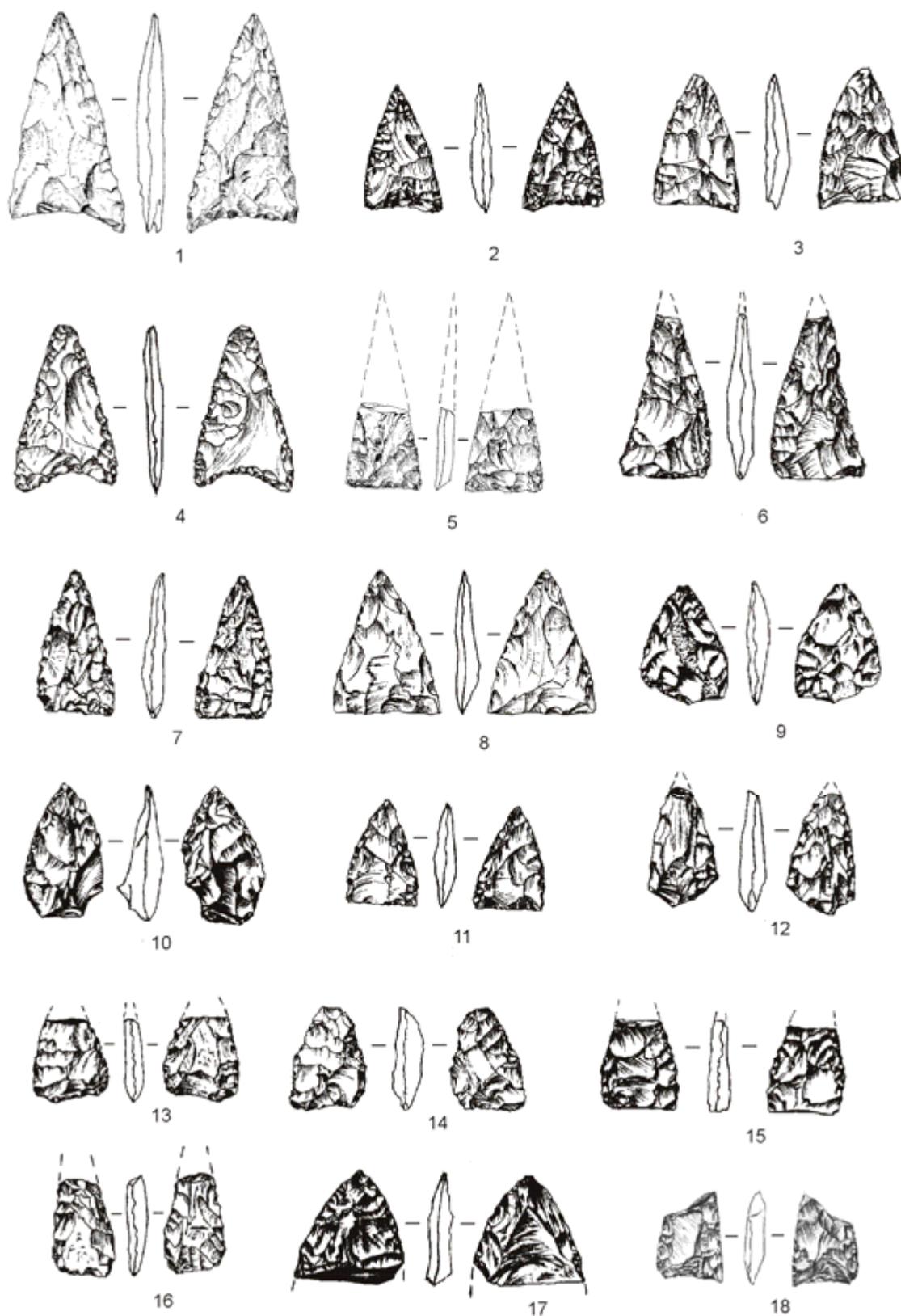

Рис. 5. Стоянка Гарчи I. Каменный инвентарь: 1–18 – треугольные наконечники

окрестностях памятника найдено несколько небольших треугольных накопителей без сопутствующих находок. Не исключено, что это утерянные во время охоты наконечники промыслового вооружения, вполне вероятно, стрел.

Таким образом, определяющей чертой каменного инвентаря памятников начальных этапов верхнего палеолита является сочетание в их индустриях двух техникоморфологических групп изделий – верхнепалеолитической и мустьерской (среднепалеолитической).

Среднепалеолитические формы в индустриях начальной и ранней поры верхнего палеолита имеют прямые аналогии в мустьерских комплексах юга Русской равнины, Северного Кавказа и Крыма. Эти выразительные аналогии позволяют предположить генетическую связь среднепалеолитических индустрий и комплексов ранней поры верхнего палеолита севера Русской равнины. Гипотезы об участии среднепалеолитического населения в генезисе культур верхнего палеолита и об аккумуляционной модели возникновения верхнего палеолита на территории Восточной Европы неоднократно высказывались исследователями верхнего палеолита этого региона (М.В. Аникович, Л.Б. Вишняцкий). Материалы стоянок начала верхнего палеолита в бассейне Верхней Камы являются весомым аргументом в пользу этой гипотезы.

В конце среднего валдая (27–24 тыс. лет назад) происходит существенное изменение всей археологической картины на территории Восточной Европы: исчезают культуры ранней поры верхнего палеолита и распространяются развитые ориньякоидные и граветтоидные индустрии средней поры верхнего палеолита. Эти изменения нашли свое специфическое отражение на Среднем Урале. В конце среднего валдая в регионе также исчезают индустрии ранней поры верхнего палеолита. Однако это не сопровождалось, как в центре Восточно-Европейской равнины, появлением в регионе стоянок средней поры верхнего палеолита, что, по

крайней мере частично, следует связывать с крайне неблагоприятными для жизни человека природно-климатическими условиями, существовавшими в первой половине позднего валдая на севере Урала. Не исключено, что в конце среднего – первой половине позднего валдая произошла депопуляция территории региона, о чем свидетельствует отсутствие палеолитических стоянок на Урале в хронологическом интервале от 27 до 19 тыс. лет назад.

Постоянное население появляется в Прикамье в позднем и финальном палеолите 19–9,5 тыс. лет назад.

Опорными памятниками позднего палеолита на территории Пермского края являются стоянки им. Талицкого и Шированово II. К памятникам финала палеолита относятся стоянки Горная Талица, Усть-Пожва, III культурный слой грота Большой Глухой, грот Столбовой и местонахождение Горка.

Основные характеристики инвентаря памятников культуры заключаются в следующем.

Первичная обработка основана на использовании параллельных способов расщепления – объемного и плоскостного. Нуклеусы представлены призматическими, уплощенно-призматическими с продольно-поперечным скалыванием, коническими и торцовыми формами, использовались вторичные ядрища, применявшиеся для отделения пластин и микропластин. В больших комплексах обязательно имеются плоские ядрища.

Ведущим типом скола являются пластины с неправильной огранкой, присутствуют крупные пластины и микропластинки. В качестве заготовок приблизительно в равной пропорции использовались отщепы и пластины.

В составе орудийного набора представлены: небольшие округлые скребки на отщепах и концевые скребки на удлиненных отщепах и фрагментах пластин, в том числе и высокой формы; боковые, поперечные и угловые резцы, преимущественно на отщепах; долотовидные орудия;

усеченные пластины, пластины с выемками и пластины с притупленной спинкой; шиповидные и зубчатые формы; проколки с плечиками. В инвентаре обязательно присутствуют микропластины с ретушью (вкладыши) и группа галечных орудий. Характерны также унифасы и скребла с прямым, выпуклым и вогнутым лезвием. Яркой отличительной чертой комплексов является присутствие в них двусторонних вкладышевых орудий, древнейших на Европейском континенте.

По основным характеристикам комплексов каменного инвентаря позднепалеолитические стоянки Урала близки к памятникам средней поры верхнего палеолита юга Западной Сибири.

На основе сибирских мелкопластинчатых индустрий во второй половине позднего валдая в регионе формируется уральская позднепалеолитическая культура. Пространственное и хронологическое распределение ее стоянок свидетельствует о практически непрерывной заселенности бассейна Верхней Камы, начиная со второй половины позднего валдая.

Вероятно, что на основе стоянок финального этапа уральской позднепалеолитической культуры в бассейне Верхней Камы в раннем голоцене формируются локальная раннемезолитическая культура.

Позднепалеолитическое население северо-востока Европы, полностью адаптированное к особенностям природной среды субарктической и арктической зоны Евразии, могло играть значительную роль в освоении обширных пространств северо-запада Русской равнины в позднеледниковое время.

Хронологическое распределение палеолитических стоянок в бассейне Верхней Камы обнаруживает явную взаимосвязь с изменениями природно-климатической среды этого северного региона. Бассейн Верхней Камы заселялся в периоды относительно благоприятных природно-климатических условий в периоды потеплений среднего и позднего плейстоцена. Периоды оттока населения совпадают с похолоданиями позднего плейстоце-

на в раннем и начале позднего валдая.

Данные изучения палеолитических стоянок свидетельствуют, что бассейн Верхней Камы в верхнем палеолите заселялся первобытными коллективами, система жизнеобеспечения или адаптивный тип которых был основан на охоте на крупных стадных копытных и характеризовался высокой мобильностью населения. Эта особенность образа жизни древних мигрантов являлась решающим фактором процесса первоначального заселения севера Евразии.

По нашему мнению, ранее проникновение человека в субарктические и арктические широты Европы, наряду с социокультурным и демографическим факторами, в значительной степени было обусловлено также и природно-географическими условиями холмисто-увалистой полосы западного склона Урала. Здесь, на сравнительно небольшой территории, сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересеченные долинами крупных рек. Такая мозаичность ландшафтов создавала особо привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных так называемой «мамонтовой степи» и, следовательно, для первобытных охотников. Особо следует подчеркнуть, что в нестабильных климатических условиях характерных для плейстоцена, разнообразие биотопов должно было обеспечить сохранение относительно благоприятных условий, по крайней мере на части этой территории в периоды климатических колебаний.

Таким образом, в ходе проведенных комплексных исследований палеолитических памятников бассейна Верхней Камы, установлены основные события древнейшей истории Прикамья. В целом завершен первый этап исследований – создана надежная региональная источниковая база, на основе которой появилась возможность с использованием современных методов полевых и лабораторных исследований приступить к углубленному рассмотрению ряда важнейших проблем изучения палеолитической эпохи: выяснению северных

границ ареала расселения неандертальцев в Евразии, изучению процесса перехода от среднего к верхнему палеолиту в Восточной Европе и его региональных особенно-

стей, разработке моделей колонизации севера Евразии в верхнем палеолите, изучению древнейшей истории народов уральской языковой семьи.

Библиографический список

1. Павлов П.Ю. Основные этапы заселения человеком северо-востока Европы в эпоху палеолита // Путь на Север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и субарктики: материалы Междунар. конф. – М.: Ин-т географии РАН, 2008. – С. 69–78.
2. Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 33–45.
3. Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains – On the northern presence of humans during the last Ice Age / J.-I. Svendsen, H.P. Heggen, A.-K. Hufthammer, J. Mangerud, P. Pavlov, W. Roebroeks // Quaternary Science Reviews. – 2010. – Vol. 29 (23–24). – P. 3138–3156.
4. Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.-I. The Pleistocene Colonization of Northeastern Europe: A Report on Recent Research // Journal of Human Evolution. – 2004. – Vol. 47. – № 1–2. – P. 3–17.

THE ANCIENT PAST OF THE PERM KRAI: THE PALAEOOLITHIC AGE

P.Yu. Pavlov

This paper gives a popular scientific description of people settlement in the Upper Kama basin during the Palaeolithic age. In the middle (about 80 thousand years ago) and in the early upper paleolith (36–28 thousand years ago) the initial areas of settlement were the southern and the central territories of the Eastern-European plain. In the late paleolith (19–12.5 thousand years ago) the territory of Perm Krai had permanent population, with the shaping of local Ural late Palaeolithic culture, genetically connected with Upper Palaeolithic industries of the Western Siberia South. Chronological distribution of Palaeolithic camps in the Upper Kama basin reveals a clear connection with nature and climate change of this Northern region. The Upper Kama settlement took place in quite beneficial nature and climate conditions of the middle and late Pleistocene warming periods by primitive groups. Their life necessities and adaptive style was based on hunting hoofed herds and high mobility.

Keywords: the Palaeolithic age, initial settlement, Perm Krai, the Urals.

Сведения об авторе

Павлов Павел Юрьевич, доктор исторических наук, заместитель председателя, Коми научный центр УрО РАН, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 24; e-mail: pavlov@presidium.komisc.ru

Материал поступил в редакцию 27.11.2013 г.

ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ (PFINGSTEN) В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ НЕМЦЕВ УРАЛА*

Д.И. Вайман,
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический
университет

На основе полевых этнографических материалов, полученных среди немецкого населения Пермского края, Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской области, рассматривается один из обрядовых комплексов весенне-летнего периода народного календаря немцев Урала – праздники и обряды Пятидесятницы.

В структуре праздника описаны обычаи украшения домов деревцами березы или ее ветвями, а также использование другой растительности в разных региональных группах немецкого населения Урала. Кроме того, исследуются представления о праздничном времени, в том числе запреты и предписания этого дня. Выявляются и изучаются другие обрядовые комплексы: шутки и розыгрыши праздника, другие формы праздничного поведения на Пятидесятницу, характеризующиеся молодежными гуляниями, играми и развлечениями. Отдельно исследуется обычай установки майского дерева, предшествующий брачному периоду в структуре календарного года немецкого населения. Изучение обрядового комплекса праздника Пятидесятницы предпринято в сравнении с общенемецкими традициями, обычаями, характеризующими другие группы российских немцев, при обращении также к локальным особенностям каждой конфессиональной и региональной группы немцев Урала.

Ключевые слова: этнография российских немцев; немцы Урала; традиционная культура; календарные праздники и обряды.

Немцы – один из народов Урала, компактные сельские поселения которого располагались в Республике Башкортостан, Пермском крае, Челябинской и Оренбургской областях. Формирование сельского немецкого населения на Урале

приходится на рубеж XIX–XX вв. Именно в этот период территория Урала осваивается немецкими колонистами – выходцами с территорий западных Волынской, Киевской, Таврической, Херсонской, Екатеринославской, Одесской и других гу-

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 12-11-59001 «Этнокультурная история немецкого населения Урала».

берний Российской империи, поселившись на землях Уфимской и Оренбургской губерний [3, с. 28].

Немецкое население Урала представляло сложную структуру, включающую разные региональные (по территории выхода и территории расселения переселенцев) и этноконфессиональные группы (меннониты, лютеране и католики), каждую из которых отличают особенности языка, культуры и религиозных традиций. В данной статье на основе полевых материалов, собранных в ходе исследований среди немецкого населения Оренбуржья, Челябинской области, Пермского края и Республики Башкортостан исследуется один из комплексов календарной обрядности немцев Урала – праздник Пятидесятницы, рассматривается внутренняя структура и основные компоненты обрядности, локальные особенности разных региональных и конфессиональных групп, уральские материалы изучаются в контексте традиций других групп российских немцев и немцев метрополии.

Праздник Пятидесятницы в календарной обрядности немцев — *das Pfingsten* в немецком народном календаре маркировал завершение весеннего и начало летнего периодов [7, с. 47–48; 9, с. 199; 1, с. 61–67; 5, с. 158; 19, с. 162–164]. Сам термин «Pfingsten» [Пятидесятница] происходит от греческого слова «pentekosté» в значении пятидесятый [день] [15, с. 149].

В христианском мире этот праздник посвящен сошествию Святого Духа на апостолов и отмечается на пятидесятый день после воскресения Христа и на 10-й день после праздника «Вознесение Господне» [23].

В православной церкви этот день известен как День Святой Троицы, так как в православии даты праздников Пятидесятницы и Троицы совпадают [9, с. 199]. В западной христианской традиции Троица отмечается в следующее воскресенье (через неделю) после праздника Пятидесятницы [23].

Российские немцы часто соотносят *Pfingste* с православным праздником

Троицы и переводят название праздника как Троица, используя для его обозначения русский хроним. Но, несмотря на это, информаторы четко фиксируют основные отличия немецкого праздника, проявляющиеся как в самих сроках праздника, так и в обрядовой традиции: «Когда Пасха с русскими совпала и вот эти праздники идут так же, а так по-другому уже» [ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий район, с. Михайловка]. «А вот в Троицу украшали березы, натаскаем полную избу, наставим... В каждый угол, где можно еще, березки свеженькие навтыкаем. И на улицу, возле крылечка, сделаем. Везде поблизости. Кто где траву свежую принесет, разложат, чтобы запах свежий был. Русские так не делали, немцы только. Русские только украшали, там песни пели...» [ПМ-2006; ПК, Октябрьский район, д. Романовка].

Праздник Пятидесятницы (Троицы) на Урале был известен под разными диалектными названиями: *Pingschte* [ПМ-2010; ОО, Акбулакский район, д. Александровка; ОО, Соль-Илецкий район, с. Михайловка], *Pfincksche* [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, д. Сергиополь], *Pfingsten* [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, д. Березовка], *Pfingste* [ПМ-2010; РБ, Благоварский район, д. Новоникольское], *Pinste* [ПМ-2010; ОО, Переволоцкий район, д. Кубанка; ОО, Переволоцкий район, д. Суворовка; ОО, Красногвардейский район, д. Ишалка]. Пятидесятница у немцев Урала, как и повсеместно в немецкой традиции [4, с. 592; 1, с. 67–68], считалась одним из трех наиболее значимых праздников годового цикла народного календаря. На эту особенность указывают все информаторы: «Ну, Рождество, Пасха, Троица – это все большие праздники были» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]. «После Рождества и Пасхи еще *Pingschte* есть» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, с. Александровка]. «Я только помню эти праздники: *Weihnachts, Oschtre und Fingschte...*» [ПМ-2011; ЧО, Октябрьский район, с. Барсучье].

В комплексе обрядности Пятидесятницы значительное место занимал период и действия, связанные с подготовкой к празднику. У немцев Урала накануне праздника Пятидесятницы было принято прибираться в домах и во дворах, на улицах: «Земляной пол был, ну первый раз, конечно, мазали глиной с соломой, а потом делали раствор: вода и немного глины и навоз. Это разводили жидко и мазали весь пол. Это делали в пятницу [перед Троицей]» [ПМ-2011; ЧО, Октябрьский район, с. Барсучье]. «Когда *Pingschte* – Троица, мы полы мазали» [перед праздником] [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, д. Федоровка]. Очистительная символика этих обычаев кануна праздника проявлялась и в предписании обязательно помыться накануне: «Перед Троицей и Пасхой обязательно мылись, воду в бочках нагреем и моемся, это обязательно» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский р-н, д. Николаевка].

Очистительные действия, совершаемые на Пятидесятницу, предшествовали всем значительным празднично-обрядовым циклам народного календаря, а в комплексе подготовки к Пятидесятнице они были характерны также для разных этнотерриториальных групп российских немцев и немцев метрополии [4, с. 592; 11, с. 32].

Значительное место в содержании праздника Пятидесятницы отводилось конфессиональным традициям и ритуалам. Накануне и в праздник обязательным считалось посещение храмов, молитвенных домов и молитвенных собраний. На Урале, ввиду отдаленности сельских поселений от центров религиозно-приходской жизни, традиционных для немецкого вероисповедания, в ряде случаев выполнение религиозных – молитвенных предписаний ограничивалось чтением молитвенных текстов дома: «[На Троицу] Богу дома молились» [ПМ-2006; ПК, Октябрьский район, д. Жуки]. «Молились, мама нас научила, мы все праздники молились дома» [ПМ-2010, ОО, Соль-Илецкий район, г. Соль-Илецк].

В тех деревнях, где были организованы молитвенные дома, их посещение являлось одним из основных компонентов праздника: «Там же церковь не была у наших. Вот моя бабушка, мужава бабушка, они ходили. Или к нашей бабушке придут молиться, или к той бабушке идут. И книги были молитвенные [ПМ-2010; ОО, Акбулакский район, Альшеевский район, д. Раевка]. «Троицу отмечали, мама меня в церковь [молитвенный дом] не брала, а сама ходила» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, д. Александровка].

Особо стоит отметить религиозную составляющую праздника Пятидесятницы в меннонитских поселениях: «На Троицу просто в церковь пойдём. Но я знаю, ветками мать украшала квартиру и пол устилала травой» [ПМ-2009; ОО, Переволоцкий район, д. Кубанка].

При этом в некоторых деревнях празднование Пятидесятницы ограничивалось посещением молитвенных домов и совершением молитв: «Я всегда ездила в Карагуй, в молитвенный дом, читают лекцию там, проповедует. У нас всегда только поют и молитвы читают и проповедуют, стихотворения рассказывают» [ПМ-2009; ОО, Переволоцкий район, д. Суворовка]; «Троицу отмечаем. Сейчас просто богослужение проходит на эту тему. И дети готовятся» [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, г. Давлеканово].

Главным атрибутом праздника *Pfingsten* у немцев Урала была береза. Использование березы в обрядности Пятидесятницы известно и у других групп российских немцев [4, с. 592] как и немцев метрополии [1, с. 67; 16, с. 55]. Выбор дерева в качестве обрядового символа весенних праздников характерен для многих народов, что объясняется, прежде всего, тем, что береза – одно из первых распускающихся деревьев и имеет особую силу роста [12, с. 129; 10, с. 188].

Ярким проявлением культа растительности в обычаях Пятидесятницы и неотъемлемым элементом праздника у немцев Урала стало украшение жилища деревцами и ветвями деревьев.

На Урале преобладала традиция украшения домов с использованием ветвей березы, черемухи, тополя, а также цветов и растений в зависимости от местного природно-климатического фактора.

Чаще всего в качестве обрядового дерева использовалась береза, березовые ветви. В традиции российских немцев [4, с. 592] и немцев метрополии [17, с. 1685–1686], помимо березы и других деревьев, известны примеры украшения домов зеленью и цветами.

Наиболее развернутой традиция украшения жилища березками и ветвями была в лесных и лесостепных районах Урала. В Пермском крае, например, у волынских немцев достаточно распространенной традицией было украшение крыльца и ворот дома не только березовыми ветвями, но и самим деревом, для этого старались принести березку и поставить ее перед домом: «А на Троицу в домах украшали березками. Перед воротами березки ставили. Как раз березка лист распускала, мелкий лист такой. Запах такой создается, когда заходишь в квартиру» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]. «Ну, я вот, мы в деревне жили, так на Троицу обычно березки приносят к воротам, поставят две березки. В одну сторону и в другую сторону» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]; «Троица уже как летом, ведь уже там березки отрубят, приносят к воротам, привязывают..., две березки поставят, уже считают большой праздник» [ПМА-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]. Как показывают примеры, в Пермском крае немцами украшалось на праздник не только внутреннее пространство дома, но и наружное, возле дома.

В немецких поселениях Башкирии, расположенных в лесостепной полосе, чаще всего жилище украшали не деревцами, а только ветвями деревьев: «Ходили в лес собирали ветки и украшали в доме» [ПМ-2009; РБ, Благоварский район, с. Пришиб]; «Мы все время украшали. На улицу ветки ставили и домой заносили» [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район,

д. Сергиополь]; «Обязательно домой березовые ветки таскали на Троицу» [ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка].

В тех районах, где распространено было украшение жилища деревцами и ветвями, помимо березы могли быть использованы и ветви других деревьев – черемухи, клена, тополя, сирени: «Да дедушка все приносил ветки черемухи домой...» [ПМА-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]; «Черемуху тоже приносили, украшали, ставили, она иной раз распускается в это время» [ПМА-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]; «Еще ветки тополя развешивали» [ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка]. «На *Pfingsten* ветки тополя развешивали, березовые еще» [ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка]. «Ветки березовые, тополевые, кленовые развешивали» [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, д. Абрамполь].

Другой особенностью лесостепных районов был обычай приносить в дом и расстилать на полу на праздник Пятидесятницы травы. При этом в лесостепных районах этот обычай бытовал наряду с традицией украшения жилища ветвями деревьев. «Ветки, да, березовые вешали, цветы, осоку клали, разну там траву. Мелкую траву вдоль оврага собирали. Щас же паласы, нельзя, мусор. А раньше стелили на пол. Ветки вешали, а траву клали на пол» [ПМ-2010; РБ, Раевский район, д. Красный Клин]; «Обычно на Троицу мы рвали сирень или траву, такую стелили траву. Ветки все время натыкали...» [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, д. Ворошилова]; «На Троицу ветки березовые вешают, чтоб зелено было. Даже некоторые люди сено косили зелено, на пол стелили» [ПМ-2010; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка].

В степных районах Оренбуржья у немцев украшение домов ветвями деревьев встречается крайне редко, единичны примеры данного обычая: «Мы украшали

березовыми ветками. У нас в деревне, когда полов не было деревянных, застилали Богородской травкой. Вот нарвем, застелем, и заходишь – такой запах» [ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий район, д. Мещеряковка].

В то же время в степных районах широко был распространен обычай украшать жилище травами. Данное обрядовое действие характерно для католической и лютеранской традиций степных районов Оренбуржья. Наиболее популярной травой, используемой в для размещения в жилище, был чабрец или душица, известные у немцев Урала как *Quendel* или *Kwendel*: «*Kwendel ropfen* – это на Троицу нас за чабрецом посылали» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, д. Александровка]; «На Троицу травой украшали раньше и окна, и в доме. Даже на пол стелили чабрец» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, д. Александровка]; «Тогда еще пахучая трава была *Quendel*. По-русски называется «богородская» травка, мы же мазали полы коровьим навозом и глиной, все затираешь это, а после этой травкой *Quendel Rumsch meise*» [ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий район с. Михайловка]. «*Kwendel* – душицу – рвали и на пол вот эту душицу делали» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, д. Федоровка]. «Приносили в дом *Quendel*, стелили ее на пол, у всех были земляные полы, и вот ее стелили» [ПМ-2011; ОО, Беляевский район, д. Блюменталь]. Реже на праздник использовали другие травы: «Мяту клали – пахнет в избе тогда хорошо» [ПМ-2010; РБ, Раевский район, д. Красный Клин].

Другим вариантом украшать дома к празднику зеленью является обычай приносить в дом цветы: «Цветы ставили, дети бегали за тюльпанами» [ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий район, с. Михайловка]. «Мы раньше ходили на гору, там цветы очень красивые, и мы всегда ходили, и так как елочки бывают мелкие-мелкие та-

кие, мы их рвали и принесли домой» [ПМ-2011; ОО, Беляевский район, д. Блюменталь].

Как правило, трава, принесенная к празднику, продолжала лежать в доме в течение нескольких дней: «Мы чабрецом весь дом обсыпали. И такой запах хороший был. Не убирали его 3 дня» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, с. Александровка]. «Неделю трава лежит, пока не высохнет» [ПМ-2010; РБ, Давлекановский район, д. Абрамполь].

Таким образом, приведенные примеры показывают, что в обычаях украшения к Пятидесятнице жилища у немцев Урала можно выявить некоторые закономерности, связанные с разными районами расселения. В северных лесных районах Среднего Урала был распространен обычай украшать жилище деревцами и ветвями. В лесостепных районах наряду с украшением ветвями в жилище на праздник расстилали травы. В степных районах заметно преобладал обычай украшать жилище принесенными к празднику травами. В целом, такая вариативность объясняется как отдельными локальными традициями, принесенными со старой родины, так и природно-климатическими особенностями мест проживания на Урале.

Украшение домов зеленью можно отнести к проявлениям общенемецких традиций: украшать дома на Пятидесятницу цветами и березовыми ветками у немцев России было принято почти повсеместно [4, с. 592; 7, с. 46; 11, с. 32]. Кроме того, еще в начале XX века в Германии сохранялся обычай украшать зелеными ветками березы или дрока дома и хозяйственные постройки. В некоторых землях Германии дома снаружи украшали ветками ивы или вербы, известными как *Pfingstweide*¹ [26].

В целом, внесение в дома и дворы зелени на праздник Пятидесятницы как выполнение обрядового действия апотропейного

¹ В дословном переводе «weide» означает пастбище. Сама терминология праздника указывает на сельскохозяйственную и животноводческую основу обрядности: в Германии известны примеры выпаса скота на праздник, украшение зеленью животных [1, с. 68–69].

значения было обязательным для многих народов Западной и Восточной Европы [6, с. 209; 13, с. 133; 5, с. 174, 241; 10, с. 188:]. Представления о предохранительном и продуцирующем характере выполняемых действий с расстиланием травы проявляются в выполнении этих обрядов.

При почти повсеместном распространении у немцев Урала обычая украшать к празднику Пятидесятницы жилище, в некоторых локальных традициях этот обычай был неизвестен. Связано это с тем, что в меннонитской традиции обрядность Пятидесятницы оставалась неразвитой ввиду конфессиональной особенности данной группы немцев.

У меннонитов Оренбуржья праздник Пятидесятницы, как отмечают информаторы, был наполнен лишь религиозными традициями и не отмечался особо: «У нас только поют и молитвы читают и проповедают, а больше никак не отмечали» [ПМ-2009; ОО, Переволоцкий р-н, д. Суворовка]. «*Pinste*, Троицу вообще не праздновали» [ПМ-2010; ОО, Александровский район, с. Ждановка]. В то же время в некоторых меннонитских деревнях все-таки отмечают бытование обычая украшать жилище зеленью на праздник: «У нас на *Pinste* просто в церковь [молитвенный дом] пойдем, еще зелеными ветками мать украшала квартиру и пол устилала травой» [ПМ-2009; ОО, Переволоцкий район, с. Кубанка].

Если обычай украшать дома к Пятидесятнице зеленью был распространен почти повсеместно и являлся характерной чертой обрядности праздничного цикла, то другие представления и обычаи, связанные с праздником, как правило, характеризовали отдельные региональные и локальные традиции. К таковым можно отнести запреты и предписания Пятидесятницы, разные формы праздничных развлечений.

С празднованием Пятидесятницы в немецкой традиции в Германии связан ряд предписаний и запретов, соотносимых как с самим праздником, так и с периодом, охватывающим время от Пасхи

до Пятидесятницы и еще в течение нескольких дней после [17, с. 1684–1690].

У католиков и лютеран смежных Акбулакского и Беляевского районов Оренбургской области, а также Благоварского района Республики Башкортостан с Пятидесятницей был связан комплекс представлений о негативности данного периода времени. Они зафиксированы в следующих запретах: «На Троицу нельзя ниче делать – один убьется, один сгорит и один утонет. Это по-немецки *drei faltig* [три переплетения]» [ПМ-2011; ОО, Беляевский район, д. Блюменталь]; «На *Pingschte* у нас нельзя купаться, выезжать. На машину не садись, иди лучше пешком. Один человек должен убиться, один утонуть, а третий не помню что сделать» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, с. Федоровка]; «Летом, на Троицу, там один утонет, один сгорит и один еще что-то» [ПМ-2011; ОО, Акбулакский район, с. Федоровка]. Другим запретом праздника был запрет на купание в этот день, также связанный с представлениями об опасности этого времени: «У нас в *Pingste* нельзя купаться...» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старицкое]. Скорее всего, последний запрет является вариантом представлений «о трех несчастьях» – «*drei faltig*», характерных для этой территории. Запреты на купание в этот день можно встретить и в некоторых традициях немцев Германии, так, в земле Саксония-Анхальт, считалось, что в Пятидесятницу обязательно утонет ребенок, если не утопить в реке кошку, собаку или курицу [17, с. 1686].

У немцев Германии представления о наибольшей строгости весеннего периода связаны с праздником Троицы – *Dreifaltigkeit* [триединство]. Считалось, что все работы в этот день должны быть прекращены, иначе трудящиеся вызовут на себя божье проклятье [5, с. 161].

При этом запреты и предписания на трудовую деятельность в праздник Пятидесятницы распространялись и на отдельные виды работ в течение нескольких дней после праздника: например, запрещалось выходить работать в поле три дня

после праздника [17, с. 1685–1686].

В народной традиции немцев Урала представления о запрете на труд и увеселения также соотносятся с праздником Пятидесятницы: «В этот день нельзя печку топить, готовить надо заранее. Гулянки никакой не было» [ПМ-2009; Благоварский район, д. Новониколаевское]. Подобные примеры имеют наибольшее распространение в католической группе немцев Башкортостана.

В традиции многих народов представления о «строгости праздничного периода» связаны с границами весны и лета, с опасностью переходности времени [12, с. 128]. Особое отношение к празднику Pflingsten, как и в целом к периоду от Пасхи до Пятидесятницы, проявляется и в представлении о стирании пространственных границ между миром живых и мертвых. Считалось, что душа человека, умершего в этот период, беспрепятственно попадает в рай, так как «небесные врата» открыты, а двери преисподней заперты [17, с. 1686].

В отдельных областях Германии, в Саксонии в период между Пасхой и Пятидесятницей были распространены запреты, связанные с замужеством. Также неблагоприятным считалось в это время переезжать в новый дом [17, с. 1686]. В земле Баден-Вюртемберг неделя перед Пятидесятницей считалась неудачным временем для замужества и была известна под названием Schwarzwoche [Черная неделя] [17, с. 1686].

Необходимо отметить, что в исследовательских работах зарубежных и отечественных авторов, посвященных традиционной культуре российских немцев, данные, связанные с подобного рода представлениями в обрядности праздника Pflingsten, не имеют подробного описания и говорить о данной традиции у российских немцев вне контекста Уральского региона представляется весьма затруднительным.

В свою очередь хотелось бы подчеркнуть, что в традиции немцев метрополии представления о сакральности праздничного времени Pflingsten находят свое отра-

жение в многочисленных народных поверьях, имеющих амбивалентный характер в оценке данного временного периода как опасного и неблагоприятного, т.е. имеющего наиболее благоприятное значение. Например, в Германии считалось, что дети, рожденные в Пятидесятницу, будут счастливыми. Кроме того, вода в этот праздник, так же, как и выставленная на порог дома в Пасхальную ночь, считалась святой [17, с. 1686].

К комплексу обрядности Пятидесятницы в лютеранских поселениях пермской и оренбургской групп немцев Урала относятся обычаи устраивать на праздник шутки и розыгрыши. Например, рано утром в Пятидесятницу молодежь могла устроить такой розыгрыш: вывести из двора корову, а затем потребовать с хозяев за нее выкуп: «В Троицу утром рано, темно еще, придут соседи, выгонят скотину, попасут, где хороша трава, чтоб хорошо, потом домой гонят, выкупай. А заберут так, чтоб хозяева не слышали, втихара, как украдут вроде, попасут, накормят и приводят. Потом хозяин уж угощает, че ребятишки...» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район, д. Ивановка].

В д. Старицкое Беляевского района Оренбургской области также в ночь на Pflingsten устраивали шутки и розыгрыши: «Я помню, на Pflingste ходили шутили, корову могли привязать к дверям» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старецкое (Розенталь)]. Иногда в качестве розыгрыша могли закрыть человека в доме или в бане: «И запирали. У нас в бане дедов закрывали на Троицу» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старецкое (Розенталь)].

Среди шуток и розыгрышей, встречаемых в Оренбуржье (д. Старецкое), особую группу составляют розыгрыши, направленные на неженатую молодежь: «Нам заложили дверь на Pflingste и дорожку проложили от нас к Марье Ивановне. Это сыну нашему заложили, шутили так. А когда мы молодые были, нас тоже мальчишки закрыли в доме и засыпали дорожку из золы ради шутки»; «В Pflingste Троицу там творили, ведра ставили и лестницы стави-

ли и все во двор стаскивали, и закрывали тоже. И солому могли по дороге насыпать, это вроде как девчатам носили» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старицкое (Розенталь)]. Приведенные обычаи д. Старицкое имеют параллели с теми, что в Благоварском районе Республики Башкортостан совершаются во время празднования Пасхи, и имеют форму символического сватовства, когда на праздник Пасхи стелили соломенные дорожки от одного дома к другому [ПМ-2009; РБ, Благоварский р-н, д. Новониколаевка].

Как и в комплексе пасхальных ритуалов [2, с. 162–163], шутки и проказы Пятидесятницы были призваны стимулировать брачную активность молодежи.

Стоит упомянуть, что подобные розыгрыши на Pflingsten известны и другим группам российских немцев [14, с. 123; 11, с. 30]. В несколько иной форме они, например, были характерны для немцев Западной Сибири и бытовали на Алтае [7, с. 47; 27]. В Германии розыгрыши и шутки на Пятидесятницу также соотносятся с выяснением любовных отношений и связаны с брачной тематикой весеннего периода [1, с. 67–68; 21, с. 208].

Брачная тематика, характерная для всего весеннего периода немецкого народного календаря Германии [1, с. 67–72] и отдельных локальных групп России [4, с. 592; 9, с. 199; 11, с. 29], проявляется и в обрядности Pflingsten немцев Урала. Пятидесятница была временем выяснения любовных отношений между неженатой молодежью. Обычно молодой человек ставил деревце, чаще березку, перед домом девушки, которую собирался сосватать. Выставленное дерево выступало в форме символического предложения: «Еще раньше было, или сажали деревце вот девушке. Сами парни ночью сажали в сад, или во двор, или где...» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старицкое]. Если девушка не желала в будущем принять брачное предложение от молодого человека, то она могла выставить на улицу пустую корзину в знак своего отказа. Среди немцев Урала данное обрядовое действие встречается у

католиков и лютеран Акбулакского, Беляевского и Соль-Илецкого районов Оренбургской области: «Мне молодой человек поставил чуть ли не целое дерево. Если кто-то хотел засватать, а она не хочет, она говорит: «Возьмите корзину и идите дальше» [ПМ-2010; ОО, Соль-Илецкий район, с. Михайловка].

Вариантом традиции установки деревца любимой девушке является замена деревца ветвями деревьев, которые укрепляли на двери дома возлюбленной: «Зеленые веточки могли принести, в дверь воткнуть...» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старицкое]. Данная традиция была распространена и у немцев метрополии, когда неженатые мужчины втыкали ветки деревьев в ставни домов незамужним девушкам. В некоторых землях Германии на Пятидесятницу ветки дерева втыкали в землю перед домами «порядочных» девушек, однако в иных случаях разбрасывали солому или изготавливали соломенное чучело [1, с. 67–68].

Другим вариантом можно считать обычай приносить и укреплять к двери любимой девушки на праздник цветы: «Девчонкам цветы привязывали возле двери, это если любящие уже» [ПМ-2012; ОО, Беляевский район, д. Старицкое].

Обычай установки майского деревца был широко распространен у разных групп российских немцев, бытовал в Поволжье [22, с. 11–12; 18, с. 250–251], у немцев Западной Сибири [7, с. 46; 4, с. 592]. Широко известен этот обычай в разных вариантах и на основной территории проживания этноса [20, с. 9–41; 1, с. 67].

При этом одной из традиций праздника Пятидесятницы, известных в некоторых землях Германии, был обычай устанавливать «майское» дерево – столб (известное под названиями Pflingstbaum [дерево Пятидесятницы] или Pflingststangen [стержень Пятидесятницы]) на городской площади [1, с. 67]. Обычно в качестве такого дерева использовали ель, которую украшали разноцветными платками, лентами и бантами. В сельской местности в Германии была распространена традиция установки

майского дерева, красиво украшенной березки – *Hausmai* [домашний май] под окном любимой девушки, приуроченной к празднику Пятидесятницы [1, с. 67]. Выяснение брачных отношений и установка березового (майского) дерева под окнами девушек в некоторых областях Германии, помимо праздника Пятидесятницы, были приурочены к 1 мая и Духову дню [5, с. 155–156; 1, с. 67–68; 24; 25].

Необходимо подчеркнуть, что некоторые обычаи, связанные с «майским» деревом на праздник Пятидесятницы, встречающиеся в Германии, в традиции немцев Урала не имели распространения. Например, традиция установки «майского» дерева в центре села, бытовавшая во многих землях Германии, у российских немцев, в том числе и немцев Урала, не отмечена.

Кроме того, в отличие от немецкой традиции метрополии [20, с. 76–87; 24], сама установка «майского» дерева в некоторых традициях российских немцев [7, с. 46; 9, с. 199], в том числе и немцев Урала, приходилась на праздник Пятидесятницы.

Стоит отметить, что в католической немецкой традиции Урала, в отличие от других конфессиональных и территориальных групп российских немцев [9, с. 199; 11, с. 30], не зафиксирован специальный термин для обозначения «майского» деревца, который, скорее всего, с течением времени был забыт. Однако это существенным образом никак не отразилось на выполнении обрядовых действий, связанных с березовым (майским) деревом на праздник Пятидесятницы.

Праздник *Pfingsten* Пятидесятницы включал также разнообразные формы праздничного поведения, молодежные и общественные гуляния и развлечения, известные в немецкой традиции в России [4, с. 593] и Германии [1, с. 69–71; 21, с. 205].

Особенно они были характерны для волыньских немцев Пермского края и Республики Башкортостан. В немецких деревнях Прикамья, например, отмечали, что на *Pfingsten*: «На улице собирались, тоже пели, играли всякие игры, танцевали» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район,

д. Николаевка]. Массовые гуляния обычно начинались на второй день праздника: «Первый день Богу молились, потом, на второй день в Троицу, гулять по улице ходили» [ПМ-2004; ПК, Октябрьский район, д. Жуки]. В Башкирии общественные гуляния проходили на поляне в центре деревни: «В середине деревни колодец такой журавль и там лошадей поили, и немецкая Троица когда была, там вся деревня собиралась и праздновала» [ПМ-2012; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка].

Одной из локальных особенностей волыньской группы немцев Пермского края и Республики Башкортостан являются качели, устраиваемые на *Pfingsten*. Качели в этом случае, как отмечают информаторы, были одним из обязательных развлечений праздника: «У нас вот, помню, молодежь качели делала» [ПМ-2004; ПК, Чернушинский район, д. Николаевка]. «На Троицу качели у нас дома были, когда дети пошли. Дедушка у нас старался, качели делал» [ПМ-2010; РБ, Стерлитамакский район, д. Александрово-Волынка].

Таким образом, праздник *Pfingsten* – Пятидесятницы, выступает основным праздником пограничья весенне-летнего периода [4, с. 593; 1, с. 67]. Он был наполнен разнообразными обрядовыми комплексами, в течение долгого времени сохранял свою этническую специфику.

Обрядность Пятидесятницы включает в себя религиозные ритуалы, соответствующие празднику (посещение храмов, молитвенных собраний, чтение молитв), разнообразные действия с деревьями и зеленью, известные практически повсеместно (украшение домов березовыми и кленовыми ветками, расстилание травы, установление березового дерева), запреты, регламентирующие праздничное поведение, а также шутки, проказы и игры, известные лишь в некоторых локальных традициях.

В праздновании Пятидесятницы у разных религиозных и территориальных групп немцев одновременно проявлялись как локальные особенности, свойствен-

ные конкретной группе [7, с. 65–72; 2, с. 160–164], так и общенемецкие черты [17, с. 1685–1690; 1, с. 67]. К общим чертам, характерным для всех немцев Урала и наиболее близким немецким традициям других регионов, следует отнести бытование единого хрононима [11, с. 29; 4, с. 592] и обычаи украшения жилища деревьями, ветвями и травой [17, с. 1685–1686; 4, с. 592].

Другие обычаи Пятидесятницы характеризуют лишь отдельные группы немцев Урала [2, с. 160–164]. Развернутые обрядовые действия с травой и березовым деревом, проведение праздничных гуляний, игры, комплекс поминальной обрядности этого празднично-обрядового цикла демонстрирует волынская группа немцев-лютеран Пермского края и Башкортостана. Для католической и лютеранской традиций Беляевского и Соль-Илецкого районов Оренбургской области были характерны установка майского деревца, разные обычаи с неженатой молодежью. Для меннонитской традиции было типично совершение религиозных предписаний праздника, проведение молитвенных собраний и совершения молитвы, в меньшей степени меннонитская традиция сохранила народные обычаи, даже украшения до-

мов ветвями деревьев и травой здесь встречается эпизодически.

В целом, основные обрядовые комплексы Пятидесятницы связаны с хозяйственной деятельностью и идеей благополучия. В праздновании Пятидесятницы проявляется очистительная, апотропейная и продуцирующая символика.

Список сокращений:

ОО – Оренбургская область

ПК – Пермский край

ЧО – Челябинская область

РБ – Республика Башкортостан

ПМ – Полевые материалы

Полевые материалы получены во время этнографических исследований, проведенных в немецких поселениях: Октябрьского и Чернушинского районов Пермского края в период 2004–2007 гг.; Благоварского, Альшеевского, Давлекановского и Стерлитамакского районов в период 2009–2012 гг.; Октябрьского района Челябинской области 2011 г.; Соль-Илецкого, Переволоцкого, Акбулакского, Александровского, Беляевского и Красногвардейского районов в период 2009–2012 гг. Материалы хранятся в личном архиве автора.

Библиографический список

1. Брюхнова Е.А. Календарная обрядность у немцев в XIX – начале XX вв. Весенний цикл. – М.: Готика, 1998. – 122 с.
2. Вайман Д.И. Черных А.В. Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура в XX – начале XXI в. – СПб.: изд-во «Маматов», 2008. – 224 с.
3. Григорьев Д.В. Немцы Башкортостана в конце XIX–XX вв. – Уфа: изд-во Башкирского ун-та, 2002. – 128 с.
4. История и этнография немцев в Сибири. – Омск: изд-во ОГИК музея, 2009. – 752 с.
5. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: XIX – начало XX в. Весенние праздники. – М.: Наука, 1977. – 356 с.
6. Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: изд-во «Маматов», 2009. – 304 с.
7. Рублевская С.А. Календарная обрядность немцев Западной Сибири конца XIX – XX вв. – М.: Готика, 2000. – 136 с.
8. Рублевская С.А., Смирнова Т.Б. Традиционная обрядность немцев Сибири / под ред. Н.А. Томилова – Омск: изд-во ОмГПУ, 1998. – 154 с.
9. Смирнова Т.Б. Этнография российских немцев. – М.: МСНК-пресс, 2012. – 316 с.
10. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 287 с.
11. Томан И.Б. Венки праздников: традиции немецких крестьян в России. – М.: Готика, 1997. – 48 с.
12. Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Часть I. Весна, лето, осень. – Пермь: изд-во «Пушка», 2006. – 368 с.
13. Черных А.В., Голева Т.Г., Шевырин С.А. Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. – СПб.: изд-во «Маматов», 2010. – 244 с.

14. Bohler R. Feiertage bei uns Daheim // Heimatbuch, 1956. – 122 s.
15. Göttert K.-H. Alle unsere Feste: ihre Herkunft und Bedeutung. – Stuttgart: Reclam, 2007. – 279 s.
16. Granzow K. Sie wussten die Feste zu feiern. Pommersches Brauche. – Leer: Verlag Gerhard Rautenberg, 1982. – 240 s.
17. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Band VI. Hrsg. von E. Hoffmann-Krayer. Berlin/ Leipzig: de Gruyter 1934/35. – 1728 s.
18. Kagarow E. Materialien zur Volkskunde der Wolgadeutschen // Zeitschrift für Volkskunde. – Berlin und Leipzig: Walter de Gruyter & Co, 1932.
19. Küster J. Wörterbuch der Feste und Bräuche im Jahreslauf. Eine Einführung in den Festkalender. – Freiburg i. Br.: Herder, 1985. – 235 s.
20. Meinh H. Der Maibaum: Geschichte und Geschichten um ein beliebtes Brauchtum. – Dachau: Verl.-Anst. Bayerland, 1991. – 132 s.
21. Rattelmüller P. Bairisches Brauchtum im Jahreslauf vom Nikolo bis Kathrein. – München: Süddeutscher Verlag, 1985. – 317 s.
22. Sinnner P. Volksleben der Wolgadeutschen // Das neue Russland. – 1926. – № 1. – S. 11–12.
23. Bedeutung und Brauchtum zu Pfingsten in Deutschland [электронный ресурс]: <http://www.pfingsten-info.de/>.
24. Maibaum / Pfälzisches Wörterbuch [электронный ресурс]: <http://woerterbuchnetz.de/PfWB/?sigle=PfWB&mode=Vernetzung&lemid=PM00248>.
25. Pfingstbaum / Pfälzisches Wörterbuch [электронный ресурс]: <http://woerterbuchnetz.de/PfWB/?sigle=PfWB&mode=Vernetzung&lemid=PB02940>.
26. Pfingstweide / Pfälzisches Wörterbuch [электронный ресурс]: <http://woerterbuchnetz.de/PfWB/?sigle=PfWB&mode=Vernetzung&lemid=PS03170>.
27. Пятидесятница [электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/5452/.
28. Немцы на Алтае: этническая история и культура [электронный ресурс]: http://newasp.omskreg.ru/alt_nem/kalen.html.

FESTS AND RITES OF PENTECOST IN CALENDAR TRADITION OF THE URAL GERMAN

D.I. Vayman

The article, based on the field ethnographic research, held among German inhabitants of the Permiskii Krai, the Republic of Bashkortostan and Orenburg and Chelyabinsk Oblast, is devoted to the rite complex of the spring-summer period of the Ural German inhabitants (fests and rites of Pentecost distinguishing its common and local peculiarity).

The article distinguishes the rite of using birch saplings and branches as a decoration element in a house as well as other plants and trees in different groups of German inhabitants in the Ural. Furthermore, the article examines beliefs about festive time including prohibitions and orders that should be followed. Other rite complexes such as jokes and tricks and other forms of festive behavior which distinguish the fest (youth outings, games and fun) are also examined and uncovered. The article pays much attention to the tradition of May tree placing which foregoes the pre-wedding period in the structure of a calendar year of German inhabitants. The study of rite complex of Pentecost fest is done in comparison with common German traditions and rites characterizing other groups of Russian Germans and local peculiarities of each confessional and regional group of the Ural Germans.

Keywords: ethnography of Russian Germans; Ural Germans; traditional culture; calendar fests and rites.

Сведения об авторе

Вайман Дмитрий Игоревич, научный сотрудник, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГПУ), 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24; e-mail: dmitrii-vaiman@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30.09.2013 г.

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ КАК СИСТЕМА И ИЕРАРХИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

М.В. Назукина,
*Отдел по исследованию
политических институтов и
процессов ПИЦ УрО РАН*

О.Б. Подвинцев,
*Отдел по исследованию
политических институтов и
процессов ПИЦ УрО РАН*

Анализируется система территориальных идентичностей в современной России. Определены ее основные структурные элементы: национальный, макрорегиональные, региональные и локальные идентичности. Территориальная идентичность рассматривается как значимое основание для существования сообществ и важный фактор позитивного развития территории.

Ключевые слова: *идентичность, политическая идентичность, территориальная идентичность, регионализм, макрорегиональная идентичность, региональная идентичность, локальная идентичность.*

Растущий интерес общественных наук к исследованию идентичностей, с нашей точки зрения, отражает специфику современного этапа развития обществознания, дальнейшее продвижение на пути изучения социальной реальности такой, какая она есть на самом деле, а не такой, какой должна быть, по чьему-либо мнению. В пользу этого говорят два обстоятельства. Во-первых, границы социальной группы, определяемой с помощью понятия «идентичность», могут быть гораздо более четко определены, чем границы классических категорий общественных наук, таких как «класс», «элита», «массы», «нация» и т.д. Во-вторых, речь идет не о группах, выделяемых и «достраиваемых», прежде всего, самими исследователями, а о конструируемых внутри общества самими его членами. И в том, и в другом отношении «идентичность» можно поставить в один ряд с такими понятиями, как

«гендер» или «этнос», при этом оно оказывается более универсальным.

Психолог Э. Эриксон ввел в научный оборот понятие «идентичность» более полувека назад. Однако изучение данного концепта в социальных науках актуализируется лишь в 1980-е годы и связано с нарастанием темпов глобализации, довольно остро поставивших проблему единства политического пространства. На различных уровнях административно-территориальной и пространственной самоорганизации населения складываются различные матрицы идентичностей, иногда стихийно, а чаще целенаправленно конструируются социальные группы, локализованные в конкретном пространстве (стране, регионе, городе и т.д.). В этом контексте все более значимой становится проблема размытия ключевой идентичности для единого политического сообщества – национальной (государственной). Как нельзя бо-

лее значима она для России, где в условиях продолжающегося в масштабах страны «кризиса идентичности» активно проходят процессы регионализации и локализации – идет стихийный процесс конструирования территориальных идентичностей.

Вместе с тем продолжается дискуссия среди специалистов вокруг сути концепта. Ведь ответить на вопрос «что такое идентичность?» можно различным образом. Не случайно критики указывают на крайнюю неясность термина, которая заключается в разнообразиях его трактовок [2]. В идентичность оказываются включенными такие понятия, как тождественность, самость, групповость, социальная локализация, менталитет и др.

П. Рикер отмечает, что есть два латинских слова, которые участвовали в образовании слова «идентичность» – «idem» и «ipse» [6]. Соответственно, в концепте «идентичность» произошло наложение друг на друга двух разных значений. «Idem» – это синоним «в высшей степени сходного», «аналогичного», «того же самого». Такая трактовка идентичности встречается в подавляющем большинстве толковых словарей. Однако для социальных наук более значимым оказывается второе значение термина, в смысле «ipse», когда термин «идентичный» связывается с понятием «самости» (ipseite), селф (self), «себя самого». Человек обретает свою «самость», и она может изменяться далее в течение жизни. При этом у каждого индивида его «самость» есть сложная система соотношения себя с различными общностями, принадлежности каждой из которой придается разное значение.

Помимо разных оснований (тождественности и самости), в науке сложились различные подходы к интерпретации сущности идентичности. Одни авторы ставят на описание ценностных и ментальных характеристик, оформляющих границы «нас» от «других». Другие делают упор на практики «производства», «конструирования», «изобретения» идентичности. Методологические вариации и содержательная широта демонстрируют глубину концепта, его возможности и

объяснительный потенциал для понимания мотивации социального и политического поведения. Отсюда очевидный практический эффект изучения идентичности, ее значение для устойчивого общественного развития.

Как представляется, краеугольным камнем концепта идентичности является понятие самости. Оно фиксирует не только оформление признаков принадлежности к «своим», но одновременно различий, отделяющих «своих» от «чужих». Поскольку признается изменчивость самости, становится возможным рассматривать не только внутренние структурные элементы идентичности (ценности, символы, мифы и пр.) и внешние ее проявления, но также и поднимать вопрос «как она формируется?». Таким образом, идентичность приобретает процессуальное измерение.

На наш взгляд, идентичности – это не застывший набор признаков и свойств индивида или группы, демонстрирующих его/их самость, а процесс или практика выработки коллективных смыслов, наполняющих значением качества данной самости. Иными словами идентичность – это постоянные процессы идентификации, самопонимания, конструирования значений самости (вариантов ответа на вопрос «кто мы»), которые соперничают между собой и каждая из которых потенциально может стать доминирующей в идентификационной матрице индивида или группы. В основе идентичности могут лежать самые разные показатели общности – антропологические особенности, совместная территория проживания, историческое прошлое, религия, профессия, принадлежность к корпорации, общественный статус, уровень и специфика полученного образования и т.д. Любое основание идентификации может сознательно акцентироваться под воздействием субъектов политического процесса и приобретать политическое качество.

Одним из оснований, на базе которых становится возможным появление политических идентичностей, является пространство, ограничивающее сообщества друг от друга, т.е. территория их существ-

вования. Вопрос о важности территориальной идентификации для человека неоднократно поднимался в научной литературе. Исследования фиксировали, что, помогая ответить на вопрос «к чему я принадлежу?», она позволяет индивиду ощущать себя частью общности, выступает объединяющим коллективностью фактором [5]. Так, Бенедикт Андерсон отмечает, что формирование идентичности возможно лишь в пределах четких границ: за пределами даже самых крупных из них должны находиться другие сообщества [1]. При этом границы могут как совпадать, так и отличаться от административно-территориальных.

Именно территория становится той площадкой, в рамках которой возникает поле политики, поскольку она оформляет рамки социального взаимодействия и пределы власти. Более того, территория и сосуществующее в ее рамках сообщество служат основой формирования системы коммуникаций между людьми и, как следствие, – общего мироощущения и чувства единства, предполагающего общую идентичность. Следовательно, сам по себе факт проживания на одной территории в границах властно установленных административных единиц (государстве, регионе, городе или поселке) может стать либо фактором (благодаря которому усиливается различие себя по религиозному, этническому принципу), либо основанием для выдвижения территориальности на передний план идентификационной матрицы сообщества. Большинству индивидов в современных условиях свойственна множественность, в т.ч. и территориальных идентификаций, выстроенных в определенную иерархию. Верховенство в

ней в каждом конкретном случае может принадлежать различным территориальным уровням (таблица).

Территориальная политическая идентичность в современной России сопряжена с этнической и метаэтнической (различные части страны входят в славянский, угро-финский, тюркский и некоторые другие подобные «миры»), конфессиональной (православный, исламский, буддистский «миры»), исторически наследуемой (ощущение себя частью «постсоветского пространства») и т.д. Каждому из этих сопряжений на уровне индивида или группы также может придаваться различное значение.

В последние десятилетия усиливается значение наиболее приближенных к человеку уровней пространственной организации совместного существования – мезо- (регионального) и микро- (локального) уровней. Данные закономерности справедливы и для России, где 1990-е годы ознаменовались стихийной регионализацией и усилением региональной самостоятельности. При этом становление новой государственной идентичности происходило значительно медленнее и слабее (доказательством чего может служить сдержанное восприятие обществом большинства новых традиций, ритуалов, символов, праздников, генерируемых и внедряемых федеральной властью). В значительной степени это компенсировалось прочными позициями в новой России «постсоветской» идентичности. Однако с течением времени она стала неизбежно размываться.

Подобные общественно-политические трансформации по-новому ставят проблему единства политического пространства и политической идентичности, поскольку

Структура территориальной политической идентичности и ее типы в современной России

Уровни идентификации	Типы идентификации	Примеры
Наднациональный	Геополитический, географический	Европейская, евразийская идентичности
Национальный	Государственный или гражданско-политический	Российская идентичность
Субнациональный	Макрорегиональный	Уральская, Сибирская идентичности
Уровень субъекта страны	Региональный	Свердловская, Татарстанская идентичности
Локальный	Городской, местный	Нижнетагильская, Кунгурская идентичности

множится не только многообразие вариаций для определения человека в вопросе «кто есть я, мы», но и появляются новые очаги напряженности и конфликтности, проходящие по уровню территориальной идентичности.

С начала 2000-х годов регионы стали объектом реформы федеративных отношений, что заставило исследователей говорить о рецентрализации, переосмыслении роли субъектов и оценке пределов региональной самостоятельности. Вместе с тем можно отметить, что параллельно с централизацией «сверху вниз» в России наблюдается «новая» регионализация, которая происходит не столько на административно-территориальной, сколько на культурной и экономической основе. Сегодня федеральный Центр всячески стимулирует региональную конкуренцию, начиная от оценки эффективности деятельности региональных властей, которая не может не выражаться в поиске дополнительных ресурсных оснований для маркирования региональных достижений, и заканчивая стимулированием к стратегическому планированию в региональном развитии. Кроме того, само существование общих смыслов и символов, разделяемых региональными сообществами, оформленных не только административными границами, но и историческими, географическими, экономическими и прочими связями, приводит распространности практик конструирования региональной уникальности в качестве инструментов, усиливающих потенциал коллективного действия в регионах. Идентификация с территорией становится инструментом социально-политической мобилизации, и осознание важности этого политического ресурса происходит повсеместно и весьма активно.

Первым вариантом проявления территориальной идентичности в России можно считать макрорегиональный уровень, который занимает промежуточное положение между региональным и национальным. Его оформляют либо сложившиеся исторически границы сообществ (Урал, Дальний Восток, Русский Север и т.д.),

либо границы, оформляющие объединение регионов в единое пространство (например, идентичности, складывающиеся в рамках федеральных округов РФ).

Существование федеральных округов является примером институционального типа в создании регионов. Под таким углом зрения любая региональная политика, обладающая необходимыми институтами и собственным политическим статусом, может найти выход в идентификации и соотнесении с ними. Обычно региональная идентичность здесь складывается как производная от деятельности политического института или как следствие принятых в федеральном центре решений.

Между тем, существенным ограничением такого определения является не учет других критериев возможного определения региона, таких как, например, географические особенности или экономические формы территориальной взаимозависимости, способных в ряде случаев стать более значимым фактором при определении собственной принадлежности, чем зафиксированный в паспорте в графе «место рождения» или «прописка» субъект. Административные границы территории отходят на второй план, становятся ментальным символическим конструктом. Регион в данном смысле понимается как территориальное пространство, отделяемое от прочих сложившимися границами, системами коммуникаций между людьми и общей для них культурной памятью и «картиной мира».

Макрорегиональная идентичность, основанная на естественном структурировании пространства, складывается, если региональное сообщество, являющееся ее носителем, имеет общую «картину мира», сформировавшуюся исторически. Характер колонизации территории российского государства, а также совокупность природных и географических факторов сформировали на карте страны регионы – суперсубъекты. К таковым относятся Дальний Восток, Сибирь, Урал, Поволжье, исторический Европейский Центр, Русский Север, Северный Кавказ.

В каждом их перечисленных макроре-

гионов можно обнаружить ядро, оформляющее основу его самости:

– Дальний Восток оформляют объективное географическое местонахождение, оторванность от Центра, геополитический статус и размер этой, «гигантской», части российского государства.

– Сибирь, будучи переселенческим и ссыльным краем, замкнутой от Европейской части России в связи с удаленностью и отличающимися природно-климатическими условиями, сформирована «сибирским характером», сохраняющимся духом освоения новых земель. Ключевыми личностными чертами «типичного сибиряка», по мнению тех, кто идентифицирует себя подобным образом, являются фиксируемые в опросах такие характеристики, как выносливость, упорство, честность, благожелательность, искренность, прямота, расовая непредубежденность, демократизм и др. [7].

– Основу уральского макрорегиона составляет экономический дискурс. Наличие огромных ресурсов, мощного промышленного потенциала неразрывно связано с Уралом. Общая стратегическая (индустриальная) роль в общей системе государства формируют уральскую особость. Другая, дополнительная, но важная черта уральской самости обусловлена тем, что на протяжении долгого исторического времени Урал представляет собой «промежуточную и соединяющую территорию», «перевал» на пути между обжитым «историческим ядром» России и переселенческими сибирскими просторами.

– Поволжье оформляется соединяющей эти территории волжской осью и особенностью наличия здесь достаточно сильной автохтонной национальной компоненты (национальных республик).

– Европейский Центр связывается историческим дискурсом. Это «историческое ядро» государства, которое выполняет прежде всего ментальные и статичные функции.

– Русский Север образует совокупность географических и природных оснований (Север, Арктика), а также национальных (коренные малочисленные наро-

ды Севера), но доминирующим является альтернативная трактовка исторических особенностей («подлинная», «настоящая», «другая» Россия).

– Уникальность Северного Кавказа, связана с географическими и этнокультурными особенностями (полиэтничность и религиозный синкретизм) территории.

Безусловно, перечисленные выше основания макрорегиональных идентичностей имеют свои дополнения и различия, выявляемые при обращении к составляющим их субъектам. Однако во многих случаях принадлежность к макрорегиону может объяснить мотивы, конструирующие региональную идентичность (уровня субъекта РФ), являющуюся доминирующим проявлением территориальной идентичности.

Региональная идентичность связана с утверждением в системе самоидентификации человека особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории. Речь идет как о принадлежности к группе (региональному сообществу), которое выстраивается на общих социокультурных основаниях, так и о фиксации соотнесенности с пространством («землей») как значимой при определении «кто есть мы» [4].

Каждый из российских регионов представляет собой уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и наборе дискурсивных практик, конституирующих региональную самость. Обращение к опыту российских регионов показывает также, что в одних регионах активно осуществляется политика по конструированию региональной идентичности, а где-то региональная «самость» развивается преимущественно стихийно.

Вместе с тем проблема региональных идентичностей не ограничивается политическим качеством: помимо идентичностей, складывающихся в границах, установленных политически, существуют и ареальные идентичности, служащие естественным способом самоорганизации общества в пространстве.

Можно предложить конкретные показатели, которые позволяют измерить «си-

лу» региональной идентичности:

1) преобладающая модель самоопределения в территориальном сообществе или место территориального маркера среди прочих маркеров идентичности (например, национального, профессионального, социального и пр.), а также отождествление себя, в первую очередь, как «жителя своего региона (республики, края, области)»;

2) отношение к месту (по шкале положительное – отрицательное) и внутренний портрет сообщества своей уникальности (природно-географические, историко-культурные, социально-экономические, политические особенности образа региона);

3) институциональная идентификация или укорененность сообщества: высокий или низкий уровень доверия к региональным институтам власти, преобладающее миграционное сальдо;

4) номенализация сообщества или наличие имени региона, а также транслирование этого имени на название им себя (к примеру, Вятка – вятчи) и конфликт или согласие сообщества и наличие альтернативных имен-названий региона;

5) позиционирование особенности региона (наличие политики идентичности), проявляемое в следующих характеристиках:

– наличие/отсутствие официальной символики (герб, флаг, гимн), «визитной карточки», неофициальных символов – ключевых сувениров региона, мифологем о регионе (традиции, легенды, фольклор);

– определение ключевого символа особенности региона (наличие конкурсов «7 чудес региона», «символ региона», «имя региона», «гордость региона», участие в проекте «7 чудес России», общественный резонанс и интенсивность регионального дискурса особенности во время данных конкурсов);

– брендинг в региональной политике:

1) в туризме (туристическая привлекательность), 2) инвестиционной привлекательности (наличие программ по инвестиционной политике, крупных бизнес событий – форумов, спортивных мероприятий и пр.), 3) в торговых марках и названиях продук-

тов производства в регионе, 4) наличие персонифицированных брендов (выдающихся лидеров региона – «культурные герои» региона, звезды спорта, эстрады);

– претензия на статусность (столичность, центральность и пр.) и наличие региональных амбиций, подкрепленных реализацией крупного федерального проекта на территории региона;

– реакция на проводимую политику по конструированию уникальности в самом сообществе и степень включения общест-венности в данный процесс.

Результатом рефлексии о самости должны стать маркеры идентичности: территориальные символы и объекты гордости, ритуальные практики, благодаря которым становится возможным ощутить коллективную солидарность регионального сообщества.

Иерархию территориальных идентичностей в России продолжает наиболее приближенный уровень пространственной организации жизни сообщества, называемый локальным (уровень города, района, поселения). Локальная идентичность основана на понятии «малая родина» и может быть определена как совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений, которыми наделяется важное для самоопределения человека место [3]. На психологическом уровне она может также проявляется в нежелании менять место жительства, любви к «малой родине», распространенности выражений «это моя родина – плохая или хорошая, но моя», «здесь живут мои родственники и жили мои предки» и др.

Именно имя города часто становится ключевым маркером при ответе на вопрос «кто мы?». Для достижения целей своего развития локальное сообщество не замыкается на использовании только символических ресурсов своей территории, а включается в региональные и шире – международные сети.

Актеры региональной и городской политики осознают потенциал территориальной идентичности и используют имиджевую политику и брендинг как ресурс развития своих территорий. Использо-

мые символические стратегии с опорой на человеческий капитал позволяют развивать туризм, совершенствовать инфраструктуру города и, как следствие, улучшать социальное самочувствие жителей, усиливая региональную идентификацию.

Безусловно, основной практический эффект, который могут дать и дают исследования региональных и локальных идентичностей в современной России связан с определением и корректировкой стратегий развития территорий, поиском путей повышения их инвестиционной привлекательности, консолидацией местных сообществ. Однако стоит принимать также во внимание, что именно спайка и взаимопроникновение различных идентичностей, их совместимость и соотносимость между

собой определяют степень устойчивости каждого из больших социумов, именуемых словом «страна». К этому следует добавить, что среди общественных конфликтов, перетекающих в политическую плоскость, труднее всего поддаются урегулированию те, в основе которых лежит не столкновение интересов или ценностей, а возникшее противостояние идентичностей. В таких конфликтах, где каждая из сторон противостоит другой просто потому, что «мы – это мы, а они – это они», на них не действуют рациональные аргументы и они менее всего настроены на достижение компромисса. Профилактика «конфликтов идентичностей» окажется более эффективной, если будет иметь под собой научную основу.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001. – С. 35.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 74.
3. *Назукина М.В.* Локальная идентичность // Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий (отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 208 с.) / Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – С. 140–143.
4. *Назукина М.В.* Региональная идентичность // Там же. – С. 143–147.
5. *Орачева О.И.* Региональная идентичность: миф или реальность // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М., 1999. – С. 36.
6. *Рикер П.* Повествовательная идентичность. – М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.allru.net/perv234.html> (дата обращения: 16.04.2013).
7. *Сверкунова Н.В.* Феномен сибиряка // Социологические исследования. – 1996. – № 8. – С. 92.

RUSSIAN FEDERATION AS A SYSTEM AND HIERARCHY OF IDENTITIES

M.V. Nazukina, O.B. Podvintsev

The paper analyzes the system of territorial identities in modern Russia. It defines its basic structural elements: national, macroregional, regional and local identities. Territorial identity is seen as a significant reason for the existence of communities and an important factor in the positive development of the territory.

Keywords: political identity, territorial identity, regionalism, macroregional identity, regional identity, local identity.

Сведения об авторах

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник, Отдел по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина 13А; e-mail: nazukina@mail.ru

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, заведующий отделом, Отдел по исследованию политических институтов и процессов ПНЦ УрО РАН, 614990, г. Пермь, ул. Ленина 13А; e-mail: , ipl_perm@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.04.2013 г.

АНГЛИЙСКИЕ АББРЕВИАТУРЫ-НЕОЛОГИЗМЫ: ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАПИСАНИЯ

Н.К. Иванова,
Ивановский государственный
химико-технологический
университет

На материале словарей неологизмов анализируются характерные особенности образования и написания английских сокращений различного типа (буквенные аббревиатуры, акронимы, слова-слитки и др.). «Аббревиатурный взрыв», характерный для современного английского языка, рассматривается как проявление закона экономии усилий, одного из важнейших в развитии языка. Прослеживается связь между изменением написания слова и его произношением. Устанавливаются и описываются наиболее типичные модели, особенности употребления в аббревиатурах-неологизмах заглавных и строчных букв, логограмм.

Ключевые слова: неологизмы, словари новых слов, аббревиатуры, структурно-семантические характеристики, орфография, произношение, модели.

Закон экономии усилий, являющийся одним из самых важных в языковом развитии, обуславливает постоянный процесс «конденсирования» средств выражения, появление различного рода сокращений. Словосочетания, употребляемые в виде инициальных сокращений, сокращенные слова (по принципу апокопы и аферезиса), сокращенные фразы и т.д. представляют значительный теоретический и практический интерес, требуют лексикографирования и нормирования.

В англоязычной лексикографии существует целый ряд специальных словарей сокращений [16], однако первоначально новые сокращения включаются в списки новых слов, а затем в словари неологизмов.

В данной статье на материале трех словарей неологизмов (одного традиционного (LRNW) [9], и двух электронных, постоян-

но пополняемых: Word Spy [14] и RUND [13] будут рассмотрены основные механизмы аббревиации, ее типы, конкретно-языковые черты, особенности графики и орфографии сокращений. Это позволит проследить взаимосвязь между написанием слова и его произношением, выявить устойчивые черты вариантности новых написаний.

По данным ряда исследователей [2, 3], **апокопа**, то есть усечение конца слова, – самый часто встречающийся тип сокращения слов. Это подтверждается и нашими данными. Наиболее продуктивным способом является просто отсечение части слова, особенно если в состав полной основы входит графема <o>: **info**, **memo**, **steno**, **aristo** (aristocracy), **enviro** (environment), etc. Такие сокращенные слова могут употребляться как самостоятельно, так и входить в состав сложного

слова, часто соединяясь с ним через дефис: **aristo-pop**, **techno-babble**, etc.

Иногда в сокращениях, созданных по аналогии с этими словами, <o> добавляется, выполняя, таким образом, функцию окончания. Например, **Afro**, **duo** (duet), **muso** (musician), **ambo** (ambulance), etc. Эти примеры указывают на интересное явление в графике современного английского языка: увеличение частоты применения и расширение функций графемы <o>, ранее имевшей на конце слов весьма ограниченную дистрибуцию.

Морфология английских слов позволяет производить такой вид апокопы, когда слово завершается на согласный: **teen** (teenager), **narc** (narcotics), **comms** (communication), **urb** (urban), **to bach** (глагол, образованный посредством обратного образования от существительного bachelor) и др.

Афферезис (усечение начала слова) также имеет место при образовании неологизмов: **graph** (spectrograph), **copter** (helicopter), **burger** (hamburger), **thuse** (enthuse) и др., но встречается реже.

Для нас наибольший интерес представляют такие неологизмы-сокращения, в которых меняется орфография. Упрощение орфографии делает более «прозрачным» соотношение графема-фонема, однозначно указывая на произношение слова. Например: **biz** (business), **nabe** (neighbourhood), **teck** (technical college).

Апокопа и афферезис активно используются в английском словообразовании и при формировании особого вида слов, которые называются по-английски **blends** (выделяют их несколько разновидностей), а по-русски – сложносокращенные слова, или *слова-слитки*, телескопические образования.

Модели их образования достаточно подробно описаны в лингвистической литературе [2, 3, 8, 11]. Наш анализ словарных материалов показал, что среди английских неологизмов достаточно много слов-слитков, и это является в настоящее время характерной тенденцией. С точки зрения орфографии и графики привлекает

внимание их слитное или полуслитное написание, а также использование строчных и прописных букв в некоторых случаях. Так, в словаре Word Spy мы нашли более 300 единиц, являющихся словами-слитками (около 40 % словника). Например: с афферезисом слова *aristocracy*: **adhocracy**, **ineptocracy**, **corpocracy**, **thugocracy**, **xerocracy**, а также **do-ocracy** / **doocracy** (авг. 2012 г.); с апокопой первого элемента и афферезисом второго слова *advertisement*: **advergame**, **advermation**, **advertecture**, **advertorial**. К словам-слиткам относятся такие неологизмы, как *affluenza*, *agflation*, *anecdota*, *apitherapy*, *bleachorexia*, *banalyst*, *barkitecture*, *bridezilla*, *broccoflower*, *bullycide*, *bussinesscrat*, *cablinasian*, *charticle*, *Chrismukkah*, *churnalism*, *digitalia*, *diabesity*, *edubabble*, *foodoir*, *fampool*, *gastronaut*, *landscaper*, *maffluent*, *mathlete*, *muvioke*, *newater* (NEWater), *Oprahization*, *pubilect*, etc.

Подобные сложносокращенные слова-слитки составляют около 80 % всех сокращений, представленных в словаре Word Spy. Это позволяет сделать вывод, что в настоящее время именно они являются наиболее распространенным видом сокращений. При этом модели, которые будут описаны ниже, отличаются большим разнообразием.

Как показывают словари неологизмов, по принципу апокопы могут образовываться и сложные слова, имеющие в своем составе префикс: **co-ed**, **ex-pat**, **non-pro** (non-professional), **detox**, etc.

В некоторых сложносокращенных сочетаниях слов заглавные буквы выполняют дифференцирующую функцию. Например (Word Spy):

SoLoMo

n. Mobile phone apps that combine social networking and location data. [*Social + location* (or *local*) + *mobile*.]

Ср.: TINO

A U.S. political candidate who runs for office under the Tea Party banner, but who subscribes to few of the party's positions (инициальная аббревиатура: Tea in Name Only).

TiNo

v. To not watch a TV show saved on a TiVo or other personal video recorder. —n. An unwatched show saved on a TiVo or other PVR. [Blend of *TiVo* and *no*.]

Еще один вид подобного вида сокращений – сложные слова с усечением слова **electronic** до первой буквы. Количество таких слов постоянно растет, а графика, по мере их распространения в английском и других языках, меняется. Так, в словаре LRNW (1989) присутствуют аббревиатуры **E-fit** (Electronic Facial Identification Technique), **E-free** (food without additives, especial artificial preservatives), а также **E** (*slang*) – ecstasy. Однако позднее в новых словах с элементом *electronic* утвердилось написание со строчной буквы через дефис: **e-mail**, **e-business**, **e-learning**, **e-finance**, **e-journal**, **e-money**, **e-cash**, etc. Обращает на себя внимание современное написание первого слова. Его чрезвычайно высокая распространенность обусловила «потерю» дефиса. Так, словарь MEDAL (2 изд., 2007) приводит в качестве основного вариант **email**. Заметим, в русскоязычной практике повсеместно утвердилось написание с дефисом **e-mail**.

Словарь Word Spy приводит 15 входных единиц, начинающихся с e-: **e-signature**, **e-mentor**, **e-print**, **e-wallet**, **e-thrombosis**, **e-fence**, etc. Некоторые из приведенных слов имеют и второй вариант написания – слитный, что подтверждает тенденцию, отмеченную на примере слова **email**.

Интересными примерами являются неологизмы с буквой t:

T-shirt-able

(tee-SHURT.uh.bul) *adj.* Relating to something that lends itself to being printed as a slogan or logo on a T-shirt. Also: **T-shirtable** (2003).

T-shaped

(TEE-shaypt) *adj.* Having skills and knowledge that are both deep and broad (2003).

type T personality

n. A personality type that regularly seeks

out thrilling or dangerous experiences (2002).

Кроме того, по этой модели могут образовываться новые слова с буквой **i** (**i-biology** – биологические исследования с применением информационных технологий; **i-dotter** – аккуратный человек, внимательный к деталям, синоним t-crosser). Новый гаджет iPOD породил неологизм **iCrime** для обозначения нового явления – кражи этих устройств.

На основе материалов RUNWD можно также сделать вывод о том, что в современном письменном узусе все больше число отдельных букв входит в состав неологизмов-сленгизмов (**d-bag** – *arrogant and unpleasant person*; **D-ploma** – *a college degree that is acquired with minimal effort*; **L-joint** – *literal physical representation of 2 cigarette papers filled with marijuana*; **F-bomb** – синоним эвфемизма f-word; **F-bookin** – *Facebooking*, etc.). Обратим внимание, что в подобных новообразованиях часто применяется, с целью выделения и привлечения внимания к новому оттенку смысла, именно заглавная буква.

Модель «е-плюс слово» дополнена словами **e-voting**, **e-zine**, **e-love**, **e-pal**, **e-vite** (invitation via Internet).

Особенностью развития современного английского языка является появление в нем новых слов и выражений, которые не только придают понятиям, уже существующим в языке, экспрессивность (так называемые стилистические неологизмы, или экспрессивизмы [7], но и уточняют семантику слова, метафорически обыгрывая старое значение (e.g. **press the flesh** (handshaking), **own goal** (a harm or disadvantage to a doer, etc.)), подчеркивая новизну нового понятия. По этой причине в современном английском языке появляется большое количество словосочетаний-неологизмов, фразеологических неологизмов. Основные законы развития языка, в том числе закон экономии, обуславливают появление большого количества сокращений на основе новых словосочетаний.

Такие инициальные сокращения (IBN, EC, WTO, PIN, PINC, etc.) могут иметь алфавитное чтение (по названию входя-

щих в них букв), но могут читаться и как обычные слова. Анализ лексикографических источников и приведенных в них цитат показывает, что часто именно они меняют свою графику по мере вхождения в узус и нормативное словоупотребление: сначала пишутся с заглавной буквы, а затем – со строчной. Например, LRNW регистрирует их следующим образом:

Gerbil or GERBIL *noun* great education reform bill

lan or Lan *noun* local area network

Еще один возможный графический вариант – слитное или раздельное написание. Например, слово **Wi-Fi** имеет также написание **WiFi**, но не пишется пока, согласно словарю WordSpy, **wi-fi**, что можно увидеть в русскоязычных публикациях.

С 80-х годов XX века утвердилось написание без заглавных букв слова **yuppie** и всех его производных: **yuppiefy**, **yupiedom**, **yupification**, а также других новых слов, образованных по этой модели: **yeepie** (Youthful Energetic Elderly People Involved in Everything), **muppie** (Middle-aged Urban Professional Person), **woopie** (well-off older person), etc. [LDNW].

Заметим, что изменение графики этих слов не всегда учитывается в отечественной учебной и научной литературе: инициальные сокращения, давно ассимилированные английским языком, часто пишутся согласно их первоначальному варианту – с заглавной буквы.

Однако существует и группа неологизмов-акронимов, которые произносятся как обычные слова и имеют в английском языке слова-омонимы. Эта модель получила распространение в английском языке после Второй мировой войны, но «мода» на омоакронимию началась в конце XX века и продолжится до настоящего времени. Особенно часто омоакронимы встречаются в названиях организаций (NOW, STOP, WAY), болезней и синдромов (SAD, AIDS), компьютерной терминологии и виртуальной коммуникации (KIT, HAND, NOISE) и т.д. Как правило, в таких аббревиатурах все входящие в

них слова пишутся с заглавной буквы, но и у них возможны графические варианты. Подробно эта проблема рассмотрена в одной из работ Р.В. Кузьминой [4].

Преднамеренное образование омонимов-акронимов – особый процесс, отличающийся от других процессов аббревиации, да и от словообразовательных процессов вообще. В отличие от обычного инициального сокращения словосочетаний, которое может приводить к образованию омонимов лишь случайно, омонимы в этом случае создаются сознательно: для обозначения нового предмета или явления используется какое-либо слово языка, которое осмысливается как акроним и к которому создается соответствующий коррелят-словосочетание, характеризующее данное явление описательно. Так, система быстродействующего автоматического контрольно-проверочного оборудования получает наименование RACE (Rapid Automatic Check-up Equipment), омонимичное существительному *race* «гонки»; FIT (Facial Identification Technique), омонимичное существительному *fit* «подгонка, примерка»). Словарь Word Spy приводит такие омонимичные сокращения:

BANANA

(buh.NAN.uh) *acronym*. Build absolutely nothing anywhere near anyone. A person who is opposed to new real estate development, particularly projects close to their neighbourhood. – *adj.*

SPIN

adj. Relating to the dense cultivation of vegetables and other crops on small plots, particularly in urban settings. [From the phrase *Small Plot Intensive*.]

HENRY

n. A person with a substantial income, but who is not yet wealthy. [From the phrase *High Earner, Not Rich Yet*.]

NOISE

acronym. The adversaries and enemies of Microsoft: Netscape, Oracle, IBM, Sun, and Everyone else.

CHAOS

(KAY.aws) *acronym*. Can't have anyone

over syndrome; not inviting guests to one's house because it is too messy or uttered.

NOTE

(noht) *acronym*. Not over there, either. A person or attitude that opposes new real estate development in the local community and is not open to compromise on this issue [*nose on a chip notebook dump*].

Создатели подобных акронимов сознательно используют характерное свойство, подмеченное в практике функционирования в речи случайных акронимов-омонимов, – легкость запоминания и быстроту различения в потоке речи; и еще более усиливают это свойство, избирая в качестве базы для новых акронимов такие омонимичные слова, которые, как можно видеть из приведенных примеров, характеризуют тот или иной признак обозначаемого явления, похожи на антропоним (HENRY, GEORGE). Вследствие этого при данном виде омонимизации тенденция к экономии усилий и экспрессии речи проявляется особенно ярко. В отличие от обычных слов такие акронимы пишутся целиком заглавными буквами. Например:

SPIN

adj. Relating to the dense cultivation of vegetables and other crops on small plots, particularly in urban settings. [From the phrase *Small Plot Intensive*.]

spin (новое значение):

v. To convey information or cast another person's remarks or actions in a biased or slanted way so as to favorably influence public opinion; information provided in such a fashion.

Как отмечает А.И. Головня, «омонимия обычных слов английского языка изучена достаточно широко, а вот аббревиатурной омонимией и омонимией сокращений до сих пор почти не занимались» [1, с. 92]. В работе Л.В. Малаховского [6], обобщившей тридцатилетний период исследований омонимии и содержащей много интересных лингвистических наблюдений, об омонимии в аббревиации говорится очень бегло, приводятся лишь единичные примеры. А.И. Головня показала, что омонимия при сокраще-

нии слов английского языка затрагивает разные части речи и не так мала по объему и разнообразию структур, иллюстрируя это явление такими примерами: WAY – World Association of Youth (= way), WAS – Washington Academy of Sciences (= was), WHO – World Health Organization (= who), BAR – Browning Automatic Rifle (= bar), ACT – Australian Capital Territory (= act).

Все рассмотренные выше английские и русские примеры представляют собой *фонетико-графические* омонимы (слова, совпадающие по произношению и написанию, но имеющие различное значение). Р.В. Кузьминой были проанализированы пары графических омонимов или омографов (слов, совпадающих только по написанию) и рассмотрены их фонетические особенности [4, с. 215–218]. Источником для анализа произношения английских омографов послужил орфоэпический словарь LPD Дж. Уэллса (Longman Pronunciation Dictionary by J. Wells, 3 изд., 2005) [17]. Значения всех омографических единиц уточнялись по словарям новых слов и MEDAL (2007). Было установлено, что данный словарь в целом предоставляет подробные толкования значений слов, но «отстает» в регистрации омографов, особенно тех, которые образовались в языке в результате сокращения лексических единиц. Так, аббревиатуры *ere* от “here”, *path* от “pathology”, *thou* от “thousand”, *WAN*, *wan* от “wide area network” не приводятся в MEDAL, как и многие другие сокращения, о которых речь пойдет далее.

Многочисленные примеры омографов с их семантическими и фонетическими различиями свидетельствуют о том, что аббревиатурная омонимия – широко распространенное и, вместе с тем, сложное явление в английском языке, с которым необходимо знакомить тех, кто изучает английский язык как иностранный.

Быстрый темп современной жизни, развитие информационных технологий и коммуникаций, глобальное распространение «услуги обмена короткими сообще-

ниями» (SMS) между мобильными телефонами обусловили употребление большого количества сокращений и в электронной коммуникации. Именно употребление, а не появление: как было установлено, буквенные сокращения **c** (see), **u** (you), **RFD** (request for discussion), **RLF** (real life friend) и другие использовались еще в Викторианскую эпоху, в XVIII веке. Их возрождение в языке обусловили два важнейших жизненных фактора: время и деньги.

Несмотря на критические замечания со стороны некоторых сторонников чистоты английского языка и лексикографов-традиционалистов, уже в начале XXI в словари вошли акронимы, типичные для виртуальной коммуникации – **HAND** (have a nice day), **KISS** (keep it simple, stupid), **LOL**, **ИМНО** (in my humble opinion), получивший широкое распространение и в русскоязычной виртуальной коммуникации, **SWALK** – sealed with a loving kiss, **asap** (ASAP) – as soon as possible. Последний пример наглядно показывает, как неологизм-акроним ассимилируется в языке: постепенно он приобретает другой *графический вариант* и *меняет произношение* (вместо /eɪ es eɪ 'pi:/ произносится /'esəp/) etc.

Виртуальная коммуникация породила и еще одно явление – **TMST** – Text Message Shorthand Texting (TXTN). На англоязычных сайтах [www.netlingo.com] специалистами проводится четкое различие акронимии (инициального сокращения выражения, читаемого как одно слово по правилам графемно-фонемных соответствий в английском языке) и «текстовой стенографии» – своеобразного сокращения для экономии усилий и кодировки для непосвященных целых фраз. В текстинге буквы в сокращениях произносятся как в алфавите. Однако в практике виртуальной коммуникации, среди пользователей Сети, оба вида сокращений называются акронимами. Подобные сокращения стали настолько распространенными, что в Интернете создаются списки (малые, средние, большие), которые по-

стоянно пополняются энтузиастами. Приведем пример из **THE LARGEST LIST OF TEXT & CHAT ACRONYMS AND SMILEYS :-)** [16] на буквы К и Q – не самые часто употребляемые в английском языке.

KBD Keyboard
 kewl it means cool
 KFY -or- K4Y Kiss For You
 KHYF Know How You Feel
 KIA Killed In Action
 KIPPERS Kids In Parents' Pockets Eroding Retirement Savings
 KIR Keep It Real
 KISS Keep It Simple Stupid
 KIT Keep In Touch
 KK Kiss Kiss
 KMP Keep Me Posted
 KMUF Kiss Me You Fool
 KOK Knock
 KOTC Kiss On The Cheek
 KOTL Kiss On The Lips
 KPC Keeping Parents Clueless
 KS Kill Stealer
 KUTGW Keep Up The Good Work
 KWIM Know What I Mean?
 KWSTA Kiss With Serious Tongue Action
 KYFC Keep Your Fingers Crossed
 KYNC Keep Your Nose Clean
 KYSOTI Keep Your Stick On The Ice
 Q Queue -or- Question
 QC Quality Control
 QFT Quoted For Truth
 QL Quit Laughing
 QLS Reply
 QOTD Quote Of The Day
 QQ Quick Question -or- Cry More
 QS Quit Scrolling
 QT Cutie -or- Quiet
 QYB Quit Your Bitching

Несмотря на частоту применения, эти акронимы и сокращения обычно пишутся только заглавными буквами, поскольку выполняют в сообщениях и своеобразную экспрессивно-аттрактивную функцию.

Анализ всего списка (2012 единиц) показал, что и включенные в него выражения, несмотря на принадлежность к особому классу, обладают почти такими характеристиками, как обычные слова, а именно:

1) некоторые условно принятые сокращения имеют взаимозаменяемые графические варианты: **Y=U**, **C=S**; **bcuz**, **because**, **BC**, **Because**, **CUZ**; **4eva**, **forever**, **4ever**, **Foreve**;

2) омонимичны: **BD Big Deal – or – Baby Dance – or – Brain Drain; BHG Big Hearted Guy – or – Big Hearted G; CB Chat Brat – or – Coffee Break – or Call Back; BIL Brother-In-Law – or – Boss Is Listening;**

3) могут быть прочитаны и расшифрованы, если при этом участвуют известные явления разговорной речи (ассимиляция, элизия, редукция). Например: **FGDAI** Fuhgedaboutit (Forget About It); **CUZ** Because; **c ya** see ya (see you); **da** there; **dem** them; **dese** these; **dey** they; **dunno i** don't know; **HBU** How Bout You?; **govement**, government, guvmint, gumint (government), **wuz** was; **wuz4dina** What's for dinner?

Феномен **TXTN** породил, согласно закону аналогии, применение подобных акронимов и сокращений в языке политики, рекламы, шоу-бизнеса и т.д. Их легко можно обнаружить в различных англоязычных изданиях. Например: **RINO** – republicans in name only (*The Time*)

SOTU – the State of the Union (address) (*The Atlantic*)

GWOT – global war on terrorism (the Weekly Standard).

Само название особой орфографии и графики, применяемое в современной коммуникации (**TXTNG**), демонстрирует интересную особенность английского языка – возможность отсутствия в слове (условном акрониме) гласных, что не препятствует пониманию слова (ср.: **MSG**, **GITMO** (Guantanamo), **Xrds** (cross roads), **basn/BACN** (bacon)).

Обращает на себя внимание присутствие в этом списке значительного количества (100 единиц из 2012) особого вида сокращений, образующихся путем сочетания слова (или букв) и фонетически читаемого числительного. Новообразования типа **b4**, **gr8**, **2C**, **2go**, **4ever**, etc. давно перешли границы неформальной виртуальной коммуникации. Подобные сочетания можно встретить в названиях музыкальных групп (**U2**), фильмов («**2 Fast 2 Furious**», «**Lilya 4-Ever**»), в рекламе (**B2B**, **Back 2 School**), названиях фирм (**Q8**).

Word Spy включает интересный пример, который показывает, что не только цифра может заменять слово или его часть (**B4**), но и наоборот – вместо числительного **ten** может употребляться буква; сокращение **10K day** имеет вариант **tkday** (*n. A person's 10,000th day since birth*).

Приведенный ниже фрагмент списка показывает, что цифры могут использоваться не только в сочетании с буквами, но и самостоятельно – в качестве своеобразного цифрового года:

10Q thank you
121 One to one
1337 lite -or- leet -or- L337
143 I love you
1432 I Love You Too
14AA41 One for All and All for One
182 I hate you
19 0 hand
20 Location
2B or not 2B To Be Or Not To Be
2b@ To Be At
2BZ4UQT Too Busy For You Cutey
2G2B4G Too Good To Be Forgotten
2G2BT Too Good To Be True
2moro Tomorrow
2nite Tonight
2U2 To You Too
303 Mom
404 I haven't a clue
411 Information
459 I love you
4COL For Crying Out Loud
4EAE For Ever And Ever
4eva forever
4ever Forever
4NR Foreigner
511 Too much information
831 I Love You
86 Out of, over, to get rid of, or kicked out
9 Parent is watching
99 Parent is no longer watching

Примечательно, что кроме буквенных и цифровых символов в последнее время в текстовой орфографии стали активно применяться и другие знаки. Например:

::poof:: i'm gone
<3 heart
? I have a question
?^ hook up?
@+ At Plus

В теории письма такой вид смешанных (буквенно-цифровых) сокращений является логограммами. Распространение

этого явления в письменном узусе привлекло внимание лингвистов и обусловило появление посвященных ему публикаций, обсуждение в Сети. В 2008 году большой резонанс имела книга выдающегося современного лингвиста Д. Кристала с провокационным названием *TXTNG: The Gr8 Db8 (Texting: The Great Debate)* [10]. Основываясь на результатах различных исследований, он развенчивает распространенный миф о губительном влиянии языка SMS-сообщений на грамотность, навыки чтения и письма детей. В качестве доказательства приводятся факты, что только менее 10 % слов имеют сокращенную версию в тестовых посланиях; феномен аббревиации, обусловленный естественным развитием языка, давно имеет место в языковой практике.

На наш взгляд, важно, что известный лингвист обращает внимание на психолингвистический механизм написания логограмм: их создание предполагает знание нормативного спеллинга и является одним из видов полезных упражнений в чтении и письме, вовлекая широкие массы населения различного возраста в языковую деятельность. Добавим, что наше изучение подобного явления и эвристической семантики на материале русского языка показало, что у молодого поколения (*thumb generation*), растущего в эпоху информационно-коммуникативных технологий, развита способность к свободному переключению письменных кодов – официального и неофициального [5]. Д. Кристал также отмечает, что при выполнении учащимися домашних и экзаменационных работ подобные сокращения отсутствуют.

Повсеместное и бурное распространение акронимов во всех сферах деятельности обусловило необходимость их классификации, обобщения и списочного представления. Так, в Сети можно найти следующие списки:

- Terms for market segments
- Backronym
- Jargon
- List of reporting marks

- List of portmanteaux
- List of government and military acronyms
- List of Hebrew acronyms
- List of information technology acronyms
- List of medical abbreviations
- List of abbreviations in photography
- Wikipedia:List of all single-digit-single-letter combinations
- Wikipedia:List of all single-letter-single-digit combinations
- Wikipedia:List of all single-letter-double-digit combinations
- Wikipedia:TLAs

Интересно, что злоупотребление сокращениями побудило в блогосфере такое явление, также отмеченное акронимом (!), как AFA – *acronym free area* – запрет на употребление акронимов при переписке. С другой стороны, нераспознавание акронимов и неумение их расшифровать породило новый термин – **anacronym** – «Words such as radar and laser began life as acronyms, but now they're 'anacronyms' because few people can recall what their letters originally represented» [13]. Это новое слово фиксирует, таким образом, важное культурно-социальное явление: «аббревиатурный взрыв» привел к такому положению в языке, что для его носителей теряется связь с первоначальными элементами, на основе которых создаются различного рода сокращения.

Анализ аббревиатур-неологизмов, выполненный на материале различных словарей, показал, что по сравнению с концом 80-х годов XX века (словарь LRNW) количество подобных лексических единиц значительно увеличилось. Они широко представлены как среди неологизмов, встречающихся в СМИ (словарь Word Spy), так и в неофициальной письменной и устной коммуникации (словарь RUNWD), а новая лексикографическая практика позволяет оперативно регистрировать подобные неологизмы в электронных словарях и новых изданиях печатных словарей (MEDAL, LPD).

Библиографический список

1. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: монография. Минск: БГУ, 2007. – 132 с. [Электронный ресурс] URL:<http://www.bsu.by/main.aspx?guid=76481>
2. Дубенец Э.М. Лингвистические изменения в современном английском языке. – М.: Глосса-Пресс, 2003.
3. Заботкина В.И. Неологизмы в современном английском языке. – Калининград, 1982.
4. Кузьмина Р.В. Грамматические омонимы: фонетические и графические средства их различия // Изв. вузов. Сер. «Гуманитарные науки». – Иваново. – 2010. – Т. 1. – № 1. – С. 52–57.
5. Иванова Н.К. Орфография языковой личности: теория и практика изучения // Язык. Дискурс. Текст: Материалы междунар. науч. конф. – Ростов-н/Д, 2012. – С. 38–40.
6. Малаховский Л.В. Теория лексической и грамматической омонимии / Отв. ред. Р.Г. Пиотровский. – Л.: Наука. Ленинградское отд., 1990. – 238 с.
7. Эпштейн М. Слово как произведение. О жанре однословия. [Электронный ресурс] URL:http://old.rus.ru/antjlog/intelnet/ds.odnoslovie_1.html. Дата обращения 30 октября 2012 г.
8. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. – London, 1983.
9. Ayto J. The Longman Register of New Words. – London: Longman, 1989.
10. Crystal D. Txtng: The Gr8 Db8. – Oxford: Oxford University Press, 2008.
11. Kelly M. To brunch or to brench? Some aspects of blended structures // Language. – 1998. – No 30 (3). – P. 579–590.
12. Kemmer S. The Rice University New Words Database [Электронный ресурс] URL:<http://neologisms.rice.edu>
13. MacFedries P. Word Spy. The Word Lover's Guide to Modern Culture. [Электронный ресурс] URL:<http://www.wordspy.com>
14. www.wordspy.com. Дата обращения 7 октября 2012 г.
15. Macmillan english dictionary for advanced learners. – Macmillan, 2002, 2007.
16. Sola R., Kerchelich R. Abbreviations dictionary: abbreviations, acronyms, contractions, initial and nicknames, short forms and slang, shortcuts, signs and symbols. – CRC Press, 2001 (ed. 10).
17. The largest list of text acronyms and smileys. [Электронный ресурс] URL:<http://www.netlingo.com>
18. Wells J.C. Longman pronunciation dictionary; ed. 2. – London: Pearson Education Ltd., 2000. – 870 p.

**ENGLISH NEOLOGISMS-ABBREVIATIONS:
PECULIARITIES OF FORMATION AND SPELLING**

N.K. Ivanova

In the paper on the basis of the new words dictionaries some specific features in formation and spelling of various kinds of abbreviations (letter abbreviations, acronyms, blends, etc.) are analysed. “Abbreviation explosion”, characteristic for the current English language, is considered as the impact of the “law of efforts economy”, one of the most important in the language development. The correlation between the change in a word spelling and its pronunciation is traced, and the most typical models are established, peculiarities of upper case and lower case letters and logograms are described.

Keywords: neologisms, new words dictionaries, abbreviations, structural and semantic characteristics, spelling, pronunciation, models.

Сведения об авторе

Иванова Наталья Кирилловна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет (ИГХТУ), 153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7; e-mail: ivanova@isuct.ru

Материал поступил в редакцию 01.02.2013 г.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В АНГЛИЙСКОМ ПРАВОПИСАНИИ

Р.Ю. Блинов,
*Ивановский государственный
химико-технологический
университет*

Рассматривается орфографическая и графическая вариантность английского языка через призму истории и основных тенденций его развития, а также современных фактов, оказывающих влияние на английский язык. На примере английского языка рассматриваются этапы развития орфографии старописьменных языков и те изменения, которым они подвергались в ходе времени. В конце статьи приводятся примеры основных тенденций правописания и группы слов, на которые они распространяются.

Ключевые слова: графика, орфография, правописание, английский язык, старописьменные языки, тенденции в правописании, неудобства орфографии, фонетическое письмо, фонема, графема, группы слов, упрощение написания.

Изучение когнитивных процессов чтения и письма требует огромной теоретической разработки вопросов теории письма и особенностей письменной коммуникации, проникновения в сущность процесса «кодирования-декодирования» письменной речи, системного анализа динамических процессов в области орфографии, анализа лингвистических и социолингвистических причин орфографических инноваций. Актуальным представляется анализ современных графических особенностей разных языков. Как известно, графические системы старописьменных языков почти всегда пользуются заимствованным алфавитом, являются результатом длительного эволюционного развития во взаимодействии с орфографией и под влиянием иностранных систем письма. Это влияние проявляется и в

написании заимствованных слов, и в их произношении, и в появлении вариантных написаний. История многих языков мира свидетельствует о попытках бороться с «неудобствами своей орфографии» (Г. Пауль), особенно на этапе становления литературного языка. Рациональное письмо, к которому стремятся на протяжении длительного времени различные языковые сообщества, требует активного участия специалистов, владеющих теорией языка. На сегодняшний день орфография остается одним из наиболее сложных аспектов в кодификации уровней языка. До сих пор в языкознании преобладает мнение об абсолютной статичности графической системы и минимальной подвижности орфографии.

При этом динамические процессы, обусловленные как лингвистическими

факторами, так и экстралингвистически, приводят к многочисленным изменениям в орфографии, переосмыслению функций некоторых графем, перераспределению «нагрузки» между основными принципами орфографии. Типологической чертой в развитии современной орфографии разносистемных языков, обусловленной языковым мышлением общества, является формирование фонетического письма, один из этапов утверждения которого – это появление и распространение вариантных написаний.

Значительное воздействие на рост числа вариантных написаний в эпоху глобализации оказывают средства массовой информации, рекламный дискурс и виртуальная коммуникация. Современные формы коммуникации, в том числе межкультурной, взаимовлияние устной речи и письма требуют обстоятельного теоретико-практического анализа их орфографической составляющей и ее оперативного отражения в словарях.

Вслед за Л.Р. Зиндером, понятие **письмо** трактуется как система знаков, используемая для фиксации звуковой речи, как сложный код, позволяющий переводить акустический речевой сигнал в оптический [3, с. 42–43]. Современные наблюдения над письмом, в том числе в виртуальной коммуникации, доказывают правоту Л.Р. Зиндера: это один из видов сложного кода, которому присуща условность, поскольку он создается сознательно в результате договора, а также изменчивость и другие динамические свойства.

Орфография современного британского варианта английского языка приблизительно с 20-х годов XX века, как и другие ярусы языка, находится под сильным влиянием американского английского, что приводит к постепенному упрощению традиционных написаний и проявлению ярко выраженной тенденции к графическому оформлению некоторых групп слов согласно фонетическому принципу. Появление, распространение и кодификация вариантных написаний наиболее характерны для различного рода заимство-

ваний, этимологическое написание и произношение которых постепенно «подстраивается» под орфографические и фонетические нормы национального языка.

Анализ различных существующих систем алфавита показал, что создание алфавитного (звукового) письма свидетельствует об осознании автономности звуков речи. Это конечный этап развития письменности, которому предшествовала многовековая эволюция способов фиксации речи, а путь к созданию алфавита, как указывает М.В. Гордина [1, с. 5], был очень непростым.

Графика, согласно определению Л.Р. Зиндера, «это совокупность правил передачи средствами данного алфавита плана выражения языковых единиц относительно к плану содержания, то есть без учета конкретных слов или морфем» [3, с. 58]. Правила графики не являются произвольными: несмотря на наличие различных способов передачи какой-либо фонемы, они подчинены фонетическим закономерностям, определяющим, в идеале, однозначное прочтение. Графема – минимальная единица письменного языка, служащая для обозначения фонемы. Однако в отличие от фонемы, графема – единица двусторонняя (ее планом содержания является обозначаемая ею фонема). Факультативный вариант графемы, в отличие от фонологического понятия факультативного варианта фонемы, может выступать в качестве аллографа другой графемы. Как указывает Л.Р. Зиндер, во многих языках (русском, немецком, французском, английском и др.) графемам присуща гетерография и полифония, которая обычно снимается графическим контекстом, а если этого не происходит, то правильное чтение обеспечивается взаимодействием графики и орфографии, которые обязательно присутствуют в акте чтения.

Кроме передачи определенной фонемы, некоторые алфавитные знаки могут выполнять метаязыковую функцию, и буква может рассматриваться как логограмма, но фонетически мотивированная. Бук-

вы могут входить и в состав немотивированных логограмм, состоящих из небуквенных знаков, цифр (ср. b4, w8, gr8, back 2 school, 2nite, CUL8r, 3ста, 100ит и др.)

Сложность графики старописьменных языков объясняется сложностью становления их графических систем: они строились на основе заимствованных алфавитов, изначально страдали от несоответствия числа букв и числа фонем. Это обусловило необходимость применения при адаптации к звуковому строю языка диграфов и триграфов, удвоенных согласных, диакритических знаков и т.д.

Правила орфографии создавались постепенно, в результате сознательной нормализаторской деятельности. Основная цель орфографии – обеспечение простоты и стандарта написания в отдельно взятом языке, достигается далеко не всегда. Выбор между параллельными возможностями написания, предоставляемыми графикой, осуществляется на основе того или иного принципа орфографии, которые были выработаны за долгие годы существования письменности. Однако единая система их названий и определений в современной лингвистике отсутствует.

Лингвистическая вариантность представляет собой имманентное языковое явление, следствие языковой эволюции. Однако проблема вариантности на уровне орфографии является еще недостаточно изученной. Вариантность написаний не всегда допускается и обычно не фиксируется в словарях. Норма и вариантность находятся в отношениях взаимообусловленности, а конкуренция вариантов является движущей силой саморазвития многих языковых систем. Возникновение, сосуществование, победа одного из вариантов, его кодификация в словаре и т.д. – также процесс эволюционный и длительный.

Согласно классификации Т.М. Григорьевой и С.В. Пономаревой [2, с. 20–22], при анализе вариантных написаний на примере различных языков выделяется вариантность **внешняя**, или *экстравариантность* (наличие вариантов написания слов в пределах разных текстов), и вари-

антность **внутренняя**, *интравариантность* (разное написание одного слова в пределах одного источника). Подобный феномен характерен для орфографий разных языков, но различия проявляются в зависимости от периода в истории письма конкретного национального языка. История нормирования орфографии разных языков позволяет установить наличие следующих сходных периодов:

- неупорядоченности, индивидуальности, вариантности, обусловленной отсутствием единых правил орфографии;

- орфографического «абсолютизма», то есть единого орфографического стандарта, режима, не допускающего отступлений от нормы, в течение которого через предписывающие словари и грамматики идет борьба с имеющимися вариантами написания слова;

- орфографического разнообразия, но уже при наличии единой, но менее строгой нормы, при незначительной роли реформаторов, но возросшего влияния языкового узуса, под воздействием которого возникают новые варианты написания, «восстанавливаются» старые.

Сложность графики и правил орфографии также обусловлена динамикой произносительных норм, обилием в любом языке лексических заимствований с сохранением их оригинальной графики. Именно этим определено стремление многих лингвистов-реформаторов их упростить, систематизировать.

Идеи о реформировании орфографии, не решенные в XIX веке, были актуальны в начале XX века как в немецком и британском обществах, так и в российском, в котором кардинальная реформа была осуществлена в 1917–1918 гг., в 1956 году появился новый Свод правил орфографии, а необходимость реформирования современной системы русского письма актуальна до сих пор. Однако направление реформирования и модернизации, связанное с изменением собственно графики и правил орфографии, получило наибольшее распространение в американском варианте английского языка. В Бри-

танском обществе ни один из проектов не нашел широкой общественной поддержки, однако изменение написания отдельных слов имело место, что и привело в конце XIX – начале XX века к появлению большого количества вариантных написаний. Последние, появившись или под влиянием американского варианта английского языка, или через коммерческие написания, или благодаря другим лингвистическим и экстралингвистическим факторам, в большинстве случаев наглядно отражают универсальную языковую тенденцию к экономии усилий и простоте выражения.

Рассмотрение в тесной взаимосвязи трех аспектов письма – алфавита, графики и орфографии, позволяет сделать вывод, что система английской орфографии имеет как типичные черты, характерные для подобных систем старописьменных языков, так и специфические, тесно связанные с историей языка, его развитием в разные периоды – под влиянием или в тесной взаимосвязи с языком, литературой, культурой, письменностью других народов. Отличие английского алфавита от алфавитов других европейских языков, основанных на латинском, заключается в том, что он пользуется диграфами (редко – триграфами) для обозначения различных звуков, а не буквами с диакритиками, и это его преимущество стало очевидно относительно недавно – при компьютерном наборе текстов.

Фонетическая эволюция, которая далеко не полностью нашла отражение в графике английского языка, многочисленные заимствования из других языков также обусловили сложность графики в английском языке и большой набор орфографических правил, которые в синхронии иногда выглядят противоречиво. Однако в определенный исторический период развития языка, его письменности они были оправданы и направлены на создание рациональной орфографии, которая позволяла бы пишущему точно и просто передавать на письме звучащую речь, а читающему – однозначно читать напи-

санное. Типичной особенностью орфографии английского языка, как и других старописьменных языков, является ее построение на ряде мотивированных и немотивированных принципов. В плане общей теории письма классификация принципов орфографии в английском языке, как и в некоторых других, является еще не до конца изученной. Однако современная практика письменной речи, печатная реклама, виртуальная коммуникация и другие сферы современного применения письма дают много интересного материала о типологии применяемых написаний и используемых принципах.

Орфографические изменения в английском языке за последнее время менее очевидны, чем в фонетике, лексике, грамматике, но изменение орфографических норм и появление нескольких вариантов написания одного и того же слова свидетельствуют о том, что и на орфографию распространяются универсальные языковые законы (экономии, аналогии и закономерности социального воздействия). Это обуславливает и динамику орфографических норм. Сложная история развития орфографии показывает, что потенциальная вариантность ее норм была заложена довольно давно, а наиболее ярко она проявляется сейчас в различных видах современной письменной коммуникации (виртуальной, рекламной и т.д.).

Основной орфографической тенденцией современного английского языка является **упрощение написания** определенных групп слов. Она распространяется на исторические написания с бывшими лигатурами (в начале или середине слова, e.g.: **eon** / aeon; **anesthesia** / anaesthesia; **archeology** / archaeology); цитатные или транслитерационные написания когда-то заимствованных слов и на некоторые старые английские слова (**banister** / bannister, **academe** / achademe; sheikh / **sheik**; **lissome** / lissome; **epilog** / epilogue; **bluish** / blueish); цитатные написания ряда имен собственных и нарицательных, писавшихся с диакритиками (**ekule**, **Jose**, **Lancome**; **abbe** / **abbé**; **bete noir** / **bête noir**,

chateaux / châteaux); ряд звукоподражательных слов, междометий, сокращений: **whir** / whirr; **whiz** / whizz; **dis** / diss; **decaf** / decaff; **la-di-da** / lah-di-dah, **ha** / hah.

Другая четко выраженная тенденция – «подстройка» написания слова под его произношение за счет замены одной графемы на другую (часто периферийной на ядерную), например: **bail out** / **bale out**; **balk** / **baulk**; **calloused** / **callused**; **artifact** / **artefact**; **dyke** / **dike**: **realize** / **realise**; etc.).

Анализ вариантов написания и причин их появления показал, что часто в современном английском языке имеет место и известный процесс влияния написания на произношение (*Spelling Pronunciation*), и до сих пор мало исследованный процесс изменения написания слова под воздействием его произношения (*Pronunciation Spelling*), например: **villeinage** / **villénage** /vɪlɪnɛɪʒ/; **marabou** / **marabout** /mərəʊ/; **twopence** / **tuppence** /tʊpɛns/, **breeches** / **britches** /brɪtʃɪz/, etc. Было установлено не только имплицитное и эксплицитное влияние американской орфографии на британскую, но и специфическое отражение этого феномена в словарях. Все проанализированные нами источники являются изначально британскими, но в них нет явной ориентации на традиционную британскую орфографическую норму, а пометы, четко отделяющие британский вариант от американского, и наоборот, встречаются довольно редко.

Источником вариантных написаний, обусловленных различием в графическом оформлении слов, являются и написания с прописной или строчной буквы, способы графического оформления сложных слов – дефисного, слитного или раздельного, закономерности, в предпочтении вариантов выбора которых определиться довольно сложно. Подобные написания относятся к трудным вопросам орфографии во многих языках, а в словарях возможные варианты регистрируются непоследовательно. Однако проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что количество слов с написанием через дефис постепенно сокращается. Однако при этом дефис как графиче-

ский знак продолжает выполнять дифференцирующую функцию при различении конверсионных частей речи и обычно сохраняется при написании сложных прилагательных, а слитное или раздельное написание более характерно для сложных существительных.

Еще один источник появления вариантных написаний – различное графическое оформление аббревиатур. В условиях наблюдаемого сейчас во многих языках «аббревиатурного взрыва» они являются средством концентрации информации, экспрессии, широко используются в языковой игре. Этот лексический слой быстро пополняется новыми единицами, и принципы их графического оформления требуют специального изучения.

Анализ существующих вариантов написаний проанализированных слов показал (на материале английского языка) наличие так называемых *слабых звеньев*: на уровне графики (в синхронии) к ним относятся: графема <u> для передачи звука /a/ под ударением (e.g. **cipher**/cypher); графема <ee> для фонемы /I/ на конце слова (e.g. **topi**/topee), диграфы и триграфы для передачи фонем /k/, /ʒ/, /f/, /w/ (<ch>, <que>, <sch>, <ph>, <wr>), неустойчивое написание графем <a>/<o> после <w>, написание ряда окончаний и суффиксов существительных: -or, -our, -ar; глаголов (-ise) и др. В диахронии к таким слабым звеньям относятся написания с **лигатурами**, процесс «избавления» от которых в британском варианте занял почти 150 лет, но ускорился под влиянием американского стандарта, и др. На уровне морфологии к слабым звеньям можно отнести написание с гласной перед суффиксом (e.g. **moveable** / **movable**), а также слитное, полуслитное, раздельное написание сложных слов.

Таким образом, присущая английскому языку вариантность написаний может быть проанализирована на основе различных критериев, что и отражает множественность и различие порождающих ее причин и способов ее передачи средствами орфографии и графики.

Библиографический список

1. Гордина М.В. История фонетических исследований (от античности до возникновения фонологической теории). – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
2. Григорьева Т.М., Пономарева С.В. Норма и вариантность в русской орфографии. – М., 2001. – С. 20–22.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1986.

SOME TENDENCIES IN ENGLISH SPELLING

R.Yu. Blinov

This paper deals with the graphical and orthographic variants of the English language viewed through the history and the main trends of its development. Some modern factors influencing the English language are also described. English here is meant as the basic example of the spelling development of the old-written languages and those changes they faced in the course of time. At the end of the article there are some examples of the main spelling trends and the groups of words they cover.

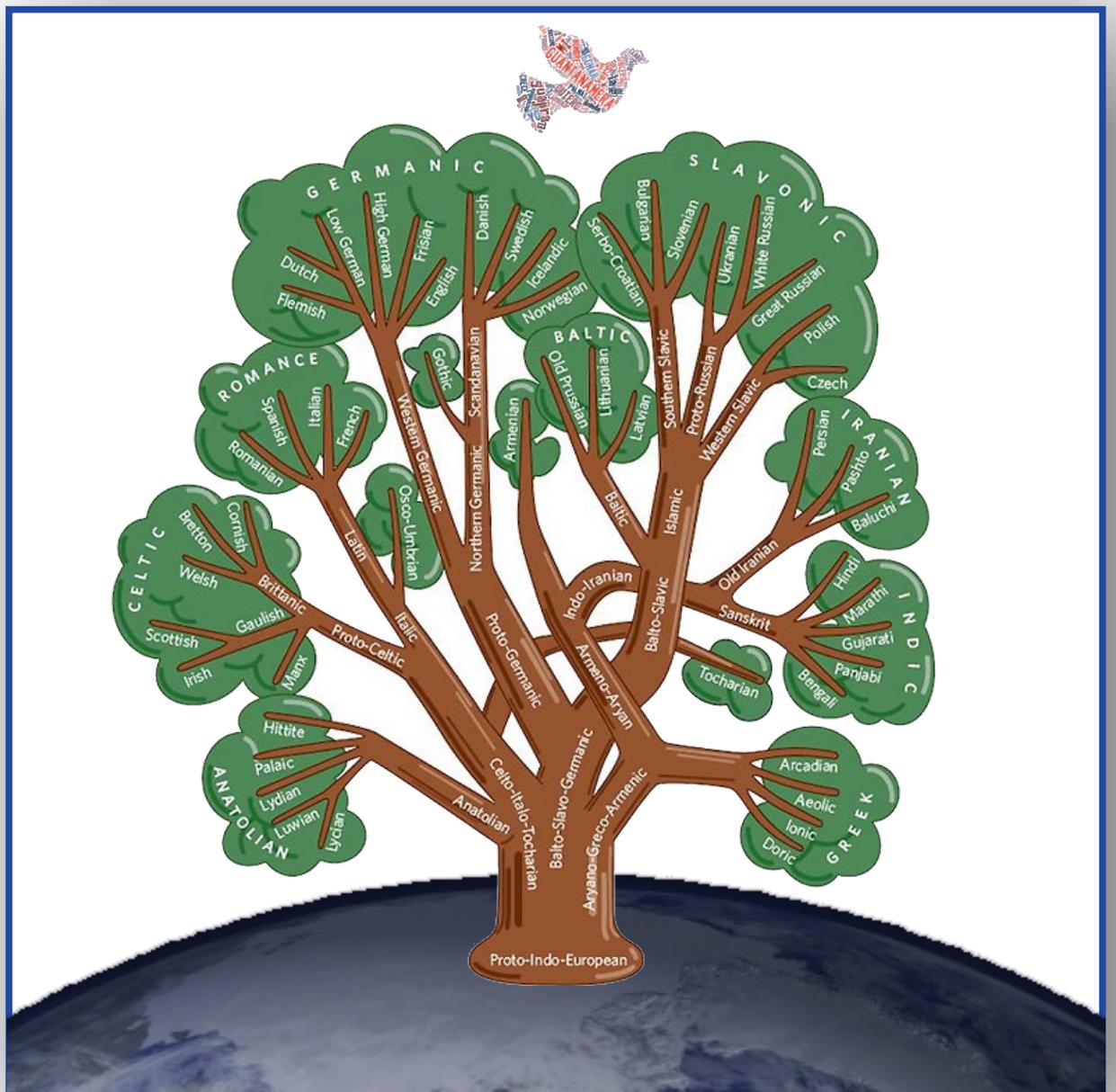
Keywords: graphics, spelling, English, language, trends, tendencies, changes, alphabet, groups of words, phoneme, grapheme, spelling simplification.

Сведения об авторе

Блинов Роман Юрьевич, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики, Ивановский государственный химико-технологический университет, 153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7; e-mail: blinov.roman@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 01.02.2013 г.

TERRA LINGUA Ψ

Нужно согласиться с мыслью, что перевод – это особый, своеобразный и самостоятельный вид словесного искусства.

В.С. Виноградов

При переводе недостаточно понять самому, нужно, чтобы поняли другие. По определению, перевод распадается на две части, восприятие смысла и его выражение.

М. Ледерер

Межъязыковая асимметрия создает особую психологическую обстановку для переводчика, которому необходимо выбрать оптимальное решение при воздействии на него совокупности культурологических, лингвистических, социально-исторических, психологических факторов.

Н.К. Гарбовский

*Питер Брейгель Старший
Вавилонская башня (1563)*

У стихотворения должны быть отец и мать: автор и переводчик. Отец и мать, – следовательно, ты – переводчик – наравне с первоначальным создателем несешь ответственность за судьбу стихотворения, за то, каким оно из-под твоего пера выйдет в жизнь.

С.Я. Маршак

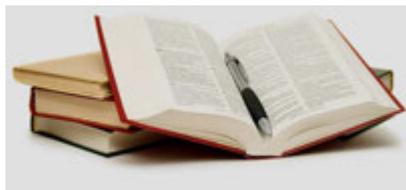
В истинном переводчике непременно сочетаются ценнейшие и редчайшие человеческие качества: самоотречение и терпение, даже милосердие, скрупулезная честность и ум, обширные знания, богатая и проворная память.

Валери Ларбо

Перевод... мучительный, изнурительный, раздражающий и приводящий в отчаяние труд. Труд обогащающий, нужный людям, требующий самоотрешенности, скрупулезности, честности, скромности... и, конечно, таланта.

Эльза Триоле

«Переводчики находятся в центре процесса общения. Являясь внешними проводниками идей и действий, они отчасти формируют мир, в котором мы живем. Перевод является фактором, определяющим многоязычное общение, и в то же время символизирует открытость к людям и развитие демократии».

(Из пресс-релиза МФП)

Очередной выпуск Terra Lingua обращен к проблемам практики и теории перевода. Роль перевода как необходимого условия обеспечения межъязыковой коммуникации возрастает в современном мире с каждым годом. Международный день переводчика отмечается 30 сентября, в день памяти Святого Иеронима (342–420 гг. н.э.), который традиционно считается покровителем переводчиков. Девизом 2013 года стало:

Beyond Linguistic Barriers – A United World. Без языковых барьеров – единый мир.

Перевод имеет давнюю историю. Своими корнями он восходит к тем далеким временам, когда единый для всех народов праязык, вследствие географических, исторических и культурных предпосылок, распался на отдельные языки и вместе с другими элементами духовной и материальной культуры стал развиваться во внутринациональных пределах. Согласно библейской легенде о Вавилонском столпотворении, Бог в наказание за человеческую гордость разделил человечество на различные народы, каждый со своим языком, чтобы они не могли понимать друг друга.

Однако какими бы лингвистически разделенными ни были народы, насущные экономические потребности и неутолимая человеческая жажда познания и общения всегда подвигали людей к межкультурному диалогу, к необходимости посредничества при общении разных языковых общин. Почти с самого начала существования человеческой цивилизации перевод выполнял важнейшую социальную функцию, объединяя людей. Современное человечество говорит на более чем 5000 языков. С незапамятных времен существовали люди, преодолевавшие языковую пропасть между народами.

Трудно переоценить значение миссии переводчиков в наши дни. С их участием разрешаются политические, экономические, военные конфликты, решаются многочисленные проблемы. Немаловажно значение перевода для науки: передача уникального опыта исследователей из одних стран их коллегам в других. Человеческая склонность к обобщению веками накопленного огромного опыта переводческой практики привела лингвистов к созданию теории перевода – переводоведения.

ИСКУССТВО И НАУКА ПЕРЕВОДА

На протяжении истории перевод носил спонтанный характер, использовался в локальных условиях. Переводческая практика всегда опережала теорию перевода, хотя попытки осмыслить закономерности процесса перевода предпринимались на протяжении многих веков. Как отдельная научная дисциплина «переводоведение» сформировалась к концу XX столетия, что было обусловлено прогрессом международных отношений. В России переводоведение оформилось в самостоятельную науку в 1953 г., после опубликования монографии «Основы общей и частной теории перевода» А.В. Федорова.

В настоящее время термин «перевод» охватывает широчайший круг человеческой деятельности: переводится художественная литература – поэзия, проза, драматургия; научная литература по всем областям знания; публицистика, телеинформация, реклама, научно-популярные, документальные и художественные фильмы; документация и деловые бумаги; речи ораторов, приватные беседы лиц и т.д.

Исследования по межкультурной коммуникации приобретают все большее значение в связи с процессами глобализации и интенсивной миграции. В этом процессе перевод занимает особое место. Согласно А. Швейцеру, «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (переводческому) анализу первичного текста создается вторичный текст (мета-текст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [9]. К научным дисциплинам, исследующим проблемы перевода, обычно относят лингвистику, литературоведение, психологию и этнографию.

Из истории перевода

В античный период осуществлялся в основном перевод Библии и священных книг. Во II веке до н.э. на древнегреческий язык с древнееврейского переводился Ветхий Завет. Религиозные тексты переводились на греческий и латинский, потом и на другие европейские языки. В средневековый период помимо библейских текстов переводчики обращаются к философским и историческим трактатам античного мира (Луций Сенека, Марк Т. Цицерон, Иосиф Флавий, Публий К. Тацит и др.). Сам Цицерон (I в. до н.э.) работал переводчиком, занимаясь переводом речей Эсхила и Демосфена.

В эпоху Возрождения появилась целая плеяда просветителей, литераторов, например, в Германии Штейн Хевель – переводчик Эзопа и Бокаччо, во Франции – Иоххим Дюбэлле (переводчик Овидия), Этьен Доле (переводчик Платона и автор трактата «О способе хорошо переводить с одного языка на другой»).

В 1540 г. Мартин Лютер опубликовал трактат «Об искусстве переводить».

В английском переводоведении широко известна монография под названием «Лингвистическая теория перевода» именитого переводоведа Джорджа Кэтфорда (George Catford), опубликованная в 1965 г.

Русская переводческая традиция восходит к переводной письменности Киевской

Руси, которая уже в то время поддерживала культурно-торговые связи с Византией, Германией, Францией, скандинавскими странами, а также с Востоком. Языком русских переводов тогда был язык библейских книг с греческого языка. В XIV–XVII вв. продолжали переводить религиозные произведения; огромную роль сыграл Максим Грек, ученый монах с Афона, создавший в Москве целую школу переводчиков.

XVIII в. стал для перевода переломным благодаря Петру I. Начало века отмечено переводами специальной литературы (юриспруденция, договоры, документы). Позднее переводчики стали переводить художественные произведения, в частности, переводы французской поэзии. Переводчиками были известные литераторы и ученые: Сумароков, Ломоносов, Тредьяковский, Державин, Жуковский.

Для XIX века характерно появление в большом количестве переводов стихов.

В XX веке появляются теоретические пособия: «Искусство перевода» (1936) и «Высокое искусство» (1941) К.И. Чуковского. В это время появилась необходимость теоретического осмысления переводческой практики.

Классические и современные подходы в переводоведении

Переводоведение как наука во многом основывалось на изучении перевода с позиций лингвистики и на сопоставительных данных синхронного описания языков [7]. Ученые выявляют межъязыковые соответствия, описывают различные способы перевода, которые позднее используются при описании переводческих трансформаций.

Прикладное переводоведение рассматривает практические проблемы, связанные с переводом, вопросы профессиональной подготовки переводчиков и использования ими вспомогательных средств, а также разрабатывает принципы оценки качества перевода [4].

Описание процесса перевода осуществляется через различные модели перевода, классической считается теория уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова (1990).

Перевод часто рассматривают как межъязыковую трансформацию [7]. Переводчик в случае невозможности использования формального соответствия в другом языке вынужден использовать трансформации, которые позволяют выполнить адекватный перевод. Несмотря на относительно молодой возраст переводоведения как науки, в настоящее время существует множество работ, посвященных переводческим трансформациям. Однако следует отметить, что до сих пор в теории перевода нет единого мнения относительно сущности понятия «переводческая трансформация».

Существуют определения, предложенные Л.С. Бархударовым, Р.К. Миньяр-Белоручевым, Я.И. Рецкером, А.Д. Швейцером, В.Е. Щетинкиным, Л.К. Латышевым, В.Н. Комиссаровым, В.Г. Гаком и другими. Переводческие трансформации в нашем понимании – это межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента. С помощью таких преобразований осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц [2].

Современная теория перевода ставит своей целью поиск универсальных категорий, с помощью которых появляется возможность интерпретации процессов, происходящих в ходе межъязыкового и межкультурного взаимодействия и определения оценки качества перевода. Наряду с терминами «адекватный» (А. Нойберт; К. Райс, Х. Фермеер; А.Д. Швейцер), «эквивалентный»

(Ю. Найда, Дж. Кэтфорд, В.Н. Комиссаров), «*полноценный*» (А.В. Федоров), «*успешный*» (Л.М. Алексеева), «*литературный*» (Г.Р. Гачечиладзе) и мн. др., в переводоведении уверенно входит понятие *гармоничного перевода*, понимаемого как такой перевод, который обеспечивает гармоничное транспонирование всех смыслов исходного сообщения не только в другой язык, но и в другую культуру.

Отправной точкой в формировании понятия *гармоничного* перевода послужила интерпретативная теория перевода, разработанная во Франции в 60–70-е гг. XX века Д. Селескович и М. Ледерер. Предметом изучения интерпретативной теории перевода выступает именно процесс перевода, характеризуемый, во-первых, интерпретацией, общего смысла, а не восприятием значений отдельных слов, и, во-вторых, оформлением перевода, опирающимся не на лингвистические значения или грамматические конструкции исходного текста, а неразрывно связанным с явлением девербализации, то есть абстрагированием от словесно-грамматической оболочки понимаемого текста.

В процессе своей деятельности переводчик видит единство смысла за счет того, что он воображает, домысливает картину происходящего, отталкиваясь от семантики языка, и создает в своем сознании образ – *l'image*, позволяющий ревербализовать в переводе идентичные оригиналу смыслы, образы. Гармония – особое переводческое мировоззрение, по-новому описывающее и процесс, и результат перевода [8]. В практическом плане переводческое мировоззрение выражается в готовности переводчика достичь главной цели перевода – гармонизировать смыслы исходного и производного языков.

Новейшим достижением науки о переводе стало издание пособия А.В. Павловой (Майнцский университет, Германия) и Н.Д. Светозаровой (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия) «Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода». Целью данного справочника является помочь изучающим иностранный язык решать задачи письменной и устной коммуникации, избегать досадных «германизмов» и «русицизмов», а также облегчить работу профессиональных переводчиков, расширив число вариантов перевода по сравнению с традиционными словарями [5].

Виды перевода

Психолингвистическая классификация переводов, учитывающая способ восприятия оригинала и создания текста перевода, подразделяет переводческую деятельность на **письменный перевод** и **устный перевод**.

Письменным переводом называется вид перевода, при котором речевые произведения, объединяемые в акте межъязыкового общения (оригинал и перевод), выступают в процессе перевода в виде фиксированных текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться.

Классической разновидностью письменного перевода является художественный (поэтический) перевод.

Поэтический перевод был частью просветительской деятельности М.В. Ломоносова, много переводил с латинского языка А.М. Сумароков, требуя воссоздания духа и силы оригинала, Н.М. Карамзин переводил с немецкого, английского, французского, считая, что перевод должен выразить мысли поэта с чистотой и приятностью, И.А. Крылов в переводах басен сумел создать национально-русскую поэзию, А.Ф. Мерзляков и К.Н. Батюшков – переводчики античных поэтов, А.С. Пушкин – родоначальник искусства

*Poetry is what gets lost
in translation*
Robert Frost

поэтического перевода, И.С. Тургенев размышлял об искусстве перевода, А.А. Фет переводил с немецкого, английского, французского, польского, персидского, кавказских языков. Особо следует отметить А.А. Блока не только как талантливого переводчика, но и как автора концепции переводческого искусства, М.Л. Лозинского, автора «Искусство стихотворного перевода», блестящие стихотворные переводы С.Я. Маршака.

Устный перевод – это вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения.

Устный перевод существует с тех самых времен, когда понадобилось осуществлять общение между людьми, говорившими на разных языках. Апостол Павел наставляет: «Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй» [6].

В течение многих столетий в основном требовался устный **последовательный перевод**, когда, выслушав оратора, переводчик затем излагал его высказывание на другом языке, и **перевод с листа**, осуществлявшийся устно при наличии письменного текста. Последовательный перевод в виде абзацно-фразового или перевода с записью применяется сейчас на неофициальных и официальных встречах, приемах, во время ответственных переговоров, интервью, в ходе лекций, семинаров, круглых столов и т.п., когда сторонам нужно обдумывать свои слова пока осуществляется перевод или нет возможности использовать оборудование. Перевод с записью требует от переводчика хорошей памяти и умения использовать и быстро расшифровывать значки скорописи, поскольку длина переводимого отрезка колеблется от 2 до 7 мин.

В 40-х гг. XX века с появлением микрофона и наушников все большее значение стал приобретать **синхронный** перевод, который осуществляет переводчик одновременно со звучанием речи оратора, отставая от него на 1–1,5 предложения. В настоящее время на подавляющем большинстве международных, профессиональных и общественных конференций и встреч используется синхронный перевод, поэтому синхронистов еще называют *conference interpreter*.

Организаторы мероприятия обеспечивают переводчика всем необходимым: хорошо настроенным оборудованием, водой, а самое главное – информационными материалами, включая список участников, программой и текстами докладов. Докладчикам следует учитывать «транслятора» и говорить в среднем темпе, удобном и для восприятия аудитории, и для переводчика. Если в речи оратора возникает что-либо неожиданное, взламывающее рутинные атрибуты речи, то переводчик вынужден переходить из режима работы на уровне навыков в режим осмысления со всеми сопутствующими явлениями в виде отставания от речи оратора, пропусков второстепенных деталей, речевых сбоев и т.д. В этом виде перевода требуется большая концентрация внимания и мгновенная реакция, поэтому по международным стандартам синхронные переводчики меняются каждые 20–30 мин, а общее время перевода в день не должно превышать 3–4 часов.

Несмотря на свой относительно молодой возраст, переводоведение как наука обладает самостоятельным понятийным аппаратом и решает актуальные задачи межъязыковой и межкультурной коммуникации. Достижения теоретиков перевода применяются практикующими переводчиками, обеспечивающими полноценное общение людей различных национальностей.

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА. Межъязыковые трансформации

Несмотря на относительно молодой возраст теории перевода, в традиционном подходе к описанию переводческой деятельности известно множество работ, посвященных переводческим трансформациям. основополагающим определением принято считать формулировку Л.С. Бархударова: переводческие трансформации – это межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента [1].

В рамках описания процесса перевода трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами исходного и переводного языков, а в плане динамическом как способы перевода, которые можно использовать при переводе оригинала в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста/ситуации.

Сформулированные теоретиками перевода многочисленные классификации межъязыковых трансформаций не имеют своей целью противоречить друг другу. По своей сущности авторы данных классификаций делали попытку формализовать оценку результата перевода, в то время как, если сконцентрировать внимание на процессе перевода, станет очевидным, что все трансформации сводятся к тому, что переводчик улавливает единство смысла, заложенное в оригинале, и перевыражает его средствами, принятыми в переводном языке, вписывая новый текст в принимающую культуру.

Ниже приведены самые распространенные лексические и грамматические трансформации, однако стоит оговориться, что в реальной переводческой практике трудно четко выделить конкретное межъязыковое преобразование.

ДОБАВЛЕНИЯ

Многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц. В процессе перевода широкое применение находит прием **ЛЕКСИЧЕСКИХ ДОБАВЛЕНИЙ**. Этот прием связан с тем, что английским предложениям свойственна компрессия. То, что ясно носителю английского языка, требует добавления в русском варианте, например:

I saw a face watching me out of one of the upper windows. Я увидел лицо **человека**, наблюдавшего за мной из одного из верхних окон.

В вышеприведенном примере читателю ясно, что наблюдать может человек, а не лицо. Поэтому при переводе пришлось сделать добавление.

Аналогичный прием использован в следующих примерах:

The IMF mission is to arrive in Minsk on May 20. The staff will focus on the general macroeconomic indicators. 20 мая в Минск должна прибыть миссия МВФ. Сотрудники **фонда** сосредоточат **внимание** на общих макроэкономических показателях.

«Jupiter» is 40 percent owned by individual shareholders. **Компания** «Юпитер» на 40 % принадлежит индивидуальным акционерам.

...125 passengers and 5 crew ...125 пассажиров и 5 членов экипажа

ОПУЩЕНИЯ

Прием **ОПУЩЕНИЯ** прямо противоположен добавлению и предполагает отказ от передачи в переводе семантически избыточных слов, значения которых оказываются нерелевантными или легко восстанавливаются в контексте. Например:

*He leaned **forward** to take the paper.* *Он наклонился, чтобы взять бумагу.*

Понятно, что он наклонился *вперед*, поэтому это слово можно опустить при переводе.

Иногда опущения при переводе вызваны различиями в структуре английского и русского предложений. В русском языке нет необходимости в полном наборе всех членов предложения:

*The first **thing** I did was to give her a call.* *Первое, что я сделал, позвонил ей.*

Часто опускаются притяжательные местоимения, которые в русском переводе являются избыточными:

*He took **his** bag in **his** right hand.* *Он взял сумку в правую руку.*

Примером семантической избыточности также может служить использование в английском языке так называемых «парных синонимов» – параллельно употребляемых слов с близким значением. Русскому языку это явление несвойственно, и при переводе один из синонимов, как правило, опускается:

*The treaty was pronounced **null and void**.* *Договор был объявлен **недействительным**.*

КОНКРЕТИЗАЦИЯ

Конкретизация – это замена слова или словосочетания исходного языка с более широким предметно-логическим значением на слово или словосочетание с более узким значением. В результате при переводе соответствия и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения, единица исходного языка (ИЯ) выражает родовое понятие, а единица переводного языка (ПЯ) – входящее в нее видовое понятие. Как правило, лексике русского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам английского языка.

В английском языке многие слова с широкой семантикой не имеют полного соответствия в русском языке. Двухязычный словарь обычно дает ряд частичных вариантов соответствий, каждое из которых покрывает лишь одно из частных значений иноязычного слова.

Конкретизация может быть языковой и контекстуальной (речевой). При **языковой конкретизации** замена слова с широким значением словом с более узким значением обуславливается расхождениями в строе двух языков – либо отсутствием в переводном языке лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ, либо расхождениями в их стилистических характеристиках, либо требованиями грамматического порядка.

Что касается **контекстуальной конкретизации**, то она бывает обусловлена факторами данного конкретного контекста, чаще всего стилистическими соображениями, как, например, необходимость завершенности фразы, стремление избежать повторов, достичь большей образности, наглядности и пр. Например:

*You could hear him putting away his **toilet** **articles**.* *Слышно было, как он убирает свои **мьльницы и щетки**.*

It's boring to do that every two minutes. *Вот еще, охота была поминутно нагибаться.*
Dinny waited in a corridor which smelled of disinfectant. *Динни ждала в коридоре, пропахшем карболкой.*

Самый элементарный случай конкретизации – оборот *there is / there are*. В предложениях типа *There is a chair in the corner* конкретизация необходима, так как по-русски стул непременно «стоит» в углу, а не «есть» в нем.

There is a book on the table. *На столе лежит книга.*
There is a bird in the sky. *По небу летит птица.*
There is a fish in the pond. *В пруду плавает рыба.*

Конкретизируются при переводе на русский язык глаголы движения и глаголы речи: **BE, HAVE, GET, TAKE, GIVE, MAKE, SAY, COME, GO** и т.д. При конкретизации глагола *be* русское именное сказуемое трансформируется в английское глагольное сказуемое:

He is at school. *Он учится в школе.*
He was at the ceremony. *Он присутствовал на церемонии.*
Daniel will be here soon. *Скоро придет Даниел.*

ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое. Например, «*a cow-eyed girl*», в зависимости от контекста, может требовать разных соответствий: «*девица с коровьими глазами*» или «*волоокая красавица*»: первое создает отрицательную эмфазу, второе – положительную. То же самое сочетание может быть передано нейтральным вариантом с более обобщенным значением «*девушка с большими глазами*», если из контекста неясно, как именно трактуется это определение.

Вот пример генерализации:

Then this girl gets killed, because she's always speeding. *А потом эта девушка гибнет, потому что она вечно нарушает правила.*

Классическим примером генерализации может служить перевод русского слова *лечение*, которому соответствует английское *treatment*, обладающее гораздо более широким спектром значений и для информационного упорядочения требующее специальных контекстов, не совпадающих с контекстами *лечения*:

The treatment turned to be successful and she recovered completely. *Лечение оказалось успешным, и она полностью выздоровела.*
their treatment of the situation *их понимание ситуации*
His treatment of his parents was very deferential. *Он обращался с родителями очень почтительно.*

Способы описаний, наиболее присущие той или иной культуре, стереотипизируются языковой личностью в рамках ее овладения родной речью. Если для английского языкового сознания привычен способ конкретизированного описания, то для русского – способ обобщенного: *twenty six page booklet* – «(небольшая) брошюра», *four weeks* – «месяц» и т.д.

Иногда генерализация применяется в соответствии со стилистическими нормами, принятыми в русском языке и литературе. В русском языке не принято с пунктуальной

точностью указывать рост и вес людей, если это ничем не обусловлено, и сочетание *a young man of 6 feet 2 inches* в английском оригинале будет заменено в русском переводе на *молодой человек ВЫСОКОГО РОСТА*.

Генерализация часто выражается в замене имени собственного (нередко фирменного названия) именем нарицательным, дающим родовое название для данного предмета:

<i>Parked by a solicitor's office opposite the cafe was a green Aston-martin tourer.</i>	<i>У конторы адвоката напротив кафе стоял элегантный спортивный автомобиль зеленого цвета.</i>
<i>He showed us this old beat-up navajo blanket that he and Mrs. Spencer'd bought off some Indian...</i>	<i>Он нам показал потрепанное индейское одеяло – они с миссис Спенсер купили его у какого-то индейца...</i>

ЦЕЛОСТНОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Одним из приемов осуществления переводческих трансформаций является прием целостного преобразования, являющийся определенной разновидностью смыслового развития. Если дать лаконичное разъяснение этому приему, то его суть – во всеобъемлющем преобразовании как отдельных слов, так и предложения в целом.

Тенденцией, аналогично проявляющейся и в других видах лексических трансформаций, является использование целого перечня частотных лексических единиц, образованных языковыми контактами традиционно. Результатом чего становятся различные словарные соответствия, как постоянные, так и вариантыные.

В наибольшей степени проявления такой тенденции встречаются в разговорном языке:

<i>How do you do!</i>	<i>Здравствуйте.</i>
<i>Never mind.</i>	<i>Ничего, не обращайте внимания, не стоит беспокоиться.</i>
<i>Forget it.</i>	<i>Не стоит об этом говорить. Пустяки! Не стоит благодарности!</i>
<i>Well done!</i>	<i>Браво! Молодец!</i>
<i>Birds of a feather flock together.</i>	<i>Масть к масти подбирается.</i>
<i>In for a penny in for a pound.</i>	<i>Заварил кашу, так не жалей масла.</i>

На примере указанных вариантов перевода видим, что несмотря на то, что эти пары не имеют ни общей внутренней формы, ни схожих семантических компонентов, они вполне согласованно передают общее смысловое содержание, хоть и выраженное на разных языках.

В действительности при переводе именно разговорной речи необходимо использование целостного преобразования. Приведенный выше анализ вполне доступно позволяет понять, почему целостное преобразование является таким многогранным приемом в практике перевода.

Переводческие трансформации являются своеобразным орудием труда переводчика, который, улавливая единый смысл, заложенный в оригинале, выражает его средствами переводного языка, обеспечивая полное понимание текста в принимающей культуре.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Новый век вводит новые задачи в коммуникативное пространство человечества. Современное движение информационных потоков не знает ни границ, ни времени, ни пространства. Соответственно, расширяется переводческая методология. К традиционным видам перевода – письменному, устному, последовательному, синхронному и т.д. развитие информационных технологий добавило машинный перевод, время широкого практического использования которого наступило с 1980-х годов. Каковы особенности феномена машинного перевода и функционирования переводных электронных словарей?

Машинный (автоматический, электронный, компьютерный) **перевод** (далее – МП) – это процесс перевода текстов (письменных и устных) с одного естественного языка на другой с помощью специальных компьютерных программ [8]. Все существующие системы исходят из идеи переводных соответствий и трансформаций. В практике переводческой деятельности различают два основных подхода. С одной стороны, результаты МП могут успешно применяться для *поверхностного ознакомления* с содержанием документа на незнакомом языке; в этом случае он может использоваться как *сигнальная информация* и не требует тщательного редактирования. С другой стороны, – это использование МП вместо обычного «человеческого». Данный процесс предполагает обязательное тщательное редактирование переводчика-специалиста и настройку системы перевода на определенную предметную область.

Действующие системы МП ориентированы на конкретные пары языков (например, английский и русский, немецкий и испанский и т.д.). Они обеспечивают связный перевод текста, учитывающий его морфологические, синтаксические, семантические данные, перевод некоторых идиоматических словосочетаний, фразеологических единиц и штампов конкретной предметной области, лексический анализ и перевод лексем, отделение однозначных слов от многозначных, синтез словоформ и предложений в целом на выходном языке. Качество МП зависит от тематики и стиля исходного текста, объема словаря, эффективности программного обеспечения, а также грамматической и лексической близости языков, между которыми производится перевод. Более качественно переводятся технические и официально-деловые тексты, т.е. обеспечивается информативный перевод, в котором особенности индивидуально-авторского стиля не так существенны. Машинный перевод художественных текстов практически всегда оказывается неудовлетворительного качества, т.к. «художественное» мышление машине недоступно.

Практика МП стимулировала развитие лингвистических исследований во всем мире, поскольку главные трудности при создании высококачественных электронных переводчиков связаны с недостаточным уровнем разработанности семантической теории языков, которая позволила бы точно сформулировать правила обработки смысла и значений предложений языка. Появились теории формальных грамматик, большое внимание стало уделяться моделированию языка и отдельных его аспектов, вопросам языковой формы и количественных распределений лингвистических явлений. Возникли новые направления лингвистической науки – вычислительная, математическая, инженерная, статистическая лингвистика и ряд других отраслей теоретического и прикладного языкознания.

В настоящее время есть множество компьютерных программ. Среди них **ПРОМТ (PROject MT** – проект машинного перевода) – российский продукт разработчика систем МП для английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, португальского и русского языков. Компания была основана в Санкт-Петербурге в 1991 году бывшими сотрудниками лаборатории инженерной лингвистики им. А. Герцена.

Мультигран – интернет-система, которая насчитывает 12 электронных словарей. **ABBYY Lingvo** – электронный словарь. Создан российской компанией АBBYY (многоязычная версия 11 языков). В отличие от ПРОМТа, в АBBYY Lingvo нет функции полного текстового перевода, но в программу включен обучающий модуль Lingvo Tutor и другие программы.

Подводя итог, отметим преимущества и недостатки машинного перевода. Основными достоинствами машинного перевода являются: *высокая скорость* (несколько секунд и Вы получаете перевод многостраничного текста), *универсальность* (с помощью подключения специализированных словарей компьютер переводит тексты из любой области, в то время как универсальными знаниями обладает лишь очень малый процент «живых» переводчиков; переводческие программы постоянно пополняются новейшими терминами и оперативностью далеко опережают свои полиграфические аналоги); *конфиденциальность* (системе МП можно доверить личную переписку, финансовые документы и т.д.), *доступ к услуге on-line*, *низкая стоимость*, наконец.

С другой стороны, при всей привлекательности и легкости в обращении следует предостеречь пользователей: в электронных переводах обнаруживается масса погрешностей. Компьютер адекватно переводит простые предложения, но допускает ошибки в падежах, прилагательных, речевых оборотах, сложных предложениях и конструкциях; допускает неточности перевода многозначных слов и т.д. «Машинный перевод – это миф, – считает Линн Сешедри, консультант Electronic Data Systems (шт. Техас). Возможно, он годится для технической документации, но во всех остальных случаях вы получаете 15 % смысла и 85 % ерунды» [10].

Итак, компьютер пока не может заменить переводчика. Стоит ли тогда вообще применять системы машинного перевода? Специалисты полагают, что стоит. *Для решения проблем, обусловленных трудоемкостью процесса перевода, системы МП могут оказаться хорошим подспорьем.*

ОСТОРОЖНО: МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД!

Министр иностранных дел Голландии Максим Верхаген ожидал прибытия в Амстердам делегации израильских журналистов на пресс-тур, посвященный голландской политической системе и экономическим санкциям Голландии против Ирана. На адрес электронной почты МИДа Голландии пришло странное письмо от израильских журналистов: **«Hello bud, Enclosed five of the questions in honor of the foreign minister: The mother your visit in Israel is a sleep to the favor or to the bed your mind on the conflict are Israeli Palestinian, and on relational Israel Holland».**

Голландцы немедленно связались с МИДом Израиля, требуя разъяснений по поводу оскорбительного письма, на что получили бурную реакцию: «Как только они могли отправить такой текст? Наши журналисты спровоцировали очень, очень серьезный конфликт».

Оказалось, что причиной непонимания стал электронный переводчик на сайте www.babylon.com. Вопрос, который должен был звучать: **«What, in your opinion, needs to be done regarding the Iranian threat to Israel?»** («Что, по Вашему мнению, следует предпринять для устранения угрозы Израилю со стороны Ирана?») превратился в: **«What in your opinion needs to do opposite the awful the Iranian of Israel?»** («Что, по вашему мнению, требуется делать напротив ужасного Ирана Израилю?»). А что касается упоминаний матери министра иностранных дел, – WEB-сайт Babelfish перевел слово «если», которое на иврите пишется «ha'im» аналогично омонимичному слову «ha'ima», означающему «мать». Несмотря на извинения со стороны израильских репортеров, Голландский МИД собрался отменять пресс-тур для израильских журналистов и подал официальную жалобу по поводу инцидента.

Перспективы развития машинного перевода связаны с дальнейшей разработкой и углублением теории и практики перевода, строгие теории терминологизации лексики, теория и практика работы с подязыками помогут повысить качество перевода лексических единиц, что будет вносить свой вклад в совершенствование теории и практики машинного перевода.

**Reorder the Words
to make up English Proverbs**

- 1 the mind idleness rusts
- 2 business your mind own
- 3 the soul is of wit brevity
- 4 is where is home heart the
- 5 soul eyes to a window are
- 6 book another is a closed mind man's
- 7 a is a medicine merry good heart
- 8 is to a willing heart impossible nothing
- 9 punctuality of business the soul is
- 10 loving love mind a poor if there is a hut heart doesn't
- 11 but wealth friends spirit all more much loses loses loses loses loses loses he that he that he who

Below are the examples of machine translation.

How would you correct it? How do you estimate the Google translation?

CAREERS

Twenty-five years ago, armed with a degree in accounting, I joined my current employer in an entry-level position. These past 25 years have been good to me. I've steadily risen in responsibility and title and currently manage a department of 45 people. But I'm thinking of leaving. After all these years with a large corporation, I'm wondering whether working for a smaller company might not provide greater rewards, both psychologically and financially. I have a few friends who left jobs with big companies to join smaller firms, in one case going from a company generating billions of dollars a year to a six-person startup company. He seems happy enough, but his only complaint is that he lacks the staff and resources he once enjoyed at his previous employer. Any thoughts on the rewards versus the risks of going from big to small?

КАРЬЕРА

Двадцать пять лет назад, вооруженный по специальности бухгалтерский учет, я присоединился к своим нынешним работодателем в позиции начального уровня. Эти последние 25 лет был добр ко мне. Я неуклонно возросла в ответственность и название и в настоящее время управляют отделом из 45 человек. Но я думаю, уходит. После всех этих лет с большой корпорацией, Я интересно ли работать на небольших компаний обеспечивают еще большую, возможно, не награды, и психологически, и материально. У меня есть несколько друзей, которые оставили работу с крупными компаниями, чтобы присоединиться мелких фирм, в одном случае, идущий от компании, исчисляемые миллиардами долларов в год, чтобы шесть человек запуска компании. Он, кажется, достаточно счастливы, но его единственная жалоба, что ему не хватает персонала и ресурсов наслаждался 11:00 на своего предыдущего работодателя. Любые мысли о наградах против риски перехода от большого к малому?

False friends

These are pairs of words or phrases in two languages that look or sound similar, but differ significantly in meaning.

Look at the following examples in English and Russian:

Word	Translation
accuracy	правильность, точность
academic	преподаватель или научный сотрудник вуза
actual	действительный, реальный
complexion	цвет лица; состояние кожи лица
Dutch	голландский
fabric	ткань, текстура
intelligent	разумный, сообразительный
obsolete	устарелый, старомодный
principal	директор школы; главный, основной
profane	нецензурный
prospect	перспектива
revision	редакция; поправка

Here is a GIFT for you.

Hier ist GIFT für dich.

Hier ist ein GESCHENK für dich.

HUMAN

vs

MACHINE

Saint Jerome

St. Jerome is known as the 4th–5th century scholar who translated the Bible into the language ordinary people could read. At this time, the declining decades of the Roman Empire, the ordinary language was Latin. Jerome's version of the Bible is known as the Vulgate.

Jerome is considered to be the most educated of the Latin Church Fathers, being fluent in Latin, Greek, and Hebrew, with knowledge of Aramaic, Arabic, and Syriac. In addition, he made available to westerners other Greek texts. Jerome had a dream in which he was criticized for being a Ciceronian, which he interpreted to mean he should read Christian material, not the Classics, so he changed his focus.

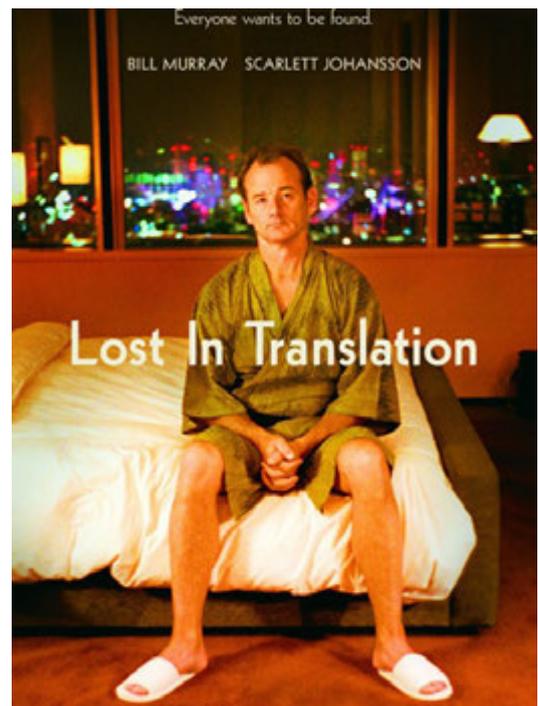
He studied grammar, rhetoric, and philosophy at Rome. He lived for two years as a desert (in Calchis) hermit. From 382–385 he served in Rome as secretary to Pope Damasus. In 386 Jerome moved to Bethlehem where he set up and lived in a monastery. He died there at about the age of 80.

Jerome translated 39 sermons of Origen on Luke, whom he opposed. He also wrote against Pelagius and the Pelagian heresy. Jerome had disagreements, as well, with the North African Christian theologian (Saint) Augustine (354–386) of City of God and Confessions fame, who died in Hippo Regia during the siege by the Vandals, one of the groups blamed for the Fall of Rome.

Try to match the original names of the following films with their Russian equivalents:

1. Some Like It Hot	a) Форсаж
2. Cinderella Man	b) Крепкий орешек
3. The Hangover	c) Нокдаун
4. Fast & Furious	d) Мальчишник в Вегасе
5. Awake	e) Игра без правил
6. Sweet Home Alabama	f) Звездные войны: Путь сквозь Вселенную
7. Nowhere boy	g) Остаться в живых
8. Everybody Loves Sunshine	h) Стать Джоном Ленноном
9. Fair game	i) Понты
10. The Men Who Stare at Goats	j) Простые сложности
11. Lost	k) Стильная штучка
12. Die Hard	l) В джазе только девушки
13. It's Complicated	m) Безумный спецназ
14. AniMen: Triton Force	n) Наркоз

Список использованных источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 190.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – С. 172.
3. Кушнина, Л.В. Динамика переводческого пространства – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2003. – 232 с.
4. Малявина А.Н., Дмитриева Н.А. Перевод в теоретическом и методическом аспектах в немецкой, английской и русской традициях // Среднее профессиональное образование. – 2007. – № 7. – С. 75–78.
5. Павлова А.В., Светозарова Н.Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. – СПб.: Антология, 2012. – 480 с.
6. Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла. Глава 14:27.
7. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 448 с.
8. Хатаишвили Х.А., Амирэджиби Н.М. К вопросу о машинном переводе и функционировании электронных словарей, 2010.
http://archive.nbuv.gov.ua/portal/natural/vdpu/Movozn/2010_16/article/56.pdf
9. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 75.
10. http://yqyq.net/16952-Mashinnyi_perevod.html

Коллектив авторов рубрики Terra Lingua Ψ

Чугаева Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков и философии ПНЦ УрО РАН

Назмутдинова Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и философии ПНЦ УрО РАН

Попов Даниил Сергеевич, преподаватель кафедры иностранных языков и философии ПНЦ УрО РАН

Миронина Анна Юрьевна, доцент кафедры лингвистики и перевода ВятГТУ

Вахотин Антон Андреевич, преподаватель английского языка Сыктывкарского филиала СПбГУСЭ

Порческу Галина Васильевна, ассистент кафедры лингвистики и перевода ВятГТУ

Кавардакова Елена Леонидовна, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации ПНИПУ

Ответы к заданиям предыдущего номера

№ 2/2013

Los verbos regulares	Una canción	Spanish and English verbs
hablar – túhablas	1. mucho	1 e
llamarse – me llamo	2. vez	2 d
trabajar – vosotrostrabajais	3. mí	3 l
bailar – ellabaila	4. mañana	4 g
escuchar – ellasescuchan		5 k
comer – yocomo		6 h
beber – tú bebes		7 i
aprender – yo aprendo		8 j
vivir – el vive		9 a
recibir – túrecibes, ellosreciben		10 f
escribir – ellosescriben		11 b
corer – nosotroscorremos		12 c

Материал поступил в редакцию 16.10.2013 г.

ИНСТИТУТЫ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

Здание Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН

УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ УрО РАН: ВРЕМЯ АНАЛИЗА

А.Е. Загребин,
Удмуртский институт истории,
языка и литературы УрО РАН

Рассмотрены некоторые аспекты истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Начавшийся в 1920-х гг. процесс национально-государственного строительства среди финно-угорских народов России нуждался в научном обосновании законодательных инициатив и административных решений. Вопросы, связанные с «коренизацией» аппарата управления, определением границ автономий, языковой политикой и взаимоотношениями различных групп населения, стали сферой деятельности историков, этнографов, лингвистов и фольклористов. Ввиду наметившейся кооперации между наукой и политикой исследователи должны были искать баланс между практиками, отражающими мозаичную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов. Переход института в академическую систему освободил ученых от многих бюрократических условностей, сохранив ряд ритуалов и направлений деятельности, связывающих его с местными властями.

Ключевые слова: гуманитарные исследования, Удмуртия, власть, Академия наук.

Не так давно подошел к завершению «долгий XX век». Век, отмеченный славными именами, методологическими бурями, трудностями перевода и перехода. Век, запомнившийся как период качественного и количественного рывка вперед. Век, поставивший под сомнение многие принципы прежнего эволюционно-поступательного движения.

Характерной чертой прошедшего времени стал существенный институциональный рост науки в России. Гуманитарное знание, умноженное на требования социального заказа, нашло себя в появлении немалого числа оригинально мыслящих ученых-оптимистов, скептиков и критиков, со

значительно большим, чем прежде, энтузиазмом объединявшихся для решения фундаментальных задач и вопросов практического свойства. Свидетельство тому – история отечественных наук о человеке, его языке и истории. Примечательно, что в те годы процесс научного строительства шел, подкрепляясь идеями решительного общественного переустройства. Обновление жизни, по крайней мере на первых порах, дало выход невиданной по силе энергии народа, выдвинувшего из своей среды самородков, готовых отказаться от стези молчаливых отцов, чтобы присоединиться к говорящим и пишущим. Вчерашние просвещаемые взяли на себя функцию просве-

тителей, пусть переоценивая порой возможности сопротивления власти обстоятельств. Сейчас, когда на смену эпохе синтеза приходит век анализа, мы в какой-то мере оказываемся способны определить «точки роста», на базе которых сложились исследовательские направления, возникли научные школы. Попытки осмысления пройденного пути в Удмуртском институте истории, языка и литературы УрО РАН (до 1988 г. – УдНИИ при СМ УАССР) предпринимались неоднократно: Об исследованиях культуры удмуртского народа. – Ижевск, 1970; Историография истории Удмуртии / Под ред. В.Г. Гусева. – Ижевск, 1977. Библиографический указатель трудов научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР. 1931–1980 гг. / Сост. Г.Г. Кузьмина. – Ижевск, 1981; Библиографический указатель трудов Удмуртского ИИЯЛ УрО РАН и его сотрудников: 1981–1996 гг. / Сост. В.М. Ванюшев, Л.Н. Зубкова. – Ижевск, 1997; Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Удмуртского института истории, языка и литературы УНЦ УрО РАН. 1998–2002 гг. / Сост. К.И. Куликов, Г.А. Никитина, М.Г. Иванова. – Ижевск, 2003; Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Научно-исследовательская деятельность. 2003–2008 гг. / Авт.-сост. М.Г. Иванова, Г.А. Никитина. – Ижевск, 2009.

На переломе

Едва завершив «горячую» стадию Гражданской войны, новые власти принялись за строительство многонационального государства. В напряженном историческом контексте первого послереволюционного десятилетия руководство страны предпринимало меры по ускоренной социально-экономической модернизации «внутренней периферии»¹: курс на формирование национальных автономий не мог опираться

на одно только желание – необходимо было создание генерирующей инфраструктуры, позволяющей готовить местные кадры, которые занялись бы наукой, образованием и культурой [14].

Первые попытки организации науки в Удмуртии были предприняты в начале 1923 г., когда по решению Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Вотской автономной области был создан Академический центр, призванный развивать образование народа на научной основе. Поэтом и этнографом Кузебаем Гердом было организовано первое удмуртское научное общество «Бöляк» (русс. *Соседство*), объединившее учившихся в столичных вузах удмуртских аспирантов и студентов [11]. Филиалы общества возникли в Казани, Вятке, Ижевске, в районах и селах Удмуртии. Ввиду отсутствия в крае ученых-гуманитариев приглашались исследователи из Москвы и Ленинграда. Один из основателей удмуртской автономии Т.К. Борисов обратился в Наркомпрос, Главнауку, в академии наук Венгрии и Финляндии с просьбой прислать специалистов [12]. В Удмуртии побывали известные ученые, занимавшиеся разработкой теоретических проблем удмуртского языка и этнографии – Д.В. Бубрих, Н.Я. Марр, В.П. Налимов, А.И. Емельянов, здесь работали археологи А.П. Смирнов и С.Г. Матвеев, музыковеды Е.В. Гиппиус и З.В. Эвальд² и др. Практические же задачи должны были решить сами удмурты.

Приехавшие ученые смогли воспользоваться материалами краеведов со второй половины XIX в., собиравших информацию об этнических традициях региона. Кроме того, учитывался опыт губернских ученых архивных комиссий, статкомитетов, а также труды сельских пастырей и епархиальных миссионеров, на протяжении веков добывавших сведения о миропонимании и жизненном укладе своей па-

¹ См., например: Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. – М., 2000; Этническая мобилизация во внутренней периферии: Волго-Камский регион начала XX в. – Ижевск, 2000.

² См., например: Загребин А.Е. В.П. Налимов и его книга об удмуртах // В.П. Налимов. Очерки по этнографии финно-угорских народов. – Ижевск–Сыктывкар, 2010. – С. 167–174.

ствы. Весь этот разнородный материал систематизировался и интерпретировался уже советской гуманитарной наукой, которая рассматривалась властью в качестве одного из важных векторов общественного развития с особыми идеологическими задачами. Учитывая наметившуюся кооперацию между наукой и политикой, исследователи должны были искать баланс между позитивистскими практиками, отражавшими мозаичную картину народной жизни, и ангажированными текстами официальных отчетов.

Развернувшийся в 1920-е гг. процесс национально-государственного строительства нуждался в научном обосновании законодательных инициатив и административных решений [13]. В автономных республиках создавались научно-исследовательские институты, призванные помочь построению «социалистической культуры». Примечательно, что поставленная задача не вступала в противоречие с интересами ученых [4]. Стремление к интеллектуальному общению привело к расширению дискурсивного спектра науки, чему на первых порах способствовал известный теоретико-методологический плюрализм.

Короткая волна признания коснулась тогда советской гуманитарной науки, благодаря которой сформировался фонд знаний, обогативший существовавшую источниковую базу. Однако смена политического курса, сопровождавшаяся свертыванием национально ориентированных проектов, привела к ликвидации местных научных обществ, минимизации экспедиционной деятельности и к гибели многих ученых, научное наследие которых было либо утрачено, либо надежно скрыто. Довольно скоро возможность вариативности суждений была сведена к минимуму. Последовавший затем разгром этнологии и краеведения привел к тому, что выходившие за установленные рамки научные работы замалчивались либо изымались [6]. В действиях со-

ветских властей наметилось явное противоречие: с одной стороны, они не доверяли научной интеллигенции, с другой – продолжали открывать научные учреждения...

В этих непростых условиях 10 марта 1931 г. Удмуртский обком ВКП(б) принимает решение о создании Комплексного научно-исследовательского института им. 10-летия Удмуртской автономной области (УАО), работающего под эгидой правительства удмуртской автономии (от этой даты и отсчитывается возраст нашего института). Наряду с историей и филологией его сотрудники должны были заниматься проблемами региональной экономики, сельского хозяйства и природопользования.

Скудость финансирования и мизерные штаты в сочетании с «громადьем» задач не смущали постепенно складывавшийся коллектив. Пугало другое – тотальный контроль, установленный за научной деятельностью, и неоправданно частая смена руководства института. Достаточно сказать, что за десять предвоенных лет на посту директора успело побывать пять человек. Проверки на благонадежность, чистки и увольнения были постоянными спутниками учреждения, на которое возлагалось высокое идеологическое бремя. Тем не менее за первое десятилетие работы коллективом был реализован ряд проектов, имевших ключевое значение для развития исторической науки в Удмуртии и удмуртского языкознания³.

В 1936 г. институт получил новое название, надолго ставшее его «визитной карточкой» – Удмуртский научно-исследовательский институт социалистической культуры (сокращенно УдНИИ).

Первый директор

Яков Ильич Ильин (1886–1958) к моменту своего назначения директором УдНИИ был хорошо известен как работни-

³ См. подробно: Родионов Н.А. Становление и развитие Института: 1931–1945 гг. // Институт: история и современность: к 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. – Ижевск, 2001. – С. 27–79.

кам культуры и просвещения, так и органам ОГПУ. Выходец из удмуртской крестьянской семьи, участник Первой мировой и Гражданской войн, в 1919 г. он стал студентом Вятского пединститута, среди преподавателей которого была группа энтузиастов краеведения с дореволюционным опытом. Из числа его наставников нужно особо выделить П.Н. Луппова. Русский по происхождению, он с детства жил среди удмуртов, так что изначально состоял с ними в духовном родстве. Главной для него темой была история удмуртов [1]. П.Н. Луппов старался приобщить своих студентов-удмуртов, марийцев, коми-пермяков и татар к исследовательской работе⁴. А это означает, что родословная института имеет глубокие корни в истории науки многонациональной страны.

Еще в Вятке Я.И. Ильин начал работу над трудом своей жизни – сводным библиографическим указателем опубликованных работ об удмуртах. К 1924 г. им было найдено более 500 названий такого рода публикаций. К сожалению, подготовленная к печати рукопись затерялась в Центриздате. К чести автора, в 1928 г. он подготовил новый вариант своего «Роя книг» – расширенный и исправленный [9]. По сей день, мы высоко ценим эту сравнительно небольшую книжечку, поскольку именно с нее началась удмуртская историография.

В 1921 г. Я.И. Ильин возглавил удмуртские педагогические курсы (в будущем педтехникум), организовав их переезд из г. Елабуги, отошедшего к Татарской Республике. Под руководством Ильина Можгинский педагогический техникум взял на себя функцию подготовки первого поколения советской национальной интеллигенции [3]. Особым увлечением заведующего были фольклорно-этнографические экспедиции, а также занятия в краеведческом музее и литературном кружке, из которого вышли первые

профессиональные писатели и поэты Удмуртии.

В 1926 г. сорокалетний «просвещенец» поступает в аспирантуру НИИ народов Советского Востока. Москва, интересная учеба, удмуртское студенческое землячество, научное сообщество – все это придавало ему новые силы и веру в скорое возвращение домой, где его ждет работа. Но вскоре пришли другие времена...

В конце 1929 г. на волне перехода к массовой коллективизации развернулась кампания по поиску врагов колхозного строительства и идеологов кулачества. В число пособников кулачества попал и Я.И. Ильин. Однако, когда в марте 1931 г. учреждали Комплексный научно-исследовательский институт им. 10-летия УАО, для руководства новым научным учреждением понадобился компетентный человек, и про кулаков пришлось забыть, ибо лучшей кандидатуры, чем Ильин, не было. Тогда же его ввели и в состав Всеудмуртского комитета по разработке нового удмуртского алфавита на основе латиницы.

Еще продолжалось время федеративно-демократических иллюзий, пробуждавшее надежды и стимулировавшее инициативы по развитию национальных регионов. В частности, много делалось в плане культурного строительства: совершенствовался лингвистический аппарат младописьменных языков, создавались издательства, предпринимались меры по «выращиванию» национальной интеллигенции, коренизации аппарата управления. Вскоре «генеральная линия» качнулась в сторону централизации. В русле новой тенденции в недрах Нижегородского ОГПУ родилось в 1932–1933 гг. так называемое «дело СОФИН» (Союз освобождения финских народностей), участники которого якобы планировали отторжение финно-угорских регионов от СССР и создание конфедерации под эгидой Финляндии [10]. Вместе с удмуртскими учеными

⁴ См.: Революция для всех. Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен» (1924–1927 гг.) / Отв. ред. и сост. А.Е. Загребин, А.А. Иванов. – Ижевск–Йошкар-Ола, 2008.

по этому делу проходили представители финской, карельской, коми, коми-пермяцкой, марийской и мордовской интеллигенции, а также крупные столичные ученые, занимавшиеся финно-угроведением. В их числе закономерно оказался и директор УдНИИ. Я.И. Ильина вскоре «разоблачили» как националиста и «гердовца»⁵.

Ильину, можно сказать, повезло: его не расстреляли на Соловках, как К. Герда, не замучили бесконечными судебными процессами, как бывшего председателя облисполкома Т.К. Борисова. Ему сохранили жизнь, выслав в деревню Горьковской области, навсегда лишив возможности участвовать в научной жизни республики [15].

Примечательно, что в программе курса истории удмуртского языка Удмуртского пединститута за 1937 г. отдельным пунктом была отмечена необходимость разоблачения деятельности буржуазных националистов в области литературного языка [2]. Но как раз в этом месте система дала сбой, перехитрив саму себя: вчерашние ученики Якова Ильина, порицая работы своих наставников, невольно способствовали сохранению памяти об альтернативном пути, о людях, способных на собственное мнение и свободное суждение.

Война и мир

Следующей значимой вехой в истории института стала Великая Отечественная война. Война внесла радикальные коррективы в работу УдНИИ [8]. Вероятно, нет нужды объяснять, что их первопричиной стали кадровые проблемы. Были призваны на фронт и вскоре погибли все сотрудники сектора истории. Так что с начала войны проблемами истории Удмуртии занимался в институте только один человек – его директор Н.Н. Латышев.

Конечно, военные условия наложили резкое ограничение на всю совокупность

средств, необходимых для проведения научных исследований. План работы УдНИИ на 1941 г. предусматривал археологические раскопки с приглашением специалиста из Института археологии и этнографии АН СССР, но ему не суждено было реализоваться. В период 1941–1945 гг. усилия сотрудников были сосредоточены на теме «Удмуртская АССР в Великой Отечественной войне». Для осуществления проекта в ноябре 1942 г. решением бюро Удмуртского обкома ВКП(б) была создана республиканская историческая комиссия для сбора материалов «об участии трудящихся Удмуртии, об их фронтовых и трудовых подвигах в период Великой Отечественной войны».

На военное время работа института перестраивается в соответствии с необходимостью обеспечения школ республики учебной литературой и оказания методической помощи учителям. Временно приостанавливается работа по теоретическому изучению вопросов истории, удмуртского языка, литературы и фольклора. Однако потенциал гуманитарной науки в эти годы не ослаб, а наоборот, усилился благодаря эвакуации в республику известных деятелей науки. Пребывание в Удмуртии крупных ученых стало серьезной школой для молодых специалистов.

Институт пережил войну, однако непростым периодом в его истории стали и послевоенные десятилетия, когда «руководящая и направляющая роль партии» нередко оборачивалась прямым диктатом. Научному коллективу «сверху» навязывались темы исследования, по каким-то, едва ли мотивированным интересам науки, соображениям менялись руководители учреждения. «Партийному руководству», как нередко в подобных случаях бывало, противостоял искренний интерес к делу непосредственных исполнителей – самих ученых. Вот почему и в тот период результаты научно-исследовательской ра-

⁵ Гердовец – идеологическое клеймо, которым отмечали представителей национальной интеллигенции, заподозренных в сочувствии взглядам известного удмуртского поэта, этнографа и фольклориста К.П. Чайникова (Кузубая Герда) (1896–1932), невинно пострадавшего в годы сталинских репрессий.

боты были достаточно весомыми. Вспомним, прежде всего, коллективные монографии «Очерки истории Удмуртской АССР» (в 2 т.: 1958, 1962) и «Очерки истории Удмуртской организации КПСС» (1968), ряд изданий, приуроченных к юбилейным датам («Удмуртия за 40 лет Советской власти», «40 лет Удмуртской АССР» и др.), историографические труды «Развитие науки в Удмуртии. Технические и естественные науки» (1977), «Развитие экономической и философской мысли в Удмуртии» (1977).

С позиций сегодняшнего дня хорошо заметны недостатки этих исследований. Несложно понять их причины: в советское время от ученых, занятых в сфере общественных и гуманитарных наук, часто требовались не столько новые мысли, сколько подтверждение официально признанных теоретических положений и выводов. Тем не менее, было бы несправедливо недооценивать работу исследователей той поры. Не следует думать, что в институт их приводило лишь желание получить весьма скромно оплачиваемое «рабочее место». Наука влекла их не меньше, чем нынешних исследователей; углубиться в тему побуждало их в ту пору, как и во все времена, «профессиональное любопытство». Им приходилось, конечно, играть в «ритуальные игры»: в их трудах есть неперенные ссылки на классиков, которые будто бы все знали заранее, их выводы «счастливы совпадают» с положениями последних по времени партийных документов. Эта буафория сегодня легко отчищается и остается большое количество фактов, подтверждающих непреходящую ценность тех трудов. Вопреки идеологической конъюнктуре сотрудники института оставались учеными, и совершенно очевидно, что без их исследований сегодня многое пришлось бы начинать с чистого листа.

В области удмуртского языкознания в советские годы был разработан ряд ключевых вопросов терминологии, диалектологии, орфографии и методики преподавания. Значительным явлением стало из-

дание «Грамматики современного удмуртского языка» (фонетика и морфология, синтаксис простого и сложного предложения) (в 3 кн.: 1962, 1970, 1974), удмуртско-русского (1948, 1983) и русско-удмуртского словарей (1942, 1956). Институт подготовил и издал «Очерки истории удмуртской советской литературы» (1957), коллективную монографию «Удмурт литература» (1966) и монографические исследования о творчестве удмуртских писателей М. Петрова (1960) и Г. Медведева (1963). За заслуги в исследовании удмуртского языка, литературы и истории, развитии просвещения и культуры Удмуртской АССР указом от 16 марта 1981 г. УдНИИ был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Однако уже к началу 1970-х гг. деятельность института во многом перестала отвечать требованиям времени и ожиданиям общества. Это была не вина, а беда коллектива. Трагикомично выглядела ситуация с изданием научных трудов. Госкомиздат СССР, столкнувшись с дефицитом бумаги, попытался преодолеть его традиционным для советской экономики способом – жестким нормированием фондов. Это ведомство издало директиву, согласно которой ученым, работавшим в отраслевых научно-исследовательских учреждениях, было запрещено издавать монографии. Установленная на одного сотрудника норма составляла не более полутора печатных листов научной продукции в год в виде отдельных статей. Исчезла заинтересованность в проведении фундаментальных исследований; научные наработки и результаты серьезных изысканий складывались в стол, в лучшем случае – в двух-трех экземплярах депонировались в научных архивах. Ученые лишались возможности приобретать опыт создания монографий и учебно-методических трудов. Сборники статей, издававшиеся ограниченным тиражом, в основном реализовывались среди узкого круга специалистов.

Удручающе действовало потребитель-

ское отношение к научному труду чиновников, постоянно обращавшихся в институт за различными справками для докладов, выступлений в печати и т.д. Как следствие в коллективе зрела мысль о смене ведомственной принадлежности: переходе из подчинения Совету министров Удмуртской АССР в систему Академии наук СССР⁶. В академических учреждениях формы организации научной деятельности были более демократичными, лучше была материальная обеспеченность исследований, целенаправленно велась подготовка научных кадров. Надо сказать, что правительство Удмуртии не противилось планам института: это давало возможность снять с себя лишнюю заботу и получить более сильное научное учреждение, занимающееся теми же исследованиями. Но была ли Академия наук заинтересована в пополнении своей структуры? Добиваясь намеченной цели, институт должен был сделать определенный рывок в своем развитии – решить (сам или с помощью руководства республики) ряд конкретных проблем. Необходимо было усилить материально-техническую базу, прежде всего – построить новое здание. Долгие годы институт располагался в особняке, который, казалось бы, хорошо «рифмовался» с профилем учреждения (исторический памятник, охраняемый государством). Проблемы возникали даже с размещением научных сотрудников, не говоря уже о приобретении современного оборудования для обработки и хранения информации. Показателен и тот факт, что уникальный библиотечный фонд находился в полуподвальном помещении и со временем мог быть полностью уничтожен сыростью и плесенью.

Решимость заняться капитальным строительством проявил в середине 1970-х гг. директор института В.Г. Гусев. Он начал хлопоты по отводу территории, проектированию здания, но добиться ощутимых результатов не удалось. Эста-

фету подхватил К.И. Куликов, приступивший к обязанностям директора в 1978 г. Ему пришлось изрядно потрудиться – эта работа потребовала экстраординарных усилий. Так или иначе, сегодня институт размещается в здании, которое позволяет коллективу работать в полную силу. Новые возможности способствовали плодотворной работе: за короткое время удалось наладить эффективную систему научно-организационной и издательской деятельности, улучшить подготовку кадров высшей квалификации.

Тем временем изменились и внешние обстоятельства: Уральский научный центр Академии наук СССР возглавил академик Г.А. Месяц, который стремился преобразовать локальный научный центр в региональное отделение академии. Одной из концептуальных основ организации УрО РАН было развитие в его структуре гуманитарного направления. С помощью гуманитарных наук предполагалось придать направление комплексу научных исследований, которые определили бы роль академии как мозгового центра, разрабатывающего стратегию социально-экономического развития «опорного края державы». Набравший за предшествующие годы достаточную силу Удмуртский НИИ, в целом, соответствовал концепции Уральского отделения, поэтому в докладе на выездном заседании президиума АН СССР, состоявшемся в феврале 1987 г. в Свердловске, Г.А. Месяц в частности сказал: «Совет Министров Удмуртской АССР обратился с просьбой в президиум АН СССР о передаче НИИ языка, литературы, истории и экономики в состав создаваемого Уральского отделения. Там работают высококвалифицированные специалисты в области языка, литературы и истории республики, поэтому президиум УНЦ считает такой переход целесообразным»⁷. Президиум академии согласился с мнением докладчика. Оставалось только соблюсти все формальности.

⁶ См. подробно: *Куликов К.И.* Институт – академическое учреждение // Институт: история и современность: к 70-летию Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук. – Ижевск, 2001. – С. 5–26.

⁷ Цит. по: *Месяц Г.А.* О нашей науке: мечты и реальность. – М., 1995. – С. 61.

На академической стезе

Вступив на новую стезю и обретя новое имя – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения АН СССР (с 1991 г. – УИИЯЛ УрО РАН), институт должен был определить те направления научного поиска, которые сохранили бы его органическую связь с историей и культурой удмуртского народа, одновременно позволив удмуртской проблематике достойно зазвучать на академическом уровне. Необходимо было учесть специфику уральской науки, традиционно ориентированной на развитие естественно-научных, производственно ориентированных исследований. Поддержку УИИЯЛ УрО РАН в его интеграции в академическое сообщество оказали коллеги-гуманитарии, прежде всего – коллектив Института истории и археологии УрО РАН под руководством академика В.В. Алексеева. Положительную роль сыграли контакты с родственным Институтом языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, имевшим большой опыт академической жизни. Главная задача состояла в том, чтобы за сравнительно короткое время доказать свою способность писать и говорить так, чтобы к тебе прислушивались, а твои работы читали и цитировали.

Деятельная натура К.И. Куликова стимулировала коллектив к выполнению крупных проектов, для реализации которых требовалась солидная материальная и интеллектуальная база. Неслучайно столько сил было вложено в постановку издательского дела, создание лучшей в регионе библиотеки гуманитарного профиля, организацию научно-отраслевого архива, приобретение экспедиционного оборудования, расширение спектра научных связей и главное – в профессиональную подготовку сотрудников. Постепенно выстраивались магистральные линии научного пути УИИЯЛ УрО РАН, позднее утвержденных Президиумом РАН в виде двух официальных научных направлений: история и культура народов Кам-

ско-Вятского региона в контексте общероссийских процессов с древности до современности, историко-культурное наследие и духовно-интеллектуальный потенциал народов Удмуртии. Самым позитивным образом на научной репутации института сказалась интегрированность трудов удмуртских историков и филологов в финно-угорский научный и культурный контекст.

В результате издания института обрели нового заинтересованного читателя, стали более востребованными научной и творческой интеллигенцией, студентами и аспирантами, а также коллегами из других научных центров страны и зарубежья. Повышение качества публикаций, особенно монографий, закономерно отражало рост научных сотрудников как специалистов (только за первое «академическое десятилетие» было подготовлено 5 докторов наук). В 1994 г. в институте была открыта аспирантура по археологии, этнографии, отечественной истории, литературоведению и фольклористике. С 2001 по 2007 г. функционировал единственный в Урало-Поволжье Совет по защите кандидатских диссертаций по фольклористике. В 2008 г. на базе прежнего «кандидатского» начал работу совместный с Удмуртским государственным университетом Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по археологии, этнографии и отечественной истории.

Актуализация научных исследований в области **истории** была предопределена необходимостью составления обобщающей картины исторического развития Удмуртии как части общероссийских политических и социально-экономических процессов. В эти годы был сделан решительный шаг вперед от очеркового жанра к монографическому осмыслению различных аспектов истории края с древнейших времен до современности. История удмуртского крестьянства, история купечества и предпринимательских династий, история рабочего класса и промышленного производства, история просветительства и формирования национальной интел-

лигенции, история православной церкви, проблемы национально-государственного строительства, политические репрессии и многие другие темы стали слагаемыми трехтомной академической истории Удмуртии, написанной при участии историков Удмуртского государственного университета (УдГУ) и изданной в 2004–2007 гг. Органичным дополнением к «Истории Удмуртии» стала двухтомная «Хрестоматия по истории Удмуртии», подготовленная учеными УИИЯЛ УрО РАН совместно с коллегами из государственных архивов Удмуртской Республики (УР). Она содержит уникальные и наиболее представительные документы, отражающие важнейшие события в истории удмуртского и других народов Камско-Вятского региона более чем за восемь столетий.

Этнография, этносоциология, этнопсихология, этнопедагогика в той или иной степени присутствуют почти во всех исследованиях института. Традиции и новации в этнокультуре удмуртов, бесермян, чепецких татар и кряшен, в преломлении миграционных, языковых и иных социальных процессов занимают не только этнографов – они вызывают интерес со стороны всего современного общества, для которого понятия «этничность», «межнациональные отношения», «толерантность» стали жизненными реалиями. В этой связи участие сотрудников УИИЯЛ УрО РАН в крупномасштабных проектах «Феномен Удмуртии» и «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа» позволило получить новые знания об этнополитическом развитии республики и сопредельных территорий в последнее десятилетие XX века. Присущий этнологии междисциплинарный поиск нашел свое место в изучении историко-культурного ландшафта, особенно священных мест и обрядовых традиций народов Камско-Вятского региона. Еще одним направлением, связавшим исследования института с европейским финно-угроведением, стали изыскания в области истории, теории и практики этнографического

изучения удмуртов и в целом финно-угорских народов России.

Одними из слагаемых успеха в научной деятельности института являются **археологические исследования**, на протяжении многих лет связанные с комплексным изучением чепецких древностей, и в особенности городища Иднакар, признанного эталонным памятником эпохи средневековья лесной полосы Восточной Европы. Курс на сочетание археологических методов и естественно-научных подходов к материалу принес новое качество в возможности реконструкции образа жизни населения региона в дописьменный период истории. Примером интеграции методов гуманитарных и естественных наук стали археологические исследования, ведущиеся совместно УИИЯЛ УрО РАН и Физико-техническим институтом УрО РАН (ФТИ УрО РАН). Создание полевого автоматизированного электроразведочного комплекса «Иднакар» и разработка методики измерений позволили начать геофизическое изучение памятников археологии, результаты которых получили широкое признание и применяются в экспедициях ведущих научных центров России. Перспективным оказалось начало работы по использованию физико-химических методов в реставрации и консервации предметов археологии.

Приоритетным направлением научных исследований УИИЯЛ УрО РАН являются труды в области удмуртского **языкознания**, включающие в себя работы по лексикологии, лексикографии, диалектологии, фонетике, графике и орфографии, орфоэпии, ономастике и топонимии. Сотрудниками кропотливо ведется работа по подготовке и публикации уникальных памятников удмуртской письменности, рукописей словарей и лингвистических трудов XVIII–XIX вв. Институт остается единственным учреждением, осуществляющим систематический сбор словарного фонда удмуртского языка. Серьезным вкладом в удмуртскую и финно-угорскую филологию и событием 2008 г. стал фундаментальный «Удмуртско-русский словарь», созданный по заказу Министер-

ства национальной политики Удмуртской Республики. Также стало событием появление двуязычной административной карты Удмуртской Республики, изданной при финансовой поддержке Общества им. М.А. Кастрена (Финляндия).

Фольклористика и этномузыковедение по-своему связывают УИИЯЛ УрО РАН с его предшественником – УдНИИ, где эти направления получили достойное развитие. В наши дни институтом подготовлены сериальные издания: «Удмуртский фольклор», «Русский фольклор Удмуртии», «Памятники культуры. Фольклорное наследие». Проблемы жанровой эволюции и систематики удмуртского фольклора, устная историческая проза региона, песенная традиция, современный русский детский фольклор, игры и развлечения – вот далеко не полный перечень исследовательских тем, получивших в последние годы монографическое исполнение. Реализуются проекты по составлению антологии традиционной удмуртской обрядовой песни, комплексному изучению духовной культуры и межэтнических связей народов Волго-Камья. Не менее важным стал перевод фольклорных материалов на цифровые носители. В 2008 г. проект «Электронная база данных по традиционной культуре народов Удмуртии» положил начало систематизации музыкального архива с применением современных технологий. В 2009 г. работы по оцифровке фольклорного фонда были продолжены совместно со специалистами ФТИ УрО РАН. В 2010 г. Институт приступил к созданию современной лаборатории по дигитализации звуковых записей удмуртского фольклора.

Становление и развитие национальной литературы как части культурогенеза является предметом научного интереса сотрудников УИИЯЛ УрО РАН, работающих в области **литературоведения**. В «академический период», по старой традиции, ими подготовлены новые труды по истории и современному состоянию удмуртской литературы в контексте межлитературной общности Урало-Повол-

жья. Рассмотрены проблемы театральной драматургии, удмуртского стихосложения, появились монографии, посвященные творческому наследию классиков удмуртской литературы. Благодаря работе коллектива над многотомным собранием сочинений выдающегося деятеля культуры финно-угорского мира, первого удмуртского писателя и ученого Г.Е. Верещагина введены в научный оборот этнографические, фольклорно-лингвистические труды и литературные произведения на русском и удмуртском языках, представляющие собой начальный этап развития словесного творчества народа и возможную модель формирования национальной литературы.

С 2001 г. в УИИЯЛ УрО РАН ведется целенаправленная подготовка многотомной энциклопедической серии «Удмуртская Республика», которой суждено стать не просто местом хранения информации по истории, культуре и различным отраслям жизни региона, но и средоточием научного знания об Удмуртии. За истекшее время разработаны концепции и опубликованы Словники отраслевых энциклопедий: «Просвещение, образование и педагогическая мысль», «Культура и искусство», «Здравоохранение». Подготовлены и опубликованы два издания энциклопедии «Удмуртская Республика». Завершена работа над электронным вариантом энциклопедии «Просвещение, образование и педагогическая мысль». Следует отметить, что энциклопедические издания имеют не только научное, но и важное прикладное значение; интеллектуальное богатство в виде свода знаний может быть использовано на любом уровне и востребовано представителями самых разных слоев общества. Кроме того, составление энциклопедий свидетельствует о зрелости коллектива, готового взяться за столь кропотливую и ответственную работу.

Хорошим подспорьем для плановой научной работы стали академические программы фундаментальных исследований, на конкурсной основе поддерживающие исследовательские проекты. Участие

УИИЯЛ УрО РАН в программах Президиума РАН, междисциплинарных и интеграционных проектах УрО РАН позволило приобрести опыт инициативной работы, направленной на получение конкретных результатов высокого уровня, и приобрести надежных партнеров в различных научных организациях страны и за рубежом.

Руководством УИИЯЛ УрО РАН и УдГУ предприняты действенные шаги по созданию научно-образовательных центров (НОЦ) [5]. Так, под эгидой «Финно-угорского научно-образовательного центра гуманитарных технологий» издается совместный научный журнал «Ежегодник финно-угорских исследований». Приоритетными задачами НОЦ являются разработка и внедрение в общественную практику современных гуманитарных технологий, способствующих развитию финно-угорских этносов России, координация научно-исследовательской работы в области финно-угроведения. Созданный в 2010 г. региональный комитет финно-угроведов УР, входящий в структуру российского и международного комитетов, также объединил специалистов УИИЯЛ УрО РАН и УдГУ, занимающихся историко-этнографическим и филологическим финно-угроведением. Нарботан позитивный опыт организации совместных научных мероприятий. В рамках разработки и внедрения национально-регионального компонента в учебно-образовательный процесс сотрудники института ежегодно готовят учебники и учебные пособия, читают курсы лекций во всех вузах Удмуртии, осуществляют руководство курсовыми и выпускными квалификационными работами студентов. В 2011 г. в УдГУ была создана базовая академическая кафедра этнологии и регионоведения, что еще раз подчеркнуло тесную связь науки и образования.

УИИЯЛ УрО РАН направляет большие усилия на внедрение результатов научных трудов в практику. Значительна роль института в формировании основных направлений деятельности Нацио-

нального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел Удмуртии, создании Историко-культурного музея-заповедника «Иднакар» и Архитектурно-этнографического музея-заповедника «Лудорвай». Популяризация научных знаний, богатейшего культурного наследия дали мощный импульс для творческого переосмысления их в современном искусстве и зарождения новых направлений в культурном процессе. Знаменательным событием стало использование в оформлении герба Удмуртской Республики символа человека-птицы, прообразом которого явилась подвеска, найденная археологами института на Кузьминском могильнике XI–XIII вв.

Сотрудники УИИЯЛ УрО РАН ежегодно разрабатывают аналитические записки для различных органов власти и организаций, в качестве экспертов и консультантов участвуют в работе общественных советов при органах государственной власти.

Научные исследования осуществляются в содружестве с учеными российских академических институтов, центров финно-угроведения России, Финляндии, Эстонии и Венгрии. Сегодня Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН – единственное научное учреждение, где разнообразные аспекты жизни удмуртского этноса и его связей с другими народами рассматриваются в комплексе. Численно небольшой институт отличается высокой степенью квалификации сотрудников и выполняет важную функцию координатора исторических и филологических исследований в регионе, организуя крупные исследовательские проекты, объединяющие усилия различных исследовательских центров.

Вместо заключения

Пополняясь новыми сотрудниками, вбирая в себя их идеи, институт хранит в своих стенах память людей, память народа [8]. Хочется верить, что первые 80 лет истории УдНИИ – УИИЯЛ УрО РАН станут лишь прологом движения к новому знанию и пониманию своего предназначения.

Библиографический список

1. *Бердинских В.А.* Историк на грани эпох: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. – Ижевск, 1991.
2. *Васильева О.И.* Удмуртская интеллигенция. Формирование и деятельность. – Ижевск, 1999. – С. 130.
3. *Вичужанин А.Г.* Стало домом родным: очерки. – Ижевск, 1993. – С. 12–25.
4. *Загребин А.Е.* Гуманитарный институт в национальном регионе: между этносом и кратосом // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. – 2012. – Вып. 12. – С. 398–402.
5. *Загребин А.Е.* О взаимодействии академической и вузовской гуманитарной науки (на примере Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и Удмуртского государственного университета) // Гуманитарные исследования на Урале и социальная практика: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2010. – С. 66–69.
6. *Загребин А.Е.* Этнографические материалы 1920–1930-х гг.: к проблеме источников по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – Т. 11. – № 6. – С. 254–260.
7. *Загребин А.Е., Куликов К.И., Никитина Г.А.* «В душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих» // Вестник Уральского отделения РАН. – 2011. – № 1. – С. 51–61.
8. *Загребин А.Е., Юрпалов А.Ю.* Историческая наука в Удмуртии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2010. – С. 47–50.
9. *Ильин Я.* Рой книг. Собрание книг и статей об удмуртах (вотяках) областных и внеобластных (с 1762 до пол. 1928 г.). – Ижевск, 1929.
10. *Куликов К.И.* Дело «СОФИН». – Ижевск, 1997.
11. *Куликов К.И.* Первое удмуртское научное общество «Бöляк» (Соседство) и археологические исследования в Удмуртии в период его деятельности // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск, 1991. – С. 4–13.
12. *Куликов К.И.* Трокай: художественно-документальная повесть. – Ижевск, 1991.
13. Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг.: сб. статей / Отв. ред. и сост. *К.И. Куликов.* – Ижевск, 1991.
14. *Павлов Н.П.* Самоопределение, автономия: идеи и реалии. – Ижевск, 2000.
15. *Христолюбова Л.С.* Ученые-удмурты. Биобиблиографический справочник. – Ижевск, 1997.

**UDMURT INSTITUTE OF HISTORY, LANGUAGE
AND LITERATURE UrB OF THE RAS: TIME OF ANALISIS**

A.E. Zagrebin

The article is devoted to the history of Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the RAS. Since the 1920s, the process of national-state construction among Finno-Ugric peoples of Russia was in need of scientific foundation of the legislation and administrative decisions. Questions related to management, determination of boundaries of the autonomies, language policy and relationships between various groups of population became the interest sphere of historians, ethnographers, folklorists and linguists. Due to cooperation of science and politics, the researchers were supposed to search for a delicate balance between practices that reflect mosaic picture of native life, and biased texts of official reports. The inclusion of the Institute into academic infrastructure liberated scientists from many bureaucratic conventions, at the same time preserving a number of rituals and directions of activity, which link the Institute with local authorities.

Keywords: humanitarian research, Udmurtia, authority, Academy of Sciences.

Сведения об авторе

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, директор, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (УИИЯЛ УрО РАН), 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4; e-mail: adm@udnii.ru

Материал поступил в редакцию 06.11.2013 г.